

СОДЕРЖАНИЕ:

ЧАСТЬ 1:
«Жировоск»

1. Биография Сергея Сергеевича.....	3
3. Посмертная записка.....	23
4. Воспоминание о Рите.....	65
5. ЖИРОВОСК.....	69
6. Яйцо или история одного дежурства.....	106
7. Конь.....	115

ЧАСТЬ 2:
«Копро»

1. Гроза.....	149
2. Лисья бухта.....	186
3. Коричневый мальчик.....	206

ЧАСТЬ 3:
«Сладости для маленькой гадости»

1. Грубое говно.....	221
2. Улыбка матери.....	222
3. К/У/М/.....	227
4. Одинокая постель.....	232
5. Оладка.....	252

ЧАСТЬ 1

ЖИРОВОСК

Солнышко играет
Всё светло и мило
Бабочка порхает
Над моей могилой

(Миша С. 7 лет)

Биография Сергея Сергеевича

На тебе же лица нет, Сергей...

1

- Третий день. Третий день. – Слава сокрушённо задёрнул занавеску.

На самом деле дождь лил уже четвёртый день, просто Слава один день подарил своей фирменной клюквенной настойке «Сакагавея», как он её называл.

Беспредметно и мято было за окном. Нервно бьющиеся кляксы рваных облаков, грязное обеденное марево, редкие озабоченные птицы метались туда-сюда. Довершала кататонию монотонная дробь, выстукиваемая болтавшимся на одном гвозде громоотводом.

Туда-сюда.

Слава отошёл от окна и замер перед креслом. Он старался угадать, не нассал ли сегодня ночью в его узорчатый велюр – с недавних пор завёлся у него подобный грешок. Осторожно опустился. Сухо. А запах... так тот уж давний.

Залётный порыв ветра, звякнув моросью, ткнул раму. Щёлкнул шпингалет. Слава покосился на дверь. Вроде запирал. В тесном, но тем и уютном дачном домике Слава чувствовал себя, словно в пещере. Или в родовом канале. Узкое и тёплое пространство, даже тесное. Свободного места едва ли хватит, чтобы развести костёр. Слава представил себе древних людей: сидят у огня, укутавшись в шкуры, щурятся от кострового жара; с трёх сторон их защищают вековые каменные массивы. За покрытым шкурой входом грохочет ливень, на охоту с рассветом...

3

Слава снова глянул на дверь. Вроде заперта.

Дачный кооператив «Радуга», улица 106, дом 33. Домик этот Слава купил у одной знакомой вдовы, за копейки – крохотный, снаружи резной, даже в чём-то нарядный, что, кстати, стало предметом нешуточной торговли с хозяйкой. Внутри же дом был оборудован в лучших традициях дачного вагончика, куда обычно ставят огородный инвентарь или запирают велосипеды. Единственное, что отличало внутреннее убранство домика от вагончика, была печь, не ахти какая печь, но зиму они со Славой провели достойно. За квартиру Слава выручил тридцать тысяч, плюс ежемесячная пенсия, как эвакуатору ЧАЭС. Третью он потратил на покупку дома и кладку печи, на оставшиеся деньги он жил.

Так в свои сорок три Слава намеревался прожить до конца.

Не решаясь с чего же начать день, Слава подёргал ручки кресла – не болтаются – осмотрелся, поднялся с кресла и подошёл к вешалке с одеждой. Постояв, он взял грабли и переставил их за печь. Сделав это, он снова вернулся в кресло. Грабли медленно выпали из-за печи и с грохотом повалились на пустое ведро. Ведро затряслось. Слава подошёл к столу, смахнул с клеёнки крошки, потянулся к шторе, но остановил себя и вышел в тесную, наполовину заваленную хламом преимущественно зимнего характера, кухню. В раковине сиротливо лежала на боку алюминиевая кастрюля с остатками засохшего соуса, расколотая надвое кружка, полотенце валялось на полу, хлеб мок в лужице молока, погнутый черпак, проросший картофель. Неприятный осадок со вчерашней пьянки ковырнул Славу своим когтистым когтем, но тут же уступил место мягкой лапке «хоть какого-то дела». Хоть что-нибудь делать, только бы не сидеть во всём этом, только бы не впускать в себя эту осеннюю немь, только бы...

Туда-сюда.

Всеми силами пытаюсь запустить в себе маховик неги, Слава стал представлять, как наносит воды, подогреет её, вымоет посуду, вымоет с шампунем – пусть в доме пахнет чем-нибудь цветочным, починит, наконец, кресло, ковровую дорожку выколотит, а может даже и вообще генеральную уборку в доме сделает, а весной баню класть нужно начинать, сад возродить... К началу весны на дачи потянутся соседи... В приливе восторга он даже привычно рванулся к бутылке с «Сакагавей», но остановился. Сегодня совершенно не хотелось пить.

Заметно повеселев, Слава стал одеваться. Тельняшка, линялый лыжный свитер, сапоги, нашёл кусок проволоки и перетянулся вместо изрезанного вчера в клочья ремня, надел было телогрейку, но тут же снял. Можно взопреть и заболеть – это на раз-два.

Улица встретила его моросью и жидкой грязью под ногами.

Слава не был знаком с бывшими хозяевами участка раньше, но узнал кое-что от соседей. Нина и Валерий получили этот участок ещё в те времена, когда государство хоть и неохотно, но давало. Они были одни из первых на этой земле – корчевали, жгли пни, таскали валуны. Когда подрос сын – стали строить дом.

Слава неосторожно ступил на склизкую доску, его качнуло, и он больно ударился плечом о резной выступ откоса.

Домик сразу было решено делать маленьким, выходного дня, чтобы для огорода оставалось больше места. Шли годы – строительство дома продвигалось медленно. Все силы уходили на огород. А тут Саша, их сын, вернувшись из армии, увлёкся резьбой по дереву. Взаялся за дом. Вот и получился такой нелепый теремок, высокий, в корявых узорах и торчащих во все стороны резных досках. Потом Саша заболел чем-то редким, его возили в Германию, Штаты – всё тщетно, Саша затухал на глазах. Нина ездила на заработки в Нидерланды, нянькой-сиделкой, всеми силами пытаюсь удержать сына на плаву. Валера запил и умер. Участок захерел.

От их поистине монументальных теплиц, дренажных и оросительных систем, подвесной клумбы функционирующим остался лишь монолитный крытый домик колодец, с рычажной системой и противовесом.

Морщась от острых капель и силясь сообразить раннее утро ли сейчас или просто хмурый полдник, Слава шлёпал по грязи к колодцу.

- Та-ак. – поджав в натуге губы, он погрузил ведро в воду. Покрепче ухватился за цепь, упёрся сапогами в ветвь дренажа, навалился торсом.

Груз противовеса раскачивало не то временем, не то ветром, не то нескоординированными Славиными движениями. Пятидесятикилограммовая гирька маятником летала у него перед глазами: туда-сюда, вперёд-назад. Поймать, что ли, да куда там. Туда-сюда... Он вспомнил, как «под шампанское» бил сына. Это была зима, новогодняя ночь, сразу после выступления Леонтьева. Крепко привязанная к батарее жена могла только кричать, что и делала. Но Слава знал, что соседи боятся его настолько, что даже милицию не рискнут вызывать. Шёл третий час ночи, и Слава был в ударе. Его куражило. Сына уже рвало кровью, когда Слава ещё только собирался начинать. Его раскачивало, и груз сейчас раскачивало. Туда-сюда. Было его и шатало. Вперёд-назад раскачивается гирька. Скулы у Дениски мягкие, потому что залиты гематомами, рот нелепо открыт – он не может его закрыть – суставные головки выбиты из суставных ямок. Сопли. И. Слюни.

Слава горестно вздохнул.

- Туда-сюда.

Тогда он впервые без «наркоза» трахнул сына в рот... Славе до боли в сердце захотелось вернуться в те времена.

Туда-сюда.

- Да замри ты, проказа. – он грубо рванул на себя трос, надеясь успокоить нервно раскачивавшуюся гирю.

Стальной трос натянулся тетивой, гирька грохнулась о кронштейн, Слава придавал ускорение грузу, и ведро стало стремительно подниматься. Тут Слава оторопел, отшатнулся, да так, что едва не упал на разваленную садовую пристройку.

В ведре была голова.

2

- Ну вот.

Слава сделал два шага назад, нащупал спинку кресла, сел.

- Вот так ничего будет.

Закинул ногу на ногу. С сапога на ковровую дорожку стекала вода.

- Нет. – он рывком поднялся с кресла, принёс с кухни бутылку «Сакагавеи», налил в кружку. Сел.

Отпив настойки, он стянул сапоги, размотал портянки, надел сухие вязанные носки, калоши.

- Нет. – снова произнёс он, поплотнее задёрнул шторы и включил торшер. Вернулся в кресло. – Ну, давай знакомиться. Я Слава.

Насаженная на контроллер для чеков голова молчала.

- Хм. – Слава ещё отхлебнул. – Вот так да-а-а. Гость, ёпть.

Голова была крупная, медно рыжая, коротко стриженная, с недельной местами седой щетиной, без признаков распада. Отделена от тела на уровне портняжной линии.

- Молчишь, значит. Не хочешь представляться. Ну, молчи. А я, знаешь ли, доволен своей жизнью. Вот ты можешь подумать, что жильё у меня убогое, бомжацкое прямо. А я тебе отвечу. Не еби волюну в порох. И что ты мне сделаешь? – Слава раскатисто

рассмеялся. – Ладно, вода закипела. – он кивнул в кухню. – Уборка у меня тут, генеральная.

Слава помыл миску, кастрюлю, разогнул и замочил закоревший овсянкой черпак, тоже сделал с ложкой, прибрался, вынес мусор, ковровую дорожку решил выбить, когда погода будет ведренней, а пока скрутил и поставил к печке, починил расшатавшееся кресло, приготовил еду: варёная картошка с рыбой и соусом. Выглянул в окно – заметно стемнело – гирька по-прежнему раскачивалась.

Туда-сюда.

- Ветер, видать. Слышь, гость, – битых часов пять провозился, ну, не пять – два, какая разница. К ночи дело, что ль? Главное теперь до завтра не увижу этого гадского света. От него с ума сойти можно. Изодня в день – свет. Чёртов маятник. Колесо бесконечности. Кривой светящийся червь. Заебало, понимаешь, без купюр.

Слава устало опустился в кресло, на автомате вынул из тумбочки порно журнал, бегло пролистал, привычно остановившись на рубрике «Наши постоянные читатели». Маленькие с марку картинки, но какие живые, какие настоящие. По спине Славы пробежал озноб. Он сунул левую кисть себе под бедро, навалился на неё.

Какие маленькие и какие настоящие. Больше, чем эти развороты с гигантскими членами, важнее, чем многопиксельные оральные уродства. Рука постепенно затекала. В паху у Славы сладостно заломило, в глубине груди засосало. Заколело аналом. Задвигалось уздечкой. Заскользило кишкой. Забилось непослушным ребёнком. Заиграло двоечником.

- Плохой. Плохой мальчик. Получи. – Слава попытался выдернуть из-под себя руку. – Плохой. – он снова дёрнул плечом. – Ладно, иди, вечером поговорим. Сходи, погуляй...

Вперёд-назад.

Вот маленькая-маленькая марочка, подтянутый короткостриженный мужчина, Виталий-молот, сидит на кухне, на белом табурете, сквозь ярко алые стринги хребтом прочитывается тело члена. У Виталия водительские усы и неразборчивая татуировка на плече, явно морского происхождения. Слава не заметил, как погладил себя отсиженной кистью по ширинке. Виталию сорок три, он из Владивостока, Владика, как любит выражаться он. В графе «Слабости похотливой гадости» указано: копро-выдача, з.д. , Чмор (только гетеро.), изнасилование - asamsrpb . Слава скоро отмахнул несколько страничек назад: Автор: Виталий-Молот, Рязань. Ориентация – би. Раздел – реальные истории, (орфография и стиль языка автора сохранены). *«Я и не представлял, что убивать может быть так прекрасно. Разумеется, наяву я никого не убивал. Но вот во время мастурбаций. В первый раз я помастурбировал уже в зрелом возрасте. Это произошло далеко от Владика. Через четырнадцать дней после моего распятья. Всё случилось внезапно. Я тогда приехал в отпуск к маме, а за неделю до этого мне исполнилось сорок. Один отпуск мне пришлось пропустить – главный мэнеджер фирмы поставил мне условие либо вытаскивание фирмы из жопы либо незамедлительное увольнение. Я ужасно устал за эти полтора года. И вот долгожданный отдых. Лёжа в кроватке, в маминной квартире я представлял, как завтра возьму велосипед и укачу в самый дальний лес по грибы. Ровно в 4-15 утра я уже спускался по крутой лесенке в подвал, в кирзовых сапогах, камуфляже, москитке, в руке подрагивало лукошко. В подвале оказалось темно, на ощупь я преодолел коридор, свернул, касаясь плечом труб отопления проскользил на далёкий огонёк. Тут моя рука упёрлась во что-то мягкое. Я вздрогнул: рука наткнулась на чью-то джинсовую куртку, а хриплый детский голос произнёс: - Попался, Залупка!.. Серёга, тут ещё один! Из темноты картаво донеслось: - Давай его сюда! Я рванул к выходу, но*

споткнулся... Три или четыре пары рук подхватили меня и потащили вглубь подвала. Я пинался и дёргался, но что может сделать сорокалетний офисный клерк с кучей дюжих и возбуждённых мальчишек? - За каждый звук получишь пузырь в жопу. Понял меня, ублюдох? – сказано вполголоса, понято мгновенно... В одном из тупичков подвала, прямо на полу горела свечка. Блики облизывали грубые цементные стены, мрачные силуэты и... рыжее тельце Графа, кобеля-колли из четвёртого подъезда. Его лапы были связаны так, что он принимал позу пловца на старте. - Раздевайся, Залупка! – осклабился наиболее крепкий из мальчишек. - Отпустите меня!.. Я никому ничего не скажу! – прошептал я. - Заткнись, урод!.. Ты и так ничего никому не скажешь! – сказал долговязый, что поймал меня, - А за то, что открыл свой рот, я тебя накажу! Тут я получил сильный удар в ухо и упал. - Раздевайся, сучара! – чьи-то мощные руки сдирали с меня камуфляжные штаны, плавки, футболку, керзачи... Я не питал никаких иллюзий. Понятно, что к своим сорока я уже начитался рассказов об изнасилованиях, но никак не мог понять, как это в попку может войти чей-то член, если даже маленький баллончик из-под дезодоранта туда не входил? Неужели меня сейчас будут трахать? От одной этой мысли было и больно, и стыдно. - Раком, падла! – крошечный фонарик, работающий от ручного рычага, зажужжал и вспыхнул прямо перед моими глазами. – Мить, а он очень даже... – процедил сквозь зубы щупленький белокрысый мальчуган с родинкой в форме сердца над губой. - Открой рот, цыпочка, и сделай дяде чмок-чмок! – перед лицом возник истекающий спермой и пахнувший собачьим дерьмом член с наколкой в виде пчелы, фонарик погас. Я попытался отползти в сторону, но получил ещё один удар в ухо: - Стоять, ублюдох! – при этом сильные пальцы разжали мой рот, и в ту же секунду в небо воткнулся чей-то член, член как член, не такой огромный, как в порнофильме, но этот член был Первым... Я

рот, сколько хотите, но не надо бутылкой!.. – мою речь прервал удар в ухо. Голова упёрлась в стенку, по спине ползали мурашки (впрочем, это могло быть крысиное дерьмо с пыльного пола), а в задницу лезла «поллитровка». Я ныл и ревел, боль отключала мозги... - Вить, не лезет... – послышался неокрепший дребезжащий голосок. - Ничё, в следующий раз влезет!.. Серый, пододвинь матрас! В темноте зашуршал матрас. Меня подняли и усадили на кого-то лежащего, не забыв ввести в ноющую дырку член. - Нагнись! Я нагнулся. Сзади зашуршали и – аааааааааааоооооппп! – в мою задницу вошёл ещё один член, а в рот – ещё один, уже обмякший. Вспышка – и фотоаппарат увидел работающие во мне поршни. Всё это было менее больно, чем проникновение бутылки, но тоже не сахар. Члены заёрзали в моей попке, тут вошли третий и четвёртый и, где-то через минуту, кончили. - Мить, у тебя пиво осталось? Дай глотнуть! - На... - Ну как, хорош на сегодня?.. - Ага... Только я ссать хочу... Эй, Граф, ты где? Граф заснул в углу, и там же зажурчал бывший литр пива. - Вкусно, падла? Не думаю, что псу было действительно вкусно. - Тогда – десерт. Сейчас Залупка трахнет Графа, а Граф – Залупку, и мы вас отпускаем, мальчики. Граф, в позу! Колли послушно встал раком, а я стал теревить свой предательски висящий член. - Что, Залупка? Не стоит? По бутылке соскучился?.. Натравите не него собаку! Минут через десять работы под вспышки фотоаппарата я разрядился, и тут же на меня набросился Граф... Оппаньки!.. Кто бы мог подумать, что у этого хмыря такой гигант?.. Я ныл, а Граф всё работал, работал и работал своим поршнем, не обращая никакого внимания на вспышки и восторженные вопли Паши, Митьки и Серёги. Десять минут? Двадцать? Тридцать?.. Ну, сколько же можно?.. Уфффф!.. - Хорошо, сучата... Вы заработали свободу! Надеюсь, вы понимаете, что тебя выгонят с работы, а тебя из дому, если увидят эти фотки? –

Митька говорил добрым «маменькиным» голосом. – И вот вам домашнее задание. Залупка должен разработать попку под пивную бутылку, а Граф... А для собачатины у нас есть непыльная работёнка завтра вечером. - Серый, у тебя камера на ходу? - На ходу. - Ждём тебя, Граф, завтра в семь вечера у входа в подвал... И не ссы: больно больше не будет! Всё, идите на хер отсюда... Я кое-как оделся, взял графа за ошейник и вышел из подвала. Ласково светило солнышко, на кустах чирикали ни о чём не подозревающие воробьи... Что было потом? Мальчишки из подвала больше не появлялись. Меня тянуло в подвал, и я несколько раз я натыкался на Графа, играющего со своим членом на ТОМ МЕСТЕ, и мы разряжались по очереди друг в друга, не говоря ни слова... Потом я уехал во Владивосток, а Граф остался в Рязани. Что касается меня, то я уже больше не смог заниматься сексом с женщинами. Странно, я мечтал о повторении того случая в подвале, но ничего подобного больше не случилось. Сознательно или нет, я выполнял и перевыполнял своё «домашнее задание», и теперь в мою попку легко входит бутылка из-под шампанского. А толку?..»

- Ох-ох.

Слава в забытьи излил семя себе на живот. Сладостно млея и едва заметно сокращая ягодицы, он открыл глаза. В упор на него глядела голова. Она по-прежнему была свежа и гордо торчала на контроллере для чеков. Рука ещё не успела налиться кровью и трепетно стонала мурашками.

Слава в полной тишине допил остатки «Сакагавеи».

3

Слава разлепил веки.

- Снова в кресле уснул. Заебал. Теперь весь день спину будет ЛОМИТЬ.

По стенам, крыше и в окно колотился мелкий дождь. По-прежнему монотонно постукивал громоотвод.

- Я буду звать тебя Сергеем.

За ночь голова заметно осунулась, просела под собственным весом и несколько накренилась. Веки словно бы сделались плосче.

- Сергеем Сергеевичем. – Слава нехотя поднялся с кресла, сходил в кухню за настойкой. – Судя по цвету занавесок у тебя за головой. За головой. – Слава рассмеялся. – М-да. Судя по ним сейчас либо раннее утро, либо ранний вечер, либо в обед туч нагнало. А какое время суток тебе больше нравится? А-а.

Не дождавшись ответа, он махнул рукой и сел обратно в кресло. Сильный порыв ветра принёс целую атаку колких капель в стекло. Громоотвод забился интенсивнее.

Слава был поздним и нежеланным ребёнком в семье. Мама родила его уже за сорок. Первенец, после сорока, случайный... Отца Слава не знал. Когда на восьмилетие мама подарила ему велосипед, Слава на спор проехался на нём по краю высотки. Бордюрик был узкий, с доску, велосипед болтало из стороны в сторону – тогда Слава первый раз кончил. Нет, это случилось не в велосипедном седле, а в подвале. Виталик проиграл тогда «письку в рот», проиграл Славе и ещё пятерым мальчишкам. А началась эта коричневая история с того, что Коля Зарубин позвал ребят «на видик». Его отец из загранки привёз. Также он привёз две видеокассеты. На одной было написано синим маркером «Слон», на другой карандашом «Эрик записал» и три креста. Там оказалось групповое гей порно. Это был первый половой акт увиденный Славой. В этот же день Слава узнал, что с ним и с его мамой будет жить какой-то дядя. Мама назвала его Владимиром. Да-да, именно Владимиром, ни дядей Вовой, ни, Володей, ни Вовкой, а Владимиром. К первому сентября Владимир подарил Славе джинсы. В этот спор сосал уже Слава, но не пятерым, а только одному – Саше.

Уже много позже Слава понял, что Саша просто обманул его. Сначала пустив утку, что джинсы не горят, он, дескать, в рекламе видел. Слава поверил и даже сросся с этой информацией... Саше было шестнадцать, и лобок его уже покрывали чёрные ершистые волосы. Они щекотали нос, и Слава, сплюнув на ладонь, прилизал их. Саша тогда так и не кончил. Долгих сорок минут не мог кончить. Как сказал тогда Владимир, увидев раскрасневшиеся Славины губы: «Небось, на ветру целовался. Ух, мужичёк! А вообще, хорош болтаться туда-сюда – в следующем году в нахимовское тебя определим». Только до следующего года Владимир не дожил – разбился на своём молоковозе. И мир не увидел ещё одного офицера.

Туда-сюда.

Слава вдруг явственно вспомнил свой первый минет, как сначала сам, подражая героям фильма, раскачивал головой, туда-сюда, как потом уже Саша, прижав его к стене, водил членом у него во рту, вперёд-назад, как Слава попросил разрешения высморкаться...

- Туда-сюда. Ты слышишь, как скрипит колодец? Могила твоя, как-никак. Скрипит. Это груз там болтается, ну, гирька. Нужно будет срезать её к чертям собачьим. С ума меня сведёт. Скрипит, понимаешь, туда-сюда. Помнится у Коли За..., Забр..., чёрт, не вспомню уже его фамилии, видеокассета так же паскудно скрипела. Словно скулила... сволочь. Умереть бы, Сергей...

- Когда моя мама заболела. – спустя час, откупорив уже третью бутылку «Сакагавеи», говорил Слава. – Она тоже так голову держала – слегка на бок, словно бы давала подбородку отдохнуть, укладывала его на ключицу. Вот как ты сейчас. Только у тебя нет ключиц, а у мамы были. А давай, Сергей, тебе фамилию дадим. О, точно. Будешь у нас. Э-э-э... Головкин Сер..., а нет, Головкин, маньяк такой был, тогда будешь у нас Головкин Сергей Сергеевич, и биографию тебе сейчас

подберём подходящую, что б не стыдно было – мне за гостя, тебе... тебе, ну, просто не стыдно. Ведь бывает же стыдно за свою биографию. Вот усади меня за стол, дай ручку, бумагу и скажи: пиши биографию, а мы её потом всем знакомым и незнакомым прочитаем, а особенно прочитаем твоим родным. Эва, Серёжа? Почуял, чем пахнет? Так что биографию тебе подберём, что надо. Родился ты у нас Сергей Сергеевич Головка третьего июля одна тысяча девятьсот, сколько ж там тебе, пятьдесят третьем году. В семье тракториста. Аха-ха. – Слава долго и раскатисто хохотал. – Что, испугался? Хотелось бы родиться в семье тракториста? А? А в семье токаря? О, точно, в семье токаря какого-нибудь там разряда, поверь, это гарантированный почёт и уважение, и, допустим, бухгалтера или, ещё лучше нормировщицы. Вот представь, Серёжа, родился ты в семье токаря и нормировщицы. Отец твой первый год как из армии вернулся. Мама, конечно же дождалась, а за то время, пока он служил, успела кончить какое-нибудь училище. Он такой высокий, широкий в плечах, но слегка косоват скелетом, ну, не все же люди идеальны, сухопар, во рту, по любому, золотой зуб, ну, или позолоченный, мама такая объёмная, с химией, лицо несколько сплюснутое, взгляд отсутствующий – шучу. Одеты просто – он – праздничная рубашка, прозрачная, под ней просвечивает майка, помнишь, как у Шукшина, штаны свадебные – всё это исторически сидит на нём колом, на голове кепка, из-под неё торчит чуб, мама, ну, поскольку из роддома – что-нибудь халатного типа. По сравнению с ней ты кажешься песчинкой. Им лет по двадцать-двадцать девять. Э-э-э... папу, как ты уже понял, зовут Сергей, маму, скорее всего, Зоей. Питть Сергей начал с того дня, как узнал, что ты родился: «пацан, наследник», а сегодня ещё и отгул – красота. От папы пахнет «дикалоном». Марка, какие там были марки: «Дукат», «Золотой дождь» . А-аха-ха, з.д., ну ты понял. С ним встречать тебя из роддома приехали, ах да, приехали, приехали на Москвиче швагра, за

рулём его племяш, так как швагр, как и твой отец пьян, приехали, значит, твой дед Николай Иваныч, бабушка Раиса Семёновна, двоюродная сестра мамы – студентка сельхоз техникума Юля. Юная и стеснительная. Она стоит за спинами у всех, и только, приподнявшись на цыпочки, пытается тебя разглядеть. Но ты глубоко в пелёнках, перед тобой только тоннель, в конце которого мамино свинячье лицо. Обязательно контражур. Ведь ты родился летом. И мама на фоне безоблачного июльского неба – чёрная, чёрная, как истлевшее полено, как газовая гангрена, как... мама. Ты ещё даже не хочешь протянуть к ней руки. Ты ещё слишком мал. Твоё имя ещё не выучили, и обращаются к тебе – малыш, мужичёк, маська, цюця. «Как пацана-то назвали?» - выкрикнул рубаха-парень, племяш швагра Толик. «Серёга, пацан». – гордо отвечает отец, не вынимая папиросы изо рта. «Сергей Сергеевич». – вторит ему твой дед. «Большим человеком будет, с таким то именем отчеством». – шутит кто-то. Все смеются. Летели месяцы. Как облака по небу проносятся: стремглав, словно вальсируя, цепляясь за золотые кресты церквей, обнажая и кутая солнце, слипаясь и разрываясь, наливаясь кровью и седея... отхаркивая мак птиц!!! Ты в первый раз покакал... покакал сам... в горшок... твои фекалии ещё почти не пахнут. Как если бы ты питался одними ананасами. Ты в первый раз покакал, ты в первый раз покакал в горшок. Ты покакал. Ты покакал. Время срать, как обычно говорил Владимир. И всегда, почему-то, глядел на часы. Мне до сих пор не ясен смысл этого ритуала. Ты в первый раз покакал. Покакал. Сидишь в мягких душистых какашках, они греют тебя из недр горшка, только что вышедшие из твоих нежных жадных недр, такие же нежные и юные как ты. Ты забрал из них всё что мог, оставив лишь кал. Ты только что покакал. Время срать, как говорил Вл... Покакал, ты только что...

Слава засунул кисти рук себе под ляжки. Откинулся в кресле.

- Серёжа, ты только представь себе – ты только что поплакал, пропотел, высморкался, сплюнул, покакал, высрал, кончил, выбросил из себя всё лишнее. И сидишь. Сколько раз в будущем придётся тебе так сидеть, нюхая и переживая свой кал, на разных унитазах, в лесу, в подъезде, на обочине дороги, «орлом» в каком-нибудь пассажирском поезде, переживая трагедию собственного аутолиза, не веря в него, не принимая его. Но тот первый раз... Тебе становится скучно. А!?

Нервно дёрнувшись, Слава вскочил с кресла. Уже ставшими затекать руками вынул из под стола резиновый коврик, уронил, поднял, крепко прижал к себе, снова уронил, раскатал его, зачем-то восемь раз хлопнул по нему руками. Словно палками. Толкая их торсом, бухая. Словно палками. Словно палками. Затем стремглав устремился в кресло, снова сел на кисти.

- Тебе скучно. Ты сидишь в собственных испражнениях, и тебе по большому, по-человечески скучно. Русско скучно!!! Ты начинаешь елозить на горшке, обод поскрипывает. Так когда-то будет поскрипывать раскладушка под твоей женой. Ты, будущий Сергей Сергеевич поскрипываешь ободом горшка, устав сидеть в тепле собственного говна. Ты становишься на четвереньки, разворачиваешься и окунаешь лицо в своё говно. Мягкое и тёплое, оно принимает тебя. Как ты принял его. Ты в утробе матери, твоё сердце по-прежнему находится у кишки, ты вдыхаешь воздух, но вместо него всасываешь жижу. Говно вкусное, оно всегда разное, ты поймёшь это с годами, но сегодня это твой первый раз, и тебе хорошо, ты в своей среде, порция за порцией ты съедаешь своё говно. Конечно, мама-Зоя увидит это и никогда никому не расскажет. Но это ведь твоя биография и *ты* должен её рассказать. В шесть лет ты уже не ходишь в туалет, чтобы срать – ты ходишь есть. Ты капризен и переборчив в пище: пересолена каша – говно будет терпким, слишком сладкий компот – говно липкое и горчит, от сахарной ваты понос – от него тебя после

рвёт... Ты уже учишься в школе, в пятом классе. Мать заметно подурнела – ей 34, отец выпивает каждый день и разговаривает криком. В квартире постоянно что-то ремонтируется, клеятся новые обои, меняются двери, балконные рамы, кухонный уголок. Мать стала такой толстой, что тебе за неё стыдно. Одноклассники привыкли, что ты все перемены проводишь в туалете, любишь часто мочиться, для чего много пьёшь. Знаешь, такой школьный фонтанчик, в его ракушке обычно наплёвано и пахнет ржой. Ты пьёшь, давясь. У тебя уже есть сексуальный опыт, пока только с фекалиями и с мочой. Теперь, прежде чем поспать, ты ещё и дрочишь, кончаешь в кучу, затем ешь. Ты в девятом классе, выпускном: отец больше не пытается у тебя выведать, почему ты так подолгу сидишь в туалете, зачем берёшь с собой полотенце, почему стонешь, почему от тебя пахнет калом. Позади осталась и попытка поговорить об этом с другом. Пришлось всё свести в шутку. После ПТУ, ты Сергей Сергеевич по протекции своего отца устроился учеником токаря на завод. Но с токарным ремеслом у тебя не заладилось, и ты перевёлся в цех колёс. В твои семнадцать у тебя уже был один гетеросексуальный половой акт. Это был день рождения Саньки Ковалёва, одноклассника, было одиннадцать ребят и одна девчонка. Должна была подойти и подруга. Из одиннадцати смелых оказалось лишь семеро. Ты оказался смелым. Ещё смелым был Вася Моржов, но он перепил и рано отрубился. Потом крепко об этом сожалел. Светино влагалище очень напомнило тебе говно, такое же тёплое и влажное. Только от него пахло плохо. Пот, затхлость, сперма четверых ребят, презервативы, курево. Ты дождался, когда Света под тобой стала стонать, навалился ей на лицо и резко выпустил газ, всосал аромат, представил себя в туалете, вонзившимся в говно и... кончил. Ты ничего не почувствовал тогда. Это было разочарование. Ты даже потрогал гондон – семя то или моча. То было семя. Последующие тридцать лет прошли как в туалете, сокращение

кишечника-толчок, толчок-сокращение кишечника, мелкие радости и долгие будни, у тебя кто-то родился, жена как-то быстро ушла. Ты вышел на пенсию по инвалидности!!!!!!! – вдруг закричал Слава и встал на коврик на четвереньки, приспустил штаны: - Тебя к тому времени за систематическое пьянство перевели в стропальщики. Ух-х. Эгр-р. – Слава сократил пресс и вывалил порцию кала на коврик, осторожно, чтобы не размазать, переполз на другой край. – В стропальщиках ты продолжал пить. Особенно в третью смену. Ты ходил по кузнечному цеху, цеплял стропами крана ящики с раскалёнными заготовками, кран тащил те к вагонам. – Слава сократил пресс и вывалил порцию кала на коврик, осторожно, чтобы не размазать, переполз на другой край. – В тот день, ты спал в курилке. Тебя разбудили и сказали освободить линию. Ты оценил объём работ – минут на двадцать, если крановщица сразу проснётся. «Эо-о-о!» - закричал ты, уставившись в чёрную точку кабины под потолком цеха. Крановщица зашевелилась, вспыхнул лампа в кабине, а с ней и прожектор на кране. – Слава сократил пресс и вывалил порцию кала на коврик. Затем лёг на спину, головой в кучу. – Ты! Позвал! Её! К первой! Линии!– он пять раз хлопнул отсиженными до ломоты ладошками по кучам. – Она подъехала быстро! Почти мгновенно! – Слава продолжал лупить ладошками по кучам. – Ты накинул правую стропу! Накинул левую стропу! И уже собрался было подать команду! Как она дёрнула стрелу вверх! После она скажет, что локоть соскочил с панели! Прежде чем оторваться, твоя зажатая между стропой и ящиком рука потащила тебя вверх. Ты повис над полом на высоте пяти метров! После упал! Упал в яму, из которой только что вынул краном ящик с заготовками! Когда ты лежал там, ты думал не о руке, а о том, насколько хорошо ты закрепил стропы! Ведь, если сейчас, когда крановщица, вряд ли заметившая происшедшее, качнёт ручку влево, качнётся трос, за ними стропы, качнётся трёхтонный ящик! Стропа,

качнувшись, соскочит! И три тонны железа похоронят меня в этой яме! Ящик мерно раскачивался туда-сюда. Я глядел в него, как в телевизор, только бы это всё оказалось вымыслом. Я смотрел! А ящик всё раскачивался туда-сюда, вперёд-назад. Сегодня, Сергей Сергеевич, я инвалид, я пришёл к тебе в гости рассказать о своей жизни, послушать о моей!

Руки тяжеленными рельсами упали на превратившиеся в разбрызганные пятна кучи.

- Так бывает, когда кровь идёт носом. На полу подъезда обязательно остаются капли и лучи вокруг них...

4

- У мамы в гробу было такое лицо. Вот прям, как у тебя сейчас.

Слава сидел в кресле, голый, печка выла поддувалом. Голова Сергея Сергеевича оползла жутко, нижние веки отвисли, губы вздулись, уши почернели.

- Мне страшно было на неё смотреть в последние десять лет её жизни. Ничем серьёзным она не болела: артрит, остеопороз, колит, бессонница, что-то по женской части, – она старела: 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66. Страшное зрелище видеть, как на твоих глазах умирает близкий человек. Как время выбеливает его волосы, вымывает кальций из костей, фосфор, как окостеневают грудина... как рождаются морщины, одна за одной, словно бы африканские змейки, глубже и глубже, а этот скрип суставов... Как надев в праздник нарядное платье мама становится похожа на только что убранный труп. Мама ничем серьёзным не болела, но в гробу была похожа на тебя Сергей. – Слава отмахнулся от огромной кружившей у лица мухи. – И пахло от неё также, только не в гробу, а за год до смерти. Наблюдать за ней было жесточайшей мукой. Так и ты, Серёжа, своим

присутствием тяготишь меня. Посмотри, во что ты превратил мой дом. Из храма кристаллов он превратился в смрадный сарай с медленно убивающим себя калоедом. Зачем я только выудил тебя из этого чёртова колодца? Зачем принёс в свой дом? Хотя... я же должен был что-то пить. Жажда. Жажда. Одной «Сакагавеей» сыт не будешь. Когда я начинал встречаться со своей бывшей женой, я не искал женщины – я, скорее всего, просто хотел напиться. Как мучимый жаждой путник хочет припасть к роднику. Понимаешь, любому, какой встретится на пути. Я припал, вдохнул эту воду, как Бога. Я пил из него снова и снова... Пока он не стал вонять. Признайся Серёжа, это ведь ты плескался в том роднике, это ведь ты вонял там своей головой, а теперь приплыл и сюда, вонять в моём доме, мучить меня, насиловать... Я и без тебя изнасилован. Думаешь, легко жить без воды, думаешь легко глотать вместо Бога «Сакагавею». Думаешь... Да ничего ты не думаешь, голова да уши. Всё прошло мимо тебя. Сергей Сергеевич Головкин, 1953 года рождения, младенец, школьник, студент, калоед, инвалид, голова, затаившийся, словно псих в туалете осенний пейзаж за окном... Ещё эта гнида там болтается! Туда-сюда!

Как был, голышом, Слава вышел во двор, бросил голову обратно в колодец, обухом топора сбил надоедавшую ему гирьку и швырнул её вслед за головой. После было ещё семь истерик, две мастурбации, две с четвертью «Сакагавей», неудачная попытка самоубийства, корявое стихотворение, разбитое зеркало, побритые брови и лобок...

В эту ночь ему спалось как никогда славно. Снился мама, молодая, ещё до Славиного рождения – она, проворно орудуя культями, носила из колодца в баню воду.

Туда-сюда.

Посмертная записка

*«Всё кончено - путь предстоит далече,
Пир завершен, и гаснут свечи»*

*(Предсмертная записка: Роберт Эрвин Говард (24.01.1906-
11.06.1936))*

*«Можно объяснить всё нервной депрессией. Но в таком случае
следует иметь в виду, что она длится с тех пор, как я стал взрослым
человеком, и что именно она помогла мне достойно заниматься
литературным ремеслом»*

(Предсмертная записка Ромен Гари (Роман Касев))

Да-Да

- Ла-адно, иди уже. – снисходительно протянул Алексей, глядя на приближающийся состав.

- Что? Что вы сказали?

Сутуловатый мужчина, что стоял у самой ограничительной линии шахты метро спиной к Алексею искоса взглянул на него.

- Какое у вас жёлтое лицо. Вы, наверное, больны. – Алексей грубым движением сунул мужчине в карман сложенную вдвое бумажку.

- Что вы сказали? – мужчина зачем-то улыбнулся, словно бы извиняясь.

- ди у рю.

Состав накрыл своей механической тушей шагнувшего в шахту мужчину с жё...

- лтым лицом. – восторженно пересказывал Алексей происшедшее.

- А дальше что? – в глазах чутко внимавшего ему Николая горел почти тоннельный свет.

- Ну-у... пришли менты. – запнулся Алексей. Он так повёл плечами, словно бы недоумевал, что может быть интересного в дальнейшем рассказе. – Долго пытались сообразить под каким он вагоном. Его, походу, за плащ зацепило и протащило ещё метров двадцать. Потом они отжали двери, ну те, что у стены, один, мелкий такой слазил под вагон, вынул его. Другой подхватил, вытащили его на перрон. Потом ещё ногу достали и кусок плаща весь в крови. Я так понял, тот за железяку какую-то зацепился. Мент пока его отдирал весь перемурзился.

- Перемурзился? – прыснул смехом Николай.

- Испачкался, в общем. Мужика этим плащом, короче, и накрыли.

- Как мама покрывалом... – далеко произнёс Николай и сразу как-то похмурнел.

- Вот, читай.

Алексей протянул другу аккуратно сложенную вдвое газету. По тому, что та имела пергаментно-жёлтый оттенок и была словно бы спрессована с ровными, буквально, твёрдыми углами, можно было сделать вывод, что газета бережно хранилась не один год. Ключевое слово здесь – бережно.

- Читай. – заморожено произнёс Алексей.

«В московском метрополитене произошло самоубийство. На рельсы метро бросился мужчина. Инцидент произошел на станции

"Войковская" Замоскворецкой линии столичной подземки. Из-за инцидента движение поездов на участке "Сокол" - "Речной вокзал" было прекращено. По громкоговорящей связи пассажирам столичной подземки рекомендовали пользоваться наземным общественным транспортом. По информации "Интерфакс", в вестибюлях станция метро "Тверская" и "Маяковская" скопилось большое количество народа. Поезда по-прежнему следуют с увеличенным интервалом, а на станциях наблюдается скопление людей.

К сожалению, подобные случаи, происходящие в московском метро – не редкость. Так, в понедельник, 13 октября в столичной подземке пострадал человек. По словам очевидцев, голову молодого человека задело выступающим элементом прибывающего на станцию "Пушкинская" поезда. Пострадавший лежал на платформе, первую помощь ему оказали сотрудники милиции.

А в пятницу, 3 октября в московском метро погибли сразу два человека. Первый бросился под поезд на станции ВДНХ, а второй был сбит электропоездом на станции "Парк культуры".

Движение по Кольцевой линии московского метро на участке между станциями "Парк Культуры" и "Киевская" было прервано на полтора часа в связи с гибелью человека под колесами поезда. Сам поезд с разбитым лобовым стеклом кабины машиниста остановлен у платформы. По информации сотрудников милиции на метрополитене, тело погибшего пока не извлечено с путей».

-Ну, ужас же. – манерно скривил носик Николай.

- Да ваще, безобразие – «тело погибшего пока не извлечено с путей» – жуть.

- Но ведь будет же извлечено. – охотно включился в развязанную другом игру Николай.

- Всё равно жуть, так звучит, словно бы оно будет извлечено из влагалища. – Алексей тревожно посмотрел в лицо друга.

- Из путей влагалища.

- Прямо название для группы: «Пути влагалища». –
продекламировал Алексей.

Мальчики рассмеялись.

-Если бы оно было извлечено из влагалища, ему, скорее всего,
пришлось бы подольше задержаться на Земле. – Николай сделался
приторно серьёзен.

-И то верно. – всплеснул руками Алексей. – И всё равно жуть. Если
во всё это вдуматься – жуть.

- Ты знаешь. – нахмурился Николай. – За последние десять секунд
мы четыре раза повторили слово «влагалище».

- Уже пять. – небрежно, словно бы ковырнувшись в носу сказал
Алексей.

- Вот это-то и есть жуть.

*«А несколько ранее на 10 минут было прервано движение на
Калужско-Рижской линии. На станции "ВДНХ" человек упал на
рельсы. В этой связи было остановлено движение поездов на 10
минут. Погибший человек сам бросился на рельсы. По словам
очевидцев, ему было около пятидесяти лет».*

– Во чё пишут. Совсем народ охренел. – Алексей, ухватившись за
живот, рассмеялся.

*«Выхода нет. Да-да – нет. Так у нас в стране заведено писать на
двери ведущей в новый день, двери метрополитена – «выхода нет». Я
сегодня, милые мои Дашенька и Маша спущусь в метро и покончу с
собой. Вам будет легче без меня, я знаю. Болезнь прогрессирует. И
скоро я начну мучать вас своей болью. Мне легко умирать, клянусь.
Так что не плачьте по мне. Дашенька, милая, выйди ещё раз замуж –
я разрешаю, ты слышишь, Я РАЗРЕШАЮ. Выйди и будь счастлива.*

Роди ещё, если сможешь. Я желаю тебе и нашей дочери, свидетелю нашего родства, счастья. Прощайте мои любимые. Ваш Да-Да»

Каникулы и песок

- Наконец-то каникулы. – произнёс Николай.

- Дх-а. – сладостно протянул Алексей и смачно причмокнул пухлыми в розовых рытвинах губами.

- Вылазь ты уже! Свалишься ещё.

- И тогда я попаду в АД-Д-Д-Д. – рассмеялся Алёксей и покрепче обхватил край бетонной плиты.

Уже час как ребята сидели на общем балконе девятиэтажного дома номер семнадцать по улице Волгоградской, где, собственно, и жил Николай, лучший друг и подельник Алексея. Оба девятиклассники, отличники, старосты. Они даже внешне были похожи: оба белобрысы и одного «футбольного» роста. Но родство было можно исключить практически со сто процентной уверенностью – Алексей родом был из небольшого украинского местечка Котельва, а Николай из пыльной и такой душной летом Москвы, в Звенигород приезжал только на каникулы, погостить у бабушки по отцовской линии. За этот час ребята успели выпить по литру пива, докурить брошенные кем-то на балконе бычки, нацарапать на стене: «сопля-бля», собрались было даже подрочить на эротические карты, колоду которых Николай обычно таскал с собой в кармане шорт, да отвлеклись на новорожденных голубей, что обосновались в брошенной коробке из-под микроволновки...

статьи было решено отложить на вечер.

Сейчас же Алексей стоял на миниатюрной приступочке, торчавшей со сливного отверстия по ту сторону балкона и, ловко меняя руки, демонстративно прогибался.

- Оп-па, оп-па. – Алексей цеплялся за край то левой, то правой рукой.

Восьмой этаж – ладони Николая взмокли.

- Да вылазь ты уже! – не выдержал он. – Не переношу я этот адреналин.

- А мне не хватает. Не хватает его с-суки. Оп-па. – Алексей очередной раз сменил руку. – Я бы каж...

- Стой. – Николай приложил ладонь к бровям.

- Чего там? – осторожно повернул голову Алексей.

- В семнадцатом хоронят, что ли... Табуретки вынесли. Бабки вон какие-то кучкуются, на семечки похожи.

- Больше на свадьбу смахивает. – Алексей, как мог, вывернул голову и сощурился.

- Может это у вас в Украине на свадьбу гробы к подъезду и выносят, а у нас...

- А чё уже и гроб вынесли? Да где? Не вижу. – совсем уже было свесился с балкона он.

- Да залазь ты сюда! А то сейчас и тебя хоронить придётся. – Николай подхватил друга под мышки и втащил его на балкон. – Вон, плачут уже. – возбуждённо произнёс он.

- Пла-а-ачут. – благоговейно с прищуром протянул Алексей. – Ну что, идём?

- Нет, прыгаем да летим. – ёрно парировал Николай. – Ты, кстати, не смотрел новый фильм Балояна?

- Не, а что там ле...

- Здравствуйте. – едва сдерживая возбуждение Николай поздоровался с бесформенной женщиной в чёрном платке.

- Здравствуй Коля.

- Тётя, Люба, кто-то умер? – Николай постарался сделать лицо пионера из советского кинофильма, даже на мгновение представил на себе пегие веснушки и шорты.

Алексей тем временем неслышно зашёл ей за спину.

- Ой. – горестно вздохнула женщина. – Баба Люда, Анатолия Дмитриевича дочка, трудовиком он работал, а как на пенсию-то вышел, в деревню к родителям жить уехал. Горе-то – дочь хоронить.

Алексей так тяжело вздохнул, что тётя Люба оглянулась. Взвесила его взглядом учительницы.

- Горе-то... дочь. – она запнулась.

В дверях показался седой человек в мятом явно не один год провисевшем на вешалке костюме. Его тут же облепило несколько старух. Послышалось невнятное бормотание.

Так шедшее этому практически затопленному фиолетовой тенью

- двору. – холодно произнёс Алексей.

- Что? – тётя любо рассеянно взглянула на незнакомого ей мальчика.

Но тот лишь пожал плечами.

- Ефим Иванович. – думая о чём-то своём, продолжила она. – Отец ейный, а вон и муж. – она кивком головы указала на притаившегося в полумраке подъезда колматого мужика в клетчатой рубашке и огромных ботинках, в руках он держал вафельное полотенце. – Вдовец теперь. – констатировала она, видимо, забыв, что разговаривает с двенадцатилетним мальчиком, а не с соседкой по лестничной клетке. – Дурак-дураком, одним словом, что – Олежка, грузчиком в овощном. Такой бабой бог одарил, а он. – она обречённо

вздохнула. – Странно, что вообще пришёл... – она стала глазами выискивать кого-то в толпе. – Сергей! – осторожно крикнула она и подозвала длинного похожего на качели парня рукой. – Серёжа, иди сюда.

Мальчики протиснулись через толпу и встали на скамейку.

- Во, отсюда, вроде, ничего видно. – Алексей заговорщески ткнул друга локтем.

- Ниш-ш-штяк. – прошипел тот и с хрустом двинул желваками.

- Ну, что думаешь? – Николай не сводил глаз с седовласого красавца-дочепотерявца, как с первой же секунды мысленно окрестил он его.

- Думаю, м-м-м-м... одинокому родителю, как никому, сегодня хочется умереть. Страшно ему одному оставаться, одному возвращаться в одинокую квартиру, одному сидеть в одиноком туалете, лечь одному в одинокую кровать, спать там одному, одному...

- Вишь, крест вынесли. – оборвал его Алексей и в нетерпении привстал на цыпочки.

- Он тоже один. – молитвенно-отрешённо произнёс Николай.

- Крест? – не сводя глаз с траурной красоты, одними губами ответил ему Алексей.

- Влагалище.

- Что влагалище? – всё глубже утопая в чёрных лентах с такими радужными и золотыми

- посланиями: «Помним и скорбим», «От любящего отца и мужа».

- Оно тоже одно, всегда одно. – после долгой паузы сказал наконец Алексей.

- Как крест...

- Замкнулся кружок, вишь?

- Вишь. – кивнул Николай и ощутил, как хрустнули позвонки, где-то глубоко в шее.

Так напряжён он

- был.

- Это плохо. – как-то не к месту буднично вдруг сказал Николай, так сказал, будто по плечу

- похлопал.

– Значит. – продолжал свою мысль он. – В нём ещё теплится надежда на обоснованность этой смерти и на их с дочерью посмертную встречу.

- Послесмертную, так правильной будет, мне кажется.

- Я думаю. – словно бы и не услышал друга, говорил Николай. – Он планирует жить этой мыслью дальше. Но ты-то

- знаешь. – Алексей изобразил голосом диктора. – Что мой дар перекроет любой гипноз.

Мальчики неприлично громко рассмеялись.

- Несут, несут. – зашептались в толпе.

- Выносят. – выдохнул кто-то, судя по голосу, крупный и круглолицый. – В последний путь выносят нашу Людочку.

Кто-то запричитал. Ефим Иванович в голос, не стесняясь ни себя, ни соседей, заплакал. Казалось, двор ожил этой смертью. К удивительному совпадению в квартире на втором этаже неприлично громко включили позднюю Пугачёву.

- Держитесь-держитесь. – холодно отчеканил чей-то голос.

- Я думал, кончу. – возбуждённо делился эмоциями от похорон Алексей.

- Да это просто чума.

- А ты не боишься, что мама зайдёт? – мелко подрагивая всем телом, Алексей покосился на дверь.

- Я теперь гигантский. – Николай, раскрасневшийся с крупными каплями пота на лице, увереннее задвигал рукой. – Я теперь никого и ничего не боюсь.

– А ты когда больше захотел? – Алексей изогнулся дугой. – Когда гроб ставили на табуретки, когда гроб поднимали с табуреток, когда гроб грузили на машину, когда гроб снимали с машины, ко..

- Когда Гроб Вводили В Землю. – одновременно произнесли мальчики и излили семя на аккуратную горстку песка с могилы Людмилы, что была пирамидкой насыпана на посмертной записке Марины.

- Мальчики, блинчики готовы. – слышался игривый голос из-за двери. – Тук-тук, к вам можно?

- Да мам, конечно. – Николай прикрыл своим телом записку с песком.

Алексей же лёг к нему лицом, демонстрируя заголившийся член и млея от страха в глазах друга.

- Я блинчики испекла. – Колина мама на пол лица заглянула в комнату. – Вы здесь будете, или на кухню пойдёте?

- Здесь, мам. А ты слышала, что женщина в соседнем доме умерла?

- Да, конечно. – неслышно ступая по ковру, она прошла к окну и поставила поднос с блинами на стол. – У нас в школе техничкой работала. Давно могла пойти на пенсию. Мужа её жалко – один совсем остался. Детей у них не было. Так. Мойте руки. Блины остынут.

- Да, мам. – Николай сдвигал ладошкой липкий песок. – Каникулы... окно и комната.

...Я пыталась сделать все, чтобы остаться, но Земля стала для меня местом кошмара. Я не знаю, кто виноват - я ли сделала свою жизнь такой, или мне была уготована такая судьба. Я не знаю, куда я уйду. Есть ли там что-нибудь, или меня ожидают вечные адские

муки - и потому мне вдвойне страшно. Я знаю, что самоубийство - это самое гадкое, что может совершить человек. Это предательство по отношению к себе, к близким людям, к миру. За это я презираю себя, но все-таки делаю это. Я не нашла иного выхода, кроме смерти. Простите. Прощайте.

Чёртова дюжина

- Ну-с, подведём итоги.

Николай с Алексеем снова стояли на общем балконе высотки. Алексей, как и несколько дней назад болтался по ту сторону, патологически ненадёжно уткнувшись носками ботинок в сливное отверстие.

- Один день хоронили, ночь пили. – рассуждал он. – Второй день похмелялись, ночь пили. Ефим Иванович – человек одинокий. Я делаю вывод: в данный момент он сидит один в своей трёхкомнатной одинокой квартире и хочет умереть.

- Ты не мне говори, ты ему. – не сводил глаз с подёрнутого смогом горизонта, как ещё совсем недавно с траурных лент Николай.

- Сидит сейчас Ефим Иванович один в своей трёхкомнатной одинокой, бездочеренной халупе и хочет умереть. – Алексей едва заметно покачивался.

- Ты направляй, направляй.

- Чахнет сейчас в халупе своей холодной и мрачной и подышает.

- Направляй, направляй. – Николай с такой силой впился глазами в горизонт, что на лбу у него выскочила фиолетовая венка, неприятная

- как червяк.

- На-пра-вля-й. – одним воздухом, без участия жил, произнёс он.

- нет час лупе й ной чной ыхает. – закатил глаза Алексей, обмяк и соскользнул ботинком с приступки.

- Н-а. – также воздушно выдохнул Николай, грудиной навалился на цементную плиту, больно, подхватил его железное тело и рванул на себя.

- Быстро идём. – едва оказавшись по эту сторону балкона отчеканил тот.

- Ты сейчас, как Христос. – тяжело дыша, говорил Николай, прижимаясь к другу, мягкому и

- горячему.

- А я тебя снял, ещё не воскресшего и прижимаюсь сейчас, как у Беллини.

- Пьета. – тихо произнёс Алексей и снова закатил глаза.

- Звони ещё. Он там. – Николай опасливо огляделся по сторонам.

Алексей повторно нажал звонок.

- Ты волнуешься, поэтому он не подходит. – в пол голоса произнёс он, обернувшись к

другу.

- Ещё.

- Они ё ам. – отрывисто прокаркал Алексей в бордовый перетянутый леской дерматин двери.

- Тш-ш. – поднёс палец к губам Николай. – Идёт голубчик.

За дверью слышались едва различимые шаги. После долгой паузы щёлкнул выключатель.

- В зеркало смотрится. Свет включил. – Алексей едва заметно коснулся члена.

Выключатель щёлкнул снова.

- Выключил.

- Кто там? – глухо отозвалось из-за двери.

- Жалко-то ка-а-ак. – напускно, на манер плакальщицы протянул Алексей.

- А? – снова послышалось по ту сторону, что-то непроходимо стариковское.

- Сто грамм, корова, отворяй. – грубо рявкнул Николай и лупанул носком ботинка в

- дверь.

- Давай.

- К бе ли, овец. оряй.

- Жми.

Механизм замка провернулся, холодно лязгнув своими металлическими внутренностями. Замерло всё за дверью и словно бы

- умерло.

Провернулся обратно. Отворилась дверь.

- Так и не заперто было, мальчики. Прошу.

Ефим Иванович покорно отстранился к вешалке с одеждой и отразился в на миг обнажившемся движением воздуха задрапированном зеркале – худой и белый лицом, всё в том же «похоронном» костюме, как и не

- снимал.

- Здравствуй дед. – развязно сказал Николай. – Приносим свои, как это, ну, соболезнования, в общем.

- и к олу. – Алексей, не глянув на старика, шагнул во мрак прихожей.

Николай властно проследовал за ним.

- А у вас уютно. – как-то мимоходом мурлыкнул Алексей, оглядывая прихожую.

- Да мрачно, пиздец! – буквально выплюнул Николай и зыркнул в лицо старику.

- Это всё Людочка. – проскрипел из темноты родитель.

- Что Людочка – «уютно», или «мрачно, пиздец»?!

- Тише, Николай, тише. Мы же в гостях. – давился от смеха Алексей, без остановки, «по-Коровьевски» нелепо вращая головой. – Интерьерчик, мнда-а-а, вкусненький, вкусненький...

– Она, милая, старалась. – голос старика дрогнул. – Я ж, вы знаете, всё для неё, а она – всё для меня. Так и жили. Душа в душу.

- Душа в тушу. – хихикнул Алексей и прикрыл рот ладонью. – Шутка такая о зарождении новой жизни. Я не понял, ты с дочкой жил, что ли или Олежка с ней жил?

- Они так и не зародили. – вздохнул Ефим Иванович. – Мертвонесущей она у меня оказалась.– всё гробики сорокасантиметровые выплёвывала. Вам никогда не приходилось хоронить выкидыши? А я всегда хоронил, новая жизнь, внучки мои да внучечки. Сколько было – всё хоронил. С врачами, конечно, договариваться приходилось, на Олега-то никакой надежды – как узнавал, что выкинула, так тут же в запой, но врачи понимали, отдавали... Бывало, выйду я ночью, уж спят все и Людочка моя спит, а я гробик «спичешнай» с собой прихватчу, да на клумбу. Чёртову дюжину назакапывал, как есть. Теперь вот большой гроб закопал, виновник малых.

- Веди-ка дядька на кухню, посмотреть будем.

- А чего смотреть. – вяло пожал плечами Ефим Иванович. – Я как с балкона Алексея-то услышал, так сразу и приготовил. – он залихватски хлопнул себя по плечу.

Только сейчас ребята заметили, что на нём уже наброшена петля, а верёвка в два оборота перекинута по плечам.

- Э-э да, мо, о ам.

- Да, дед, тебе домой...

Ефим Иванович принялся писать. То и дело он замирал, вздыхал, повторял, словно заклинание: «моя Люда», и снова принимался за письмо. Алексей парадно держал тоненькую церковную свечку, Николай мостил верёвку к крюку, на котором прежде висела их с Людой лампа.

- Давай отец, сюда ножками.

Ребята помогли Ефиму Ивановичу взобраться на табурет.

- Лети, голубь. – Николай уверенным движением вышиб табуретку у того из-под ног.

«Я всерьёз собрался умереть, потому что без тебя жить не могу. Пытался, как мог, но ничего не выходит. Ведь у меня, кроме тебя никого нет. Не знаю, кто меня найдёт, поэтому пишу – товарищи, прошу в моей смерти никого не винить. Своим имуществом я распорядился. Составил завещание и директор положил его в сейф до сентября в конверте как я просил. Он ничего не знает. Он хороший человек, поэтому я к нему и обратился. Честно скажу, я выпил, чтобы легче было умирать. Я не пьяница, это все скажут. Но так надо. Я долго думал над всем и другого выхода у меня нет. Жизнь несправедлива, но что поделаешь. Не хочу больше мучиться. Ефим Иванович Осьмушкин».

Моя мать - сатана

Газета : «В Мире», выпуск 20.

« - Я стучал в дверь, но Оленька не открывала. Потом я услышал, как разрываются бельевые веревки и что-то падает. Сбежал вниз как угорелый – жена лежала на асфальте с разможенным лицом и не дышала, - этот кошмар мужу погибшей девушки Андрею Токареву теперь снится каждый день.

Трагедия случилась в Саяногорске две недели назад. 31-летняя женщина выбросилась из окна собственной квартиры и разбилась насмерть. У нее остался грудной ребенок. Друзья и родственники погибшей считают, что до самоубийства ее довела православная церковь.

- Когда Оленьке исполнилось двадцать, подруга зазвала ее на какой-то религиозный праздник в Церковь, - вспоминает мама Ольги Токаревой Татьяна Очкова. – У нас их две в городе. Туда половина нашей молодежи ходит. Они там слушают проповеди, участвуют в ритуалах. Оттуда моя дочь пришла совсем другая: тихая, вся в себе. После этого она начала ходить в эту Церковь каждый день. Стала более агрессивной. Со мной раньше всем делилась, а тут я для нее стала враг номер один. Ссорились постоянно. Я чувствовала, что теряю дочь.

Однажды Татьяна Георгиевна заглянула в Олин дневник, а там такое! «Я ненавижу свою мать, она сатана!», - писала дочь. Перепуганная мама решила сама сходить в Церковь, где пропадала Ольга.

- Картина меня шокировала, - сжимает руки Татьяна Георгиевна. - Люди сидели, стояли со сложенными в ладошки руками перед иконами и с закатанными глазами тараторили что-то невнятное. Дочь сказала, они молятся. А я поняла, что вытаскивать ее оттуда надо, и срочно. Но все оказалось не так просто.

Все члены церкви, и Ольга в том числе, платили в общую кассу «пожертвования», ну, дескать, нужно же церкви на какие -то средства творить Свои благие дела. А отпускать от себя денежный кусок никто не хотел. Тем более, что Оля тогда кондитером работала и неплохо получала.

- Их главный – пастырь, так мне и сказал: «Она наша прихожанка и у нее есть свои обязательства перед Церковью», -

делится мама девушки. - Я перед ним на колени упала: «Сама вам деньги платить буду, только дочку отпустите», - но он мне отказал. Уговорами и подарками мне все же удалось вырвать дочь из лап этих сумасшедших.

Все вернулось на круги своя. Ольга снова стала веселой, разговорчивой, вышла замуж. Но православные ее в покое не оставляли. Оттуда каждый день сыпались звонки с просьбами и требованиями явиться в их главный офис. Девушка отказывалась. А иногда просто звонили и начинали дышать в трубку.

Из предсмертной записки: «Я онемела до времени. Так угодно Богу»

Два с половиной месяца назад Оля родила ребенка - Ванечку. Счастью родственников предела не было. Муж Ольги только и твердил, что живет с супругой как в раю.

13 августа Оленьке позвонила знакомая – Надя из вечерней приходской школы. Сказала, что у нее горе какое-то случилось. Срочно потребовала приехать в церковь. Такси за Олей прислала. Девушка поехала.

- А на следующий день у меня был день рождения, - говорит Татьяна Георгиевна. - Оля пришла ко мне с Ванюшкой. Подала ребенка молча, а потом слогами заговорила, как глухонемая. Я конечно испугалась.

- Доченька, что с тобой? Не можешь говорить напиши на бумажке, - заплакала я. - Она написала белиберду какую-то: «Я онемела до времени. Это угодно Богу. Поздравляю с днем рожденья. День рожденья лучше, чем день смерти». Эту записку в милиции посчитали предсмертной. А потом зазвонил телефон. Дочь вздрогнула и отчетливо произнесла: «Если это Надя скажи, что я для нее умерла. Это будет для нее знак». Оказалась, и вправду Надя, я ей все так и передала. Точь-в-точь как дочка просила.

Потом Ольга оставила мне Ванюшку, а сама пошла за пеленками к себе домой. По крайней мере, она мне так сказала. Я тогда и представить не могла, что дочь больше никогда не вернется...

Ольга все не приходила. Мама вместе с зятем отправилась на поиски. Первым делом - в коммуналку, где жила девушка.

Дверь была закрыта изнутри.

- Полчаса мы стучались. Она открыла. Мы глянули на Олю и ахнули, - говорит Татьяна Георгиевна. - Она ходит по кругу посреди комнаты, в руках «Библия для детей в иллюстрациях» держит. Я открываю, а там: «Когда Иисус вернулся на небо, послал нам Святого духа. Послание которого – учить тебя и дать тебе особую силу для того чтобы ты мог рассказывать другим об Иисусе. Я хочу рассказывать о Нём своим друзьям! Привет! То, что произошло сейчас - потрясающе! Это может произойти и с тобой!! Ты можешь верить и принять такое же решение, как я! Обратись к Богу и Он тебя услышит. Он тебя любит. Он простит тебя, и ты станешь божьим дитём! Я хочу быть дитём Бога, чтоб всегда быть с Ним! Замечательно, Толя, Это самое важное решение в твоей жизни! Ко мне это тоже относится! Я верую в Иисуса Христа!» ну и тому подобное, и что-то шепчет. Глаза безумные.

Мы к ней кинулись.

- Доча, давай домой, - Я плачу, - Ванюшку кормить надо.

- Ты сатана, - закричала она на меня. - А ребенка у меня нет. Он умер, - и ринулась от нас бежать. Не догнали.

Искали ее до поздней ночи. Я в церковь сунулась. А мне там и говорят: «Была у нас сегодня ваша дочь. Так что вы не беспокойтесь, если она к нам пришла, значит, все в порядке». Только через час Оля уже была мертва...

В полночь Андрей снова поехал в их коммуналку. Дверь была заперта. Услышал шаги, потом грохот. Вскоре стало ясно: Оля

выбросилась из окна. Андрей позвонил теще, разрыдался в трубку: «Нет больше моего солнышка»

- Я примчалась, - вытирает слезы мама Ольги. – Девочка моя лежала на асфальте. Она еще теплая была. В одном бюстгальтере и лосинах, которые я ей на день рождение подарила. В крови вся. Лицо снесено. Меня еле от нее оторвали. Потом все как в тумане. Похороны, поминки...

Надя, у которой Ольга накануне была, с родственниками девушки и разговаривать не стала. Да еще и нахамила им: «Вы мне от Оли передали, что я для нее умерла, вот и отстаньте от меня». Приходил к Татьяне Георгиевне какой-то церковный служака, не то дьяк, не то поп. Только она его и на порог не пустила.

- Я не верю, что моя дочь сама кинулась в окно, - считает мама Оли. Ее довела до этого православная церковь. Дочка так за эту жизнь хваталась. Я не знаю, как мое сердце все это выдержит, но я ради внука буду крепиться. Хочу его вырастить хорошим человеком.

Гибель девушки - не первая...

Кстати, подобный случай самоубийства в Саяногорске не первый. Два года назад погиб молодой парень Владимир Сельников, тоже прихожанин православной церкви. Он сказал друзьям, что уходит завершить все свои дела. Поднялся на высокую гору и прыгнул головой вниз. Через два дня нашли его тело. Другая прихожанка уже 10 лет лежит то в одной, то в другой психиатрической лечебнице.

Но все эти факты и подозрения родственников Ольги Токмачевой оставили следствие равнодушным.

- Одно с другим не связано, - сказал нам старший следователь Следственного Комитета при прокуратуре Саяногорска Артем Позновский. – Православная Церковь – это часть государственного аппарата, это знает даже собака. Она не может приносить зло.

Ответственно заявляю – Вам показалось. По этому делу была проведена проверка. В возбуждении уголовного дела отказано. Установлено, что это самоубийство. Девушка была дома одна. Из окна ее никто не толкал. А то, что она в этот же день была в Церкви – это не повод выдвигать обвинения. Церковь мы привлечь не можем, отдельного человека из нее тем более. Ведь никого из прихожан за спиной самоубийцы не стояло...

Мама погибшей намерена подать заявление в республиканскую прокуратуру.

- Дочь мне уже не вернуть, но если докажут, что к ее гибели причастна Православная Церковь – это откроет глаза многим ее прихожанам. Возможно, кто-то из них еще одумается и еще чьей-то смерти удастся избежать.

КОММЕНТАРИИ СПЕЦИАЛИСТОВ

Заур Рафников - начальник отдела по делам национальностей и религий администрации Красноярского края:

Православие - буквально «правильное суждение», «правильное учение» или «правильное славение» - направление в христианстве, оформившееся на востоке Римской империи в течение I тысячелетия от Рождества Христова под предводительством и при главной роли кафедры епископа Константинополя — Нового Рима. Православие исповедует Никео-Цареградский символ веры и признаёт постановления семи Вселенских соборов; включает совокупность учений и духовных практик, которые содержит православная церковь, под которой понимается сообщество автокефальных поместных церквей, имеющих между собой евхаристическое общение. Православная церковь рассматривает себя как единственную, кафолическую церковь, основатель и Глава которой - Иисус Христос. Это, выражусь по молодёжному, движение очень активно развивается в стране вообще, и в крае тоже, среди

последователей – много молодежи. Я не берусь точно сказать, сколько последователей нас в Красноярском крае, но возможно, не одна тысяча человек. Подобные институты нам известны, действуют легально, как полагается, зарегистрированы. А вот если в организацию ушел взрослый человек, добровольно, сделать тут уже ничего нельзя. По закону он сам распоряжается своей жизнью. И, как бы ни просили о помощи родственники, ворваться к адептам, например, с милицией, и увезти конкретного человека просто нельзя. А на каком основании это сделать?

Евгений Мазанцов, руководитель информационного центра по вопросам деятельности религиозных организаций при красноярской Епархии:

- Меня не удивляет то, что произошло в Саяногорске. Все религиозные организации действуют по методике модернизированной еще в 60-х 70-х годах в США. Определенные манипуляции «растормаживают» у человека некоторые физиологические функции, и происходит выброс эндоморфина в кровь. Эндоморфин – это такой же наркотик, только «внутреннего производства», «гормон счастья». Во время молитвы человек испытывает эйфорию, а потом впадает от этого в зависимость, как любой наркоман. Начинаются галлюцинации, так называемые видения, человек слышит «голоса», испытывает резкую смену состояний. Человек перестает общаться с близкими и полностью погружается в тот мир, где он получает «психологический наркотик». В итоге это приводит к полному разрушению нервной системы, и нередко – к суициду. В Красноярске, например, после занятий в воскресной школе девочка сначала попала в психиатрическую клинику на Кутузова, а потом утопилась. Мама пыталась доказать вину священника, даже делала экспертизу в институте Сербского. Но ничего не добились, в милиции даже дела не завели. Доказать, что человек покончил с собой из-за посещения

церкви, это же всё-таки государственное учреждение, невозможно. Другой красноярской семье повезло больше: мать сумела вытащить дочку из церкви, но они были вынуждены уехать далеко-далеко в лес, подальше от человеческого материала. Вообще, главное со стороны родителей, которые оказались в подобной ситуации – это терпение и любовь. У многих не выдерживают нервы, они начинают давить на ребенка, начинают таскать его по милициям, психиатрам. Это однозначно приведет к разрыву.

P.S. (в комментариях не нуждается): Отец Иоанн Болев, помощник секретаря красноярского краевого епархиального управления:

- Заставить человека отказаться от церкви, от религиозных связей – это первая задача таких незадачливых родителей. Разорвав все связи с церковью, человек оказывается в тупике, из которого для него нет выхода. В православии ведь так: семья и близкие люди ставятся во главу угла, любовь к ближнему, молитвы за близких – на первом месте. Если в вашей семье кто-то начал противиться церковному влиянию, я бы посоветовал обратиться в местную епархию, там примут меры. Практически в каждом регионе есть реабилитационные центры, где реально помогают людям вернуться в нормальную жизнь. Такой есть в Красноярске, при храме Святого Семейства на улице Кутузова. Хороший центр действует в Новосибирске, при храме Александра Невского.

Из дневника погибшей:

«Я ненавижу свою мать! Она сатана!»

Юность

- Нет, ну ты только послушай. – Алексей в запале тряс перед Николаем газетой. – Послушай, что вытворяют.

« В Татарстане ведется доследственная проверка по факту обнаружения трупа 15-летнего школьника, сообщила пресс-служба СУ СКП РФ по республике. Вчера около 17.00 в своем доме в деревне Дальние Ямаши Альметьевского района мать, вернувшаяся с работы, обнаружила труп своего сына, ученика 8-го класса. У юноши имелось огнестрельное ранение головы, рядом с телом лежало двуствольное охотничье ружье, принадлежащее отчиму.

Прибывшие на место сотрудники правоохранительных органов обнаружили четыре предсмертные записки, адресованные родителям, двум друзьям и подруге погибшего. В них парень приносил извинения за свой поступок и просил никого не винить в своей смерти».

- Вот придурок.

- А о родителях он подумал?

- Они его растили, душу вкладывали, а он бах и в петлю. Ты знаешь, нельзя прощать таких людей.

- Абсолютно с тобой согласен. Недаром в старину самоубийц даже в церкви не отпевали.

- Даже хоронили за оградой.

- Презираю таких людей. Вот говорят, что для того, чтобы себя убить, нужно быть сильным человеком. Но, мне кажется, что это вот такие же потенциальные самоубийцы и придумали для себя такую отмазку. Дескать глядите – я сильный, я смог на себя руки наложить.

- Да слабаки они и трусы, чего тут говорить.

Николай раскатисто рассмеялся.

- Сла, сла, слаб-баки. – не мог больше сдерживать смех он.

- И неблагодарные ублюдки. – отфыркиваясь, продолжал мастурбировать Алексей. – Всё, всё, хорош, кончить не могу из-за тебя. Замолчи.

- Сла, сла... - не унимался Николай и после каждого слога срывался в полу вой полу смех.

- Они не достойны жить.

- А-а-а-аха-ха!

- Вот, вот, ты только почитай,у-уф. – глотал воздух огромными порциями Алексей. – Чего сочиняют. Тугеневы, м-мать. Не письма – музыка.

- Так насладимся же ею!

Николай уверенно задвигал взмокшей кистью.

Папа и мама. Простите меня. У меня нет другого выхода. Хотя и говорят, что выход есть всегда. Но мне кажется, что сейчас его нет. Прощайте и пожалуйста, не плачьте. Ваш сын, Слава.

Генка, храню о тебе только самые светлые мысли. Так и не забрал у тебя свою приставку. Оставь её себе на память обо мне. Прощай, друг. Причину моей смерти ты знаешь. Прошу, не обсуждай её ни с кем. Слава.

Сил нет больше писать. Боюсь жутко. Одно хочу сказать, Серёжа, ты хороший друг. Не плачь обо мне. И сохрани эту записку. Это моя последняя просьба. Приходи к Генке играть в мою приставку и вспоминайте обо мне тогда. Прощай.

Последняя записка для тебя, Аля. Ты обязательно встретишь того человека, который своей любовью поможет тебе забыть меня. Я БУДУ ЛЮБИТЬ ТЕБЯ ВЕЧНО. Буду любить тебя с облаков. Прощай любимая. Я ухожу в вечность с твоим именем на устах. Слава.

Старики

- Ну, сколько можно, Ада Семёновна, вы на часы смотрели? – Николай сидел на краю ванны и в нетерпении плёскал в воде ладошкой.

- А вода не сильно горячая? - словно бы оттягивая время, неуверенно произнесла старушка, и полый рот её застыл в вопросе неприятной ямой.

- В самый раз водичка. – Николай горстью зачерпнул воду и, подняв руку над поверхностью, пропустил её сквозь пальцы. – Удивительная материя. – тихо, только для себя произнёс он и тут же добавил, уже зычно, почти властно: – Давайте быстренько.

Ада Семёновна придерживаясь о косяк и глядя куда-то глубоко под ноги, стянула с себя халат, панталоны, освободилась от тесных, оставивших на тощих голеньях буро-синие рытвины вдавлений гольф. Сухое белое тельце её замерло, практически слившись в общей безликости такого же белёсого кафеля; единственное, что разнило две эти такие, по сути, чуждые друг другу субстанции – это тусклые фарфоровые блики, привычные кафелю и такие несвойственные почти умершему теперь

- телу. Чик и всё. – ослепительно улыбнулся Николай и словно смычком взмахнул над своим запястьем лезвием. Так и не коснувшись

- его.

- А что такое? – вдруг пошатнулась старушка и снова ухватилась за косяк, взгляд её на миг сделался осознанным, осанка живой. – А... что-о-о?... – она растерянно огляделась по сторонам.

- ё рядке, ы ираесь еть ой. м ора. – в дверях возник Алексей.

- Вовремя ты, Ада-то, походу, крепенькой к твоим штучкам оказалась.

Алексей внимательно осмотрел зрачки бабушки:

- Военная закалка, что ж ты хотел.

- Это тебе не нынешнее племя – от насморка могут сдохнуть, а через тв-сигнал впасть в транс. Ада у нас не из таких. Правда, Ада? – криво усмехнулся Николай. - Ну же, поторапливайтесь. – он озорно прихлопнул по водной глади ладонью.

- Ты только послушай. – Алексей, проследив глазами за тем, как Ада Семёновна погрузится в воду, стал зачитывать со сложенного вдвое тетрадного листа: *«Дорогие мои внуки и дети: Майка, Римма, Светочка, Саша с Максимом, Никитка. Пишу вам прощальное письмо. Не поступить так не могу, так как сил моих не осталось жить на этом свете. Боль, боль и ещё раз боль. Каждодневная адская боль, а ещё бессонница. Цельную ночь и цельный день боль. И бессонница».*

Николай сделал короткий и глубокий продольный надрез старушке на левом предплечье, та дёрнулась, вытолкнув из ванны на пол немного воды, затем поперечный на правом. Ада Семёновна часто, словно бы в сексуальном восторге задышала, глядя то на хлынувшую в воду кровь, то на занесённый над ней нож.

- *Не забывают меня, мои дорогие.* – продолжал увлечённо зачитывать Алексей.

- Х-х-х-х-х. – часто дышала Ада Семёновна, смешно при этом подёргивая беззубой челюстью и не сводя глаз с расплзавшихся по воде густых алых пятен.

- *Ходите ко мне на могилку. Я буду видеть это, я знаю. Я буду помогать вам с небес. Я знаю, что самоубийство это тяжкий грех. Но я знаю, что Иисус простит меня, он примет мою душу в своё царство. И простит. Господь всемогущий простит. Обязательно поставьте мне на могилку крест. Памятника никакого не надо – крест. Чтоб всё скромно было. По-христиански. И на табличке напишите: «здесь покоится раба божья Тимофеева Ада Семёновна». Прощайте мои милые. Бабушка Ада.*

- Бабушка из ада. – хмыкнул Николай.

- Бабушка из зада.

- Просто, бабушка... – Николай грустно вздохнул.

- Адская бабушка. – не к месту рассмеялся Алексей, не разглядев посетившую вдруг друга меланхолию.

- Гляди – как насос валит. – Николай немного приподнял руку бабушки над водой. Теперь было видно, как кровь порциями выдавливается из раны. Сокращение сердца-алая порция, сокращение сердца-бурая порция, сокращение сердца-ало-бурая

- доза.

- Мальчики, я уже всё. – в дверях возникла сгорбленная, чем-то напоминающая колодец старушка в полинялом платке и новенькой крахмаленной ночной рубахе. В кулачке её был зажат кусок бортовой ткани. Она передала ткань Николаю.

- А как правильно пишется «прАстите» или «прОстите»? – послышалось из кухни глухое стариковское шамканье, такое глухое, что друзьям оно сразу показалось завыванием заблудившегося между рамой и стеклом порыва ветра, а не голосом

- человека. Так, наверное, могила звучит.

- Простата! – не услышав друга, зычно гаркнул Николай, рассмеялся и принялся нащупывать пульс у Ады Семёновны, сначала на предплечье, затем на шее.

Та, приняв, в свою очередь, законы смерти и окончательно и торжественно, как невеста, отдавшись им, расправилась уже, сползла в воду почти до бровей, белые коленки её, без давления, разошлись в стороны и, уткнувшись в боковины ванной чаши, завершили картину. Николай залюбовался её пепельно-алыми, змейками колыхавшимися на водной глади редкими волосами. Упёрся пальцами в артерию – та оказалась податлива и

- безответна.

– Всё, отчалила бабка – готовьте крест. – констатировал он тихо, для себя, и облизал окровавленные пальцы.

- Сюда, Маргарита Юрьевна. Головкой сюда. Пожалуйста, вот так. – доносился из зала высокий голос Алексея. – Лицом к стене садитесь, да не ко мне, к стене. –

Было слышно, как бабушка тяжело опустилась сначала на одно колено, затем, выдернув зажатую полу рубахи, на второе. Постановывая, оправила платок, подоткнула седые прядки. Всё слышно, слышно всё внимательному

- уху.

– Та-ак. – Алексей деликатно просунул голову старушки в сделанную из телевизионного кабеля петлю, затянул, и навалился ей на плечи. Всем

- телом.

Николай не отрываясь, глядел в застывшее гримасой лицо Ады, в глаза её мутные и словно бы потухшие и пытался считать происходившее с ней в эти секунды чудо.

Раздалось утробное мычание, бабушка затряслась, конвульсивно отвела правую ногу в сторону, словно бы толкая тонкого демона, что-то внутри неё надрывно хрустнуло. Алексей продолжал давить ей на плечи, обхватывая её и продавливая, чувствуя, как жар окатил её существо, как сердце, ускорившись на миг

- замерло. В чуде и превращении.

Войдя в ванную комнату и осмотревшись, Алексей снял со змеевика полотенце и утёр вспотевшее лицо, вытер руки и грудь.

- Насквозь пропах бабушкой. – устало констатировал он и швырнул полотенце под ноги.

- Ушла бабка. – Николай демонстративно небрежно похлопал Аду Семёновну по лбу.

- Моя тоже. – Алексей поднял только что брошенное им под ноги полотенце и снова принялся вытираться. – Весь пропах, кажется, старостью этой.

- Так как писать? – снова немо донеслось из кухни и снова ребятам показалось, что это ветер

- стонет.

- О, этот ещё, писатель. – аж просветлел лицом Николай. – Я и забыл о нём совсем.

- «Простата» – пиши, дед – не ошибёшься! – крикнул Алексей, которому очень понравился придуманный другом каламбур. – Веди-ка, Коля, этого Эдгара Алана По сюда. – и он привычным движением принялся крутить из простыни

- петлю.

Дорогие мои внуки и дети: Майка, Римма, Светочка, Саша с Максимом, Никитка. Пишу вам прощальное письмо. Не поступить так не могу, так как сил моих не осталось жить на этом свете. Боль, боль и ещё раз боль. Каждодневная адская боль, а ещё бессонница. Цельную ночь и цельный день боль. И бессонница. Не забывайте меня, мои дорогие. Ходите ко мне на могилку. Я буду видеть это, я знаю. Я буду помогать вам с небес. Я знаю, что самоубийство это тяжкий грех. Но я знаю, что Иисус простит

меня, он примет мою душу в своё царство. И простит. Господь всемогущий простит. Обязательно поставьте мне на могилку крест. Памятника никакого не надо – крест. Чтоб всё скромно было. Похристиански. И на табличке напишите: «здесь покоится раба божья Тимофеева Ада Семёновна». Прощайте мои милые. Бабушка Ада.

Простите. Простите меня Христа ради. Не могу больше жить. Каждый день крик. Бесконечные ночи. Дети мои, простите, только простите. Ничего больше не прошу. Только прощения. И у бога прощения прошу. Предстану перед им. И буду молить о прощении. И вы в церкву сходите, помолитесь о моей душе. Прощайте мои дорогие. Люблю вас и целую. Маргарита.

Денис, обращаюсь к тебе со всей серьёзностью. Через минуту я убью себя. Я уверен, ты не удивишься, поскольку знаешь, что давно к этому готовлюсь. После смерти твоей матери, я только об этом и думаю. Смотри за дачей, за моей рабаткой особенно. В память обо мне следи. За могилками моей и матери твоей тоже следи. Прощай сынок. Не по-людски как-то мы с тобой жили. Прости за это, если сможешь. Я ж жизнь тебе дал как-никак. Твой отец Иван Иванович Третьяк.

Кристина и минеральная вода

- Ничего такой денёк.

Летний зной пеленой застилал уютный школьный дворик, его лавки, асфальт; разметка «классиками», кроны и тени от них. Лениво застилал, праздно. Но, уже скоро всё изменится, наполнится

школьный двор мучительной музыкой: ор учеников, стук каблуков преподавателей, крик звонка, скрип мела из открытого ещё, ранневесеннего, классного окна, постанывание и горестные вздохи обречённых. Уже скоро-скоро, но ещё так призрачно.

Алексей подставил солнцу своё рябое в веснушках лицо.

- Ага. – ответил Николай, ленивым червём прогнав в голове одну большую неоформленную мысль.

- Ре...

- Постой. – Николай сморщил брови. – Как на картинах у Дейнеки.

- В смысле на картинах?

- Ну, у него там такие ясные-ясные летние деньки обычно изображались. Небо там, море, всё солнцем залито таким почти белым, а человеческие фигуры, словно жареная свинина – коричнево-алые. Просто колорит сегодняшнего дня очень Дейнековский.

- А я никогда не видел его картин. – немного раздосадовано произнёс Алексей. – Он русский?

- Эм-м-м, как тебе сказать. – Николай, силясь найти наиболее лаконичную форму ответа, снова наморщил брови. – По сути, получается, что русский. Сейчас попробую объяснить, он жил в Минске, а Минск это столица Беларуси. Раньше это была часть России, а потом они отделились, выбрали себе президента, создали конституцию, сочинили себе какую-то историю, мову, так они называют язык, ну, как обычно в таких случаях бывает. В общем, Дейнека теперь не русским считается, а белорусским.

- То есть живёт он вроде как в другой стране и говорит по белорусскому.

- Жил и говорил по-русски. – Николай с укором посмотрел на друга. – Изъясняйся грамотно.

- Ну да, жил. Жил в другой стране, но, по сути, он как бы русский.

- Я мало в этом чего понимаю, но в школе нам как-то так объясняли. И вообще, я слышал, что Беларусь скоро снова станет частью России, губернией что ли, или чем-то там ещё. Короче, Дейнека как был русским художником так им и останется.

Так увлечённо беседуя, ребята пересекли школьный дворик и уселись на спрятавшуюся от августовского зноя в тени ивы скамейку.

- Да-а, Дейнека, искусство, всё это интересно. – Николай рассматривал свежевыкрашенный в оранжевое корпус школы. – А вот ответь мне Лёша на один вопрос: а ты бы смог кончить собой?

- Это как?

- Ну, так берёшь и кончаешь собой.

- Себе на ладони.

- И размазываешь.

- Это пахнет каким-то говном.

Ребята рассмеялись.

- Гляди. – Николай ткнул друга локтем в бок и кивком головы указал на показавшуюся вдруг из-за поворота девочку.

- Угу-у-у. – похотливо протянул тот. – Стройная, уже уверенно вступившая в фазу полового взросления девочка.

- С аккуратным хвостиком соломенного отлива волос девочка. – подхватил мастурбационную эстафету Николай.

- С первыми, ещё жидкими и воздушными кудряшками на лобке девочка.

- Такими жидкими-жидкими, как понос, почти невесомыми девочка.

- Потная, вздыбившаяся, готовая к приключениям, новая, стройная, с аккуратным хвостиком соломенного отлива волос.

Девочка упруго шагала по асфальту, покачивая цветастым пакетом и неумело, да и вовсе не желая того, повиливая угловатыми бёдрами.

- Пойдём-ка. – дождавшись, когда девочка минёт их, Алексей увлёл Николая за рукав.

Тот нервно

- захрипел.

- Постой, подожди. – Алексей окликнул девочку.

- А? – та остановилась так резко, что пакет взмыл вверх и, вернувшись, с хрустом уткнулся в колени.

Обернувшись, она несколько растеряно посмотрела на ребят.

- Привет, меня Коля зовут, а его Лёша.

- ша. – произнёс Алексей и заглянул девочке в бездонные глаза.

- Сколько тебе лет? – Николаю понравилось, как девочка щурится на солнце. Он залюбовался этим и невольно растянул рот в

- улыбке.

- А что? – лучезарно, словно бы играет роль в добром советском фильме, заработала она в ответ.

- Нет, просто, мне тринадцать, а тебе?

- ко е ет?

- Почти тринадцать. – девочку едва заметно качнуло.

- А куда ты идёшь?

Николай ладонью заслонил лицо девочки от солнечных лучей.

- Тебе нужно расслабить лицо. – попростяцки произнёс он.

- Зачем? – удивилась она.

- Морщины рано появятся.

- А-а-а. – понимающе протянула девочка и так качнулась, что Николаю пришлось её подхватить. – Я иду из магазина домой. – кукольным голосочком произнесла она. – Мама попросила купить пельмени, желатин и минеральную воду, у неё изжога. Меня Кристиной зовут.

- Хочешь, мы тебя до дома проводим?

- Проходите, разувайтесь. У нас обувь в этот шкафчик ставят. – Кристина виновато улыбнулась, закрыла дверь и провернула замок. – Многие находят это странным.

- Чего странного? – Николай, неловко изогнувшись, стянул один кед. – У меня дома тоже так.

- у и ня. – Алексей не разуваясь прошёл в прихожую. – уйте. – он едва заметно кивнул вышедшей ему навстречу женщине.

- Кристинка, у нас гости? – широко улыбнулась та.

- Познакомься, мама, это Коля и Лёша. Ребята проводили меня от школы. Вот продукты, я купила их. – она протянула пакет с продуктами маме.

- И минералку мою любимую не забыла! – восторженно произнесла женщина. – Спасибо, ребята. Не знаю, говорила ли вам Кристинка, она обычно стесняется об этом говорить, но прямо за поворотом, ну, после школы живёт её бывший ухажёр. Так знаете, проходу не даёт. Один раз даже запустил в неё камнем. Голову разбил. Пришлось швы в больнице накладывать. А если Кристинка не одна идёт, то он боится.

- Мама. – Кристина смущённо поджала губки. – Генка под домашним арестом. Я тебе говорила. Мальчики просто со мной пошли. Мы в детской посидим.

- Ну? Закончила? – Николай заглянул девочке через плечо.

Кристина в нерешительности застыла над наполовину исписанным красивым каллиграфическим почерком клочком бумаги, затем глубоко-глубоко вздохнула, прикусила колпачок ручки и скоро, словно бы боясь, что у неё отнимут ручку, вывела: *«Всех, всех, всех...»*

- ди да. – скушаяще произнёс Алексей и зевнул.

- Мы уже всё. – котом улыбнулся Николай.

- Что всё? Покакали? – таким же котом ответил ему Алексей. – Пошли, Кристина. Тебе сюда. – он жестом указал девочке на окно.

Кристина поднялась со стула, сделала нетвёрдый шаг, зачем-то
оглянулась на свой стол

настоящий «тринадцатилетний»

влажно-пёстрый, полу мультипликационный,

полный детства и непостижимого

взросления стол

Приблизилась к

- окну.

- Давай сюда.

Мальчики помогли ей взобраться на подоконник, затем на карниз.

Она прыгнула сразу.

- Прощ... – оборвала она своим прыжком ритуальное прощание
Алексея и, сухо стукнувшись об асфальт, брызнула лопнувшей
головой.

Стол, карниз, окно ручка подоконник – музыка

- смерти.

- Вы уже всё? Уходите? – мама Кристины появилась в прихожей,
когда Николай уже заканчивал шнуровать второй кед, в руках её
поблёскивала початая бутылка с минеральной водой.

- Да. Мы, пожалуй, пойдём. – Алексей устало окинул взглядом
утопавшую в обеденном зное прихожую, так напомнившую ему
школьный двор, безысходностью напомнил и детством. – Нам
показалось, что эта история с её бывшим... ну, в общем, лучше не
напоминайте ей о нём. Её это травмирует.

- Вот вы как напомнили ей, ну, об этом. – Николай сделал
озабоченное выражение лица. – Так она грустная такая там сидит.
Даже вроде всплакнула.

«Дорогая мама, я не робот. Пора бы уже в твоём возрасте это понимать. Ты не знаешь, что такое любить. И не знала. Ведь мудрость не приходит с годами, как ты думаешь, мудрым можно быть и в тринадцать. Тебе ведь это не приходило в голову. И любить без памяти можно в тринадцать. Ты знаешь, я сегодня вдруг в один момент поняла, что уже прожила свою жизнь, я уже успела полюбить, испытать предательство, снова полюбить, разлюбить, потерять подругу. В свои тринадцать я чувствую себя взрослой женщиной прожившей жизнь. И не обязательно для этого рождать детей, чтобы потом так же мучать их как ты меня. Несмотря ни на что, я всё равно люблю тебя мамочка, спасибо тебе за то, что подарила мне такую яркую, хотя и короткую жизнь. Я благодарю за эту жизнь всех имевших к ней отношение, даже тех кто меня предал. Всех, всех, всех...»

«б.с.»

Каникулы промчались незаметно. Восторги! Взрывы! Потрясения! Конвульсии!.. Казалось, все летние смерти и восторги остались в каком-то другом измерении, в другой жизни. Словно бы они и не существовали вовсе, а всего лишь были прочитаны в оброненном кем-то блокноте или приснились. Августовский зной сменился сентябрьской свежестью, предвкушение летних каникул ожиданием зимних, желание освежиться желанием согреться.

До конца урока оставалось семнадцать минут

или семнадцать вечностей для

Николая

Пожилой неинтересный педагог нудно чеканил что-то невнятное о палеолите, одноклассники млели и почти в голос переговаривались, вентиляция гудела. А Николай хотел.

Страстно.

Больно.

Беззвучно

Как полевая мышь. Его зрачки в тысячный раз пронеслись по строчкам письма от Алексея.

Оно пахло Алексеем.

В письме не было ни одного живого слова, лишь сухая непредвзятая выписанная аккуратным совершенно не желавшим взрослеть почерком из газетных сводок статистика, «сводок с невидимого фронта самой долгой в истории человечества войны», как говорил Алексей. «Войны человека с самим собой», вторил ему тогда Николай.

«Вчера в 11 утра в селе Котоврас Балашовского района во дворе своего дома покончила жизнь самоубийством через повешение 71-летняя пенсионерка. Она оставила предсмертную записку с текстом "Простите меня, устала жить"».

- У-у-у. – в исступлении промычал Николай и мысленно заголил головку члена.

До конца урока оставалось шестнадцать минут.

Шестнадцать вечностей

Николай перевернул страницу письма:

« В Советском районе в поселке Степное, приблизительно в полночь, повесился 35-летний мужчина, находясь у себя дома. По словам соседей умерший злоупотреблял спиртными напитками». – лихорадочно носился по сладким строчкам, словно по волнам, Николай. – *«В Татищевском районе свела счеты с жизнью 81-летняя пенсионерка. Способом самоубийства и здесь стало повешение.*

Женщина оставила предсмертную записку с текстом "Жить без мужа не могу, тоскую"».

- Пётр Петрович. – услышал свой девичий голос Николай. – Можно выйти?

Пётр Петрович кивнул и тут же подхватил соскользнувшие с носа очки.

Послышался смешок.

Николай вышел из класса и тут же стремглав помчался по коридору.

Тук-тук-тук-тук-тук

- Ну же! Ну! – мычал он под эхо своих же шагов, что страстной дробью рассыпались по коридорам.

Шаги его рикошетили о холодные школьные стены, выкрашенные ужасной синей краской и намоленные, порождая гулкие громовые удары

девочкой отдавались в сердце

наслаждались гробовой полостью

и одиночеством

Тук-тук-тук-та-та, тук-тук-тук-та-та

Едва запрыгнув в туалетную кабинку и не позаботившись о затворе, Николай вынул член быстро-быстро, быстро-быстро его подрочил, затем восемью тяжёлыми движениями, будто бы он вбивал член в руку, кончил себе в ладони мутной тёплой лавой.

- По словам... сх-оседей. – задыхался он. – Ух-мерший... злоупотреблял-х спиртными... зло-х... уп-х...

Тут Николай замер, всосал носом упругий, концентрированный чем-то бесконечным воздух. Кислый и одновременно жёлто сладкий. Так в своём самом худшем варианте могла бы пахнуть протухшая куриная тушка.

- Мать твою!

Николай осмотрелся. В мусорном ведре мятые прокладки, скрученные трубочками, пеленованные в бумажки, со следами крови и спермы, спермы и кала, спермы и ещё раз спермы, на полу цветастая пачка от влажных салфеток, тест на беременность, ватные палочки, следы гранулированной пудры, кучка не съеденного говна, окровавленная прядь волос с фрагментом лоскута, гигантская размером с огурец помада, дилетантски скрученная висельная петля, отломанный каблук, использованное в качестве туалетной бумаги школьное платье, резинка для волос величиной с обруч, рапира шпильки, стволы ресниц, немислимые сферы накладных ногтей, насты перхоти!

– «б. с.»¹.

Николай невольно улыбнулся внезапно открывшейся для него смешной детской-детской мысли и тут же, словно компьютерная программа, разложил её:

- 1. Если оргазм через половой акт – это маленькая смерть. – пробормотал он, безглаголиво разглядывая находки. – То оргазм через мастурбацию – это маленькое ритуальное самоубийство. Ritual Suicide. Какая нелепица – маленькое самоубийство в «б. с.».

Он глянул на мутный подтёк спермы на своих пальцах, пальцы его заметно тряслись.

– 2. А это, в таком случае, предсмертная записка. Нет – посмертная. Именно посмертная.

Николай коснулся кончиком языка своей спермы. Тёплая, терпкая. Немножечко сладковатая. Он глубже погрузил язык в сперму, так, что стал давиться.

– 3. Чем-то напоминает кровь.

¹ Бабский сортир

Ему вспомнилось, как он облизал себе пальцы с кровью Ады Семёновны, там, в ванной. И что-то глубинное колыхнулось внутри. Словно робот. Межзвёздный робот.

- Сперма напоминает кровь, и наоборот. А я лишь межзвёздный робот стоящий между ними и поглощённый ими. – тихо произнёс он и прислушался к собственному голосу, что, словно шальная пуля отрикошетил сейчас от стен туалета.

– 4. А если это и в правду фронт, как говорил Алексей. – продолжал рассуждать он. – НФГВ. Гигантской войны пословно бы оттягивая время, неуверенно произнесла старушка.д названием самоубийство, а предсмертная записка это сводка с фронта, а записки это целая военная бп. гдлетописьн, а бег по коридору – у у у у спасение от врага, а дверь туалета – щит... или shit. Б.с., б.с....

Он с наслаждением опустил веки и тут же, не дав им зафиксироваться в новом состо, распахнул, новые.

- 5. Записки – это летопись... с фронта, невидимого.

Николай с вожделением втянул носом смрадный туалетный дух, мельком скользнул глазами по своей плавно сползавшей с ладони «посмертной записке», вспомнил вкус её и теплоту, и вдруг сознание его прояснилось, отчётливо всплыло в памяти *его* прожитое лето, прошлое, знойное, каким его давно уже не видели в Москве, вспомнился такой необычный Алексей, все эти смерти, старики, девочки, записки, восторги... всплыла в памяти и сестра

- Марина.

Горстка могильной земли на её записке в *то* лето.

Марина-девочка

Николай вздрогнул. Как наяву увидел он свою вечернюю, летнюю, комнату, сейчас она совсем не такая. Увидел, как ещё та, летняя дверь, скрипнув, отворилась. И раздался голос сестры, тоже летней:

- А мама оладушки жарит. Сказала, чтобы я не «кошачила». Правда, смешно? – Марина подошла к нему и села рядом за стол. – Понюхай. – она протянула миниатюрные ладошки к его лицу. – Я всего одну оладку стащила, а она сказала, что я «кошачу».

Николай с новой силой осмотрел туалетную комнату: унитаз, сливной бочок, болтающийся не на верёвке и даже не на кабеле, а на грубой негнувшейся проволоке конус смывателя, это что б никто ненароком не повесился, ведро, стены, пол – втянул гадкий смрад и представил тех «кисок», что ежедневно создают здесь атмосферу.

- «Кошачит». – горько улыбнулся он себе, улыбнулся так же, как сестре в то такое недавнее и одновременно далёкое лето.

Он понимал, что пройдёт совсем немного времени и Марина сильно изменится. Совсем немного... Из непосредственной в смешных хвостиках семилетней девчушки превратится она в замкнутого и аутичного подростка, у них это от отца. Да, точно, именно аутичного, закрытого и непредсказуемого. Детство, думал он, искренне только до года жизни, в своём крике о помощи, и после одиннадцати, в столах предвкушения, дальше детство может тянуться вечно.

Пройдёт совсем немного времени, рассуждал Николай, и взгляд Марины станет таким же тревожно-испуганным, каким был на заре её жизни...

- А что ты чита-а-аешь? – скучающе спросила в тот летний вечер Марина.

Николай поджал под себя газету. Внимательно посмотрел на сестру.

- Марина, а что ты думаешь о смерти? – вместо ответа поинтересовался он.

- О смерти, которая моя или которая твоя?

- Которая твоя.

Марина заёрзала на стуле.

- Она нескоро. – наконец сказала она после некоторого раздумья.

- А вот представь, если бы ты узнала, что умрёшь сегодня, вот, к примеру, через час и тебе пришлось бы написать письмо. Маме, папе, мне... Что бы ты в нём написала?

- Но я не могу умереть сегодня – я маленькая.

Николай достал ей лист бумаги, розовый фломастер.

- Представь, что ты сегодня умрёшь. – всё вглядывался в сестру он.

Марина застыла.

- Учительница говорила. – не моргая, произнесла она. – Что после смерти все хорошие дети попадают в рай, а потом смотрят оттуда с облаков на своих родителей. Что там с ними живёт Иисус.

- Вот ты и пиши, что будешь смотреть на маму и папу с облака.

Посопев, Марина взялась за предсмертную записку:

...Я пыталась сделать все, чтобы остаться, но Земля стала для меня местом кошмара. Я не знаю, кто виноват - я ли сделала свою жизнь такой, или мне была уготована такая судьба. Я не знаю, куда я ухожу. Есть ли там что-нибудь, или меня ожидают вечные адские муки - и потому мне вдвойне страшно. Я знаю, что самоубийство - это самое гадкое, что может совершить человек. Это предательство по отношению к себе, к близким людям, к миру. За это я презираю себя, но все-таки делаю это. Я не нашла иного выхода, кроме смерти. Простите. Прощайте.

Воспоминание о Рите

Я в нетерпении глянул сначала на часы затем в лицо Косолаповой Марине Романовне, проживавшей по адресу ул. Школьная, д. 3, кв. 17, снова на часы, словно бы не веря, что время может течь так медленно, и снова в лицо Марине Романовне. В постановлении, составленном в удивительно свободной форме, видимо, криминалист был пьян, указывалось, что обнаружили её соседи по лестничной клетке, дверь была не заперта, она лежала у трюмо на спине. Из одежды на ней был спортивный костюм и кроссовки... предположительно она умерла три часа назад. Умерла не от травмы, просто так умерла... в свои сорок

два. Я снова посмотрел на часы – стрелка не сдвинулась ни на миллиметр. Подхватив тело Марины Романовны под руки, я скинул его с каталки и, пятась, выволок на крыльцо. Усадил на лавку. Надел ей на голову свою бейсболку. Отошёл на пять шагов назад. Сделал ещё четыре и невольно топнул сразу обеими ногами – Марина, словно вземной гость! мерцала лицом! без давления! и серебряными полосами! спортивного костюма! Порыв ветра качнул фонарь, и бледный свет вяло вырвал посечённую непогодой вывеску у неё над головой: «Областное бюро судебно-медицинских экспертиз».

Без четверти десять вечера – с минуты на минуту ко мне на работу должны будут приехать мои новые знакомые: Денис Луговой, продавец из киоска на вокзале, Иван Погодин, студент заочник какого-то технического ВУЗ-а и Ариша, девочка-тюльпан из Одессы. Я представил, как они выйдут из-за угла тканевой лаборатории – там неподалёку автобусная остановка, я был уверен, что они приедут именно на автобусе, сразу же увидят клумбу и притаившуюся в кустах беседку – это ориентир. Как уже издали начнут приветствовать меня. Скорее всего, махать руками. Кроме Ариши. Она гиперинфантильная и, кажется, лечилась раньше. Хотя, если «колёса»...

Дойдя до поворота, я принялся созерцать: далёкие огоньки города – калейдоскоп цветных оконных стёклышек, блеск дороги, гирляндный ряд фонарей, лучи далёкой дискотеки в юго-западном направлении, обычно пустующая в это время автобусная остановка, несколько пришибленное здание морга. Пила ельника за его скорбной спиной. Украшавшая порог Марина. В спортивном костюме. Кроссовках. С лицом без давления...

Как похожи вы и как разнитесь. Одновременно. Морг и Марина. Марина и морг. ММ. Спрятался морг в лесной чаще на севере России. Словно умирающий от рака мозга маньяк. Затаился и

самопереваривается. Ножами. И пилами. Неизбежно. Вобрав в себя боль убитых и замученных, скорбь растоптанных, чудовищность необратимости – умирающий маньяк с глазами недельного ребёнка молоко кровь спермакал. Кто ты – морг?

Я притопнул сразу обеими ногами.

Вернулся на крыльцо. Марина оставалась на прежнем месте, она сидела непосредственно, слегка развалившись, мёртвая, моя чёрная бейсболка с орлом придавала её образу базарный характер. Немного поколебавшись, я выключил прожектор, и теперь крыльцо подсвечивали разве что далёкие фонари с улицы да непомерно огромная луна.

Вопреки ожиданиям мои новые друзья приехали на такси. Расплачивался Денис, долговязый и сутулый, он засунул голову в окно и смешно оттопырил обутую в цветастый кед ногу.

- Ты не один? – несколько заигрывая, произнесла Ариша и смерила взглядом Марину.

- Ты не предупредил. – буркнул Иван и протянул руку.

- Ну, давай, удачи. – Денис несколько излишне развязно попрощался с таксистом.

- Да вы присаживайтесь. – я указал ребятам на скамейку. – Посидим пока здесь.

- Почему пока? Я туда не пойду. – Ариша поставила свой увешанный разномастными, от «пацифики» до стилизованного под Микки Мауса Че Гевару значками рюкзачок на ступеньку и села рядом с Мариной. – Я слышала, там воняет.

- Да, посидим здесь. Представь нас своей гостье. Денис. – Денис протянул Марине руку.

Марина осталась сидеть неподвижно, спрятав глаза под широким козырьком бейсболки.

- Ариша, Арина.

Ариша коснулась её плеча и тут же заверещала, запищала, завращалась, забилась, выгнулась мощными стеблями осока и приняла телом своим ещё только начавшую умирать Риту. Рита, Риточка, солнечный зайчик на стене классной комнаты, *нечеловек*. Я шёл за Ритой недолго, где-то около получаса – от самой школы. Она сначала шла с подружкой, смешно так покачивая портфельчиком. Бантик щекотал её шейку. Потом они попрощались, и дальше она шла одна. Зайдя в лесополосу, она пописала, я едва слышно подрочил и решил, что просто убью её – без секса.

- Ах ты Господи-господи! – раскачивался я из стороны в сторону. – Изю дня в день мне все хуже и хуже. Совсем я почти оглох, и телевизор приходится выкручивать до отказа, чтобы хоть как-то слышать, разбирать. Соседи замучили упреками, дескать, всю ночь телевизор орет, грохочет, спать мешает. А что еще делать, когда от бессонницы проклятой спасения нет!? Фома Лукич, сосед снизу, добрая душа, посоветовал от бессонницы пить синильную кислоту. Говорит - верное средство. Так её в аптеке не продают, насилу достал. Ну, спаси его Господь. Сегодня вечером попробую.

- Что!? Что!? Что!? – припадочно шептала Ариша.

- Успокойся, Успокойся же. Да успокойся – я же пошутил. – я удерживал Аришу за локоть. – Это же шутка. Да успокойся.

Думал о её мякоти.

Марина сползла с крыльца и теперь лежала на асфальте, неприлично раскинув ноги, белая, без давления, напряжённая мёртвыми сухожилиями.

- Пойдёмте внутрь. Я буду угощать вас сушёной икрой.

ЖИРОВОСК

В весенне-летние месяцы при обнаружении трупа на траве или злаках следует сравнить состояние растений под трупом и вокруг него. Если труп лежал в данном месте свыше 6—8 дней, то трава, находившаяся непосредственно под ним и лишенная солнечного света, побледнеет вследствие потери хлорофилла. Развитие растений под трупом несколько задерживается по сравнению с растениями около

него. На длительность пребывания трупа на месте его обнаружения указывает также прорастание сквозь него корней растений.

Но ко мне это не относится – я скончался в ванне

аутоминет

скорый поезд

брызги снега

я по крови сракой еду

еду быстро

еду скоро

еду с каменным укором

скорый поезд

едет в рот мне

едет кровью

спермой

калом

едет с каменным укором

плетью

жилой

пантографом

язык у меня плотный и бурый, без дубления. Уже четыре дня, все четыре из которых я мёртв. Нет, мёртв я уже больше десяти месяцев. Но язык заоченел только в среду. И, пожалуй, это последнее неприятное воспоминание, ставшее впоследствии последним приятным. Ах, как сокрушался я тогда и как грущу сейчас! Кто бы знал, как сокрушался я! На то, что язык изменился, я обратил внимание только тогда, когда собрался сделать себе послеобеденный

минет, или как я ещё его назвал «королевский праздничный строгий минет», и...

не смог.

Не смог поласкать своим шаловливым кончиком головку, не смог поводить уздечкой по гиперчувствительным сосочкам своего языка, не смог сделать простейшее сосательное движение... Скажу вам откровенно, ни с чем не сравнимые испытываешь ощущения, когда газы раздувают мошонку и член. Терпкое, глубинное. Вы только вообразите себе постоянно эрегированный член со стабильно релаксными мышцами. И всё это хороство Наполняет. Ваш. Рот.

Наверное, так ощущает себя спившийся эрудит, подумал я, вспомнив о прошлой своей, живой, жизни. Смешное словосочетание «живая жизнь». А вот мне не до смеха – я уже больше никогда не смогу пососать себе член. Я говорю – никогда, потому что понимаю, что происходящие в моём теле процессы уже необратимы. Необратимы и тем пугающи.

Помнится, на одном из уроков я попытался донести до детей какую-то подобную мысль. Нет, не про минет и даже не про смерть, а про необратимость роста.

- Вот вы растёте. – говорил я тогда. – Ваша машина априори совершенна, запущена и набирает обороты. Ты, "тугой разносчик пиццы". – я обратился к сосредоточенно внимавшему мне Мише. – Понимаешь, насколько это чудовищно страшно. Даже не метафизически, не абстрактно, а... буквально. Что такое процесс роста человека, процессростачеловека. – повторил я слитно и закрасивелся. – Это, прежде всего, удлинение, иначе вытягивание костей, хрящей, наращение жира и мяса... вытягивание, наращивание, вытеснение и... и... – я захлебнулся. – Эта музыка мне отвратна, эта поэзия меня калечит.

Ребята меня не поняли. Я прочитал это в их глазах.

Кости в рост!
И жилы в рост!
В рост жиры!
И вон из тела
Сперма кал
Слюна и пот
Газы
Слизь.
Ты пой sibylla!

Хм. Вспомнилось... Песни сивиллы... как давно это было... словно бы в другой жизни. Опять эти грузные воспоминания о том чего не вернуть. Такое чувство, будто толстяк уселся на грудь. Воздуха не хватает. В той, живой, жизни я работал учителем начальных классов одной районной школы. Звали меня Иваном Ильичом и здоровались снизу вверх. У меня в подчинении было двадцать девять детишек, первоклашек. Мда-а-а... удивительная штука – мой «горб» тяжёлых мыслей не перестаёт расти даже после смерти.

И снова этот рост, этот адский не останавливающийся даже после смерти рост! А теперь ещё и минет. Будь он проклят...

Мысли о нём не покидают меня.

Несмотря на недееспособный язык, я всё же склоняюсь к торчащему колом члену, вот он касается головкой моего рта – иссиня чёрный, пахнувший разложением, с вывернутой уздечкой и зёвом семенного канала – комнатной температуры. Входит в постоянно открытый и уже успевший сползти на подбородок рот, заполняет его. А я не могу пошевелить языком. Боже, как горько мне оттого! как больно мне в этом умирать! В невозможности насладить себя хотя бы

этим единственно доступном мне срамным наслаждением. Я в исступлении потыкал членом в окоченевший язык.

Сколько ещё необратимых превращений ожидает меня?..

И тут меня обдало жаром – я с ужасом осознал, что не пройдёт и двух дней, как язык мой вспухнет и вывалится изо рта, как шестнадцатилетняя Настя Черепухина из окна вывалится – необратимо вывалится, головой в асфальт вывалится. И. Умрёт.

Ещё одна тайна волшебства фамилий.

И тогда я смогу лишь бездарно тереться членом о его бесчувственное тельце, о холодный кончик его.

правда о мухах

В полёте застыл самолёт

В полёте издал злобный вздох

В полёте раком

В полёте в зад

В полёте в рот

В полёте осталось всё

Что вырядило мой ад

В полёте застыл самолёт

В небе застыл крестом

В петле

У окна

Под зонтом

Укутавшись в кожу.

БЫЛ ОН

Процесс моего умирания начался в толстом кишечнике. Я понял это сразу. По характерному жжению. Вывернутому, тугому, анальному.

Почему даже после смерти так много кишечника? Не оттого ли что его во мне, э-э-э... тонически, было четыре, сейчас значит – семь, может, восемь метров. Не замерял. Шутка. Конечно же, это была шутка. Горькая.

Ну, а теперь серьезно. Самое первое моё недовольство смертью вызвали насекомые. Насекомых было много: мухи, жуки, муравьи – откуда только в квартире взялись, клещи. Из них особенно беспокоили меня мухи. Не помню, когда конкретно они поселились во мне. Всё произошло как будто бы само собой, без моего участия. Появились они сразу и в огромном количестве. Я ещё даже не успел, как следует почернеть. Комнатные, трупные, синие, мясные – тьма мразей. Одно успокаивало – пройдет совсем немного времени и они отстанут от меня, как отстаёт короста. Хотя отстанет – это не самое подходящее слово. Правильнее сказать, их сменит что-нибудь иное. Это закон жизнесмерти.

И это иное ещё безжалостнее будет меня донимать.

Короста. Хм-м... Саша Хромов. Блондин с длинными пальцами и аккуратными всегда несколько синюшными, по внутреннему краю, ногтями, словно бы он только что мыл посуду в холодной воде и ещё не успел согреться, по "внутреннему журналу" проходил как «кусочек». У него была очень красивая мама, звали её не менее красиво – Раиса. Саша был конченный гуманитарий. Все четыре года, что я преподавал у него, он радовал меня своими учебными склонностями. А его мама радовала меня своими такими васильковыми-васильковыми! глазами на всех 12-ти родительских собраниях-х-х-х-х-х-х-х... как упивался я ими, как сосал их, как ими умирал! Они на долгие годы остались во мне тем, чем стал поцелуй для легендарного чеховского Рябовича. А восьмого февраля мальчик, что сидел вместе с Сашей за одной партой, не помню его имени,

пришёл с отвратной, диаметром с пятак коростой у нижней губы, слева от значка октябрёнка.

Красивый сын красивой мамы, а рядом короста – только и запомнилось мне.

А теперь вот это ужасное, практически нетранспортабельное слово заставило меня вспомнить момент первого появления мух во мне. Как чудно всё это, как загадочно.

Мне повезло – я умер в разгаре летних каникул. А это означало, что период моего распада будет как ни у кого короток. Гораздо короче, чем у педагога умершего в разгар осенних каникул, чем у педагога умершего в разгар весенних каникул и уж, тем более – чем у умершего в разгар зимних каникул педагога. Ключевое слово здесь – педагог. Шутка, конечно, что-то я сегодня в ударе, – в школе не бывает ни весенних, ни осенних каникул.

В школе бывает лишь детство.

Залетели черти в косы

И давай меня пытаться

Кто ты

Член, налитый кровью

Или кожаная мать...

Уже практически сразу после смерти, буквально в первые часы, по окружности глаз, в отверстиях носа, во рту, в ранах, которые я устроил себе кухонным ножом появилось огромное количество яиц мух. Я понял это по молочному жжению, точно такому же, как в кишечнике. Всё ещё не веря до конца в свою биологическую смерть и, жалко борясь с истерией, я натужно пытался воскресить в учёной памяти своей всё, что хоть как-то могло быть связано с естествознанием, химией, анатомией и биологией.

Каша страха овладела мной и поработила.

Страха перед превращениями.

Буквально на следующий же вечер яйца превратились в личинки червеобразной формы белого цвета. И едва это случилось, как они тут же стали выделять протеолитические ферменты – едкий-едкий запах, как клей только хуже, и активно поедать мои мягкие ткани. Как дети. После весёлой, утомительной игры.

Питаюсь мной круглые сутки, они к концу июля пожирнели, э-э-э... ну, где-то с иголочную головку

- Головку.

сделались, и вытянулись сантиметра на полтора. Затем они окуклились, образовали ложный кокон, Боже, Зачем Я Всё Это Рассказываю?! или пупарий, как его ещё называют, в котором находится куколка. Одни мухи окуклились прямо на мне, личинки других вбуrowились мне в жир да в печень, где и образовали куколки.

Ебаная анатомия!

Сегодня из этих куколок, о Боже, Какая Гнетущая Правда – сегодня из этих куколок вышли взрослые особи, которые так мешают мне разлагаться.

Мне снова вспомнились мои ребята – двадцать... девять... штук:

Акефалов Вадим

Астрахан Ирина

Бур Прохор

Бульюк Михаил

Власова Алина

Гей Степан

Жердь Анна

Исачёва Ирина
Измайлова Алла
Рахманов Вася
Саков Илья
Санаев Илья
Ковалёва Дарья
Лосев Рафаэль
Латушко Сергей
Матько Сергей
Максимович Елена
Умкина Александра
Поленов Артём
Полтавская Рита
Путин Сергей
Плотский-Васькевич Артемий
Перепёлкина Раиса
Ржуев Сергей
Расторгуев Иван
Смирнова Ася
Свирская Маша
Хромов Александр
Шантарович Потап

как песня... без музыки

О боже, какая Гнетущая Правда о Мухах...
Комнатные, трупные, синие, мясные

числа

сало сал
как скалы скал
ехал с горки жирный мальчик
сракой ехал
ехал ртом
69 ехал
и вальтом
ехал в позе «по-пиратски»
и «по-блядски»
и «по-гадски»
«по-солдацки»
«по-спартански»
И с отцом ехал
И с дедом
И с соседовым соседом

Хи-хи...

Вспомнилось мне время, когда я ещё мог передвигаться по квартире. Не скажу, что это доставляло мне удовольствие, скорее раздражение. Я таскал своё тело, словно шкаф... из комнаты в комнату. Бесцельно, никому не нужно. Топ да топ. Минул коридор. Топ. Тяжело даются шаги. Вот и кладовка... Ещё четверть часа – угол спальной комнаты – такой большой я – такой сексуальной, когда-то, в той, живой, жизни комнаты.

Разрушение в разрушении.

«Праздничное разрушение», как впоследствии окрестил его я. Топ. Топ. Так тягостно даются мне шаги, словно и не ногами я ступаю по

линолеуму, а поленьями, я даже эхо в своей осиротевшей квартире не могу создать – так беспомощен я.

Топ и тишина в ответ, шарк и тишина...

И я.

Единственной радостью от передвижения было осознание того, что каждый новый мой шаг становился тяжелей предыдущего, саморазрушительней. Я, словно космический путник, ощущал это со скоростью света, но не Вселенной, а своим близким к распаду, таким Большим теперь, телом. Я, как никто, чувствовал в те моменты Земное притяжение. Чувствовал его говяжий вес на своих человеческих плечах и фатальность этого веса во вне.

Мн-да-а-а...

А в класс, в класс я не входил – вонзался. Я врывался в него. Как поезд в самоубийцу. Как самоубийца в газон. Как в челюсть подонка кулак. Всякий раз упиваясь тем жарким восторгом, с которым на меня глядели эти 29 пар беспомощных глаз. Я вихрем врывался в класс и упивался грохотом моментально приставленных в щелчке стульев. Щелчками каблучков о лакированный паркет. Щелчками и щёлканьем. Шелестом школьных платьев. Скрипом молодых суставов. Слюной девочек и сухожилиями мальчиков. Взволнованным дыханием двадцати девяти. Да-да, именно двадцати девяти –

дети у меня не болели.

За все четыре года, как за четыре дня. Противоестественно не болели, анти анатомически не болели. Ангина, грипп, гнойная ангина, ОРЗ, банальный насморк; глисты, переломы, сотрясения, гланды, расстройство желудочно-кишечного тракта, аппендицит – ничто не брало моих ребят в плен.

И я один знал секрет этого чуда –

они Любили меня, Любили и уважали.

А любовь, как вы знаете, спасёт мир.

Любили

Любили... за мою... сексуальность, а уважали за наш, как называли мы Его, «неформат». Информация о котором бережно оберегалась «нашим общим детством» от взрослых.

Оберегалась тайна «неформата»

Оберегался секрет «неформата»

Оберегалось тепло «неформата»

Ах да – «неформат»... Я же ничего вам об этом не рассказывал. Так мы называли наши уроки. Наши волшебные уроки

под боком у погрязших в социальных перверсиях взрослых, мы называли их «взрослики». Да-да, у нас был свой сленг.

под боком у школьников, которым не повезло – «малышки». С каким превосходством мои «отверстия» взирали на них на тех редких общешкольных мероприятиях, что традиционно проводились «челядью» в актовых либо спортивных залах!!!

прямо под носом у родителей – «глупыши». «Глупыши», как никакая другая социальная категория часто высмеивалась в нашем «кружочке общего детства».

Наши уроки, как принято в младших классах, проходили в одной классной комнате и всегда за закрытыми дверями.

пример:

Расписание (внешнее):

- **Русский язык**
- **Русская литература**
- **Химия**
- **Математика**
- **Физика**

Расписание (внутреннее «влажное»):

- **Русский язык** (просмотр мультфильмов для взрослых)
- **Русская литература** (чтение порно романов)
- **Химия** (коллективная мастурбация с просмотром порно роликов)
- **Математика** (придумывание кличек для «монахов», «быдла», «ослов», «челяди», а, в общем, для «баранов»; для особо зарвавшихся «малышей», например для тех, что принимают участие в олимпиадах, спортекиадах, да и просто для отличников; для «глупышей», как для своих, так и для «глупышей» своих знакомых «тёлок» и т.д.)
- **Физика** (мастурбация на фотографии родителей, мальчики на мам, девочки на пап)

В моём классе, кстати, практически все учащиеся были отличниками – я думаю, не стоит объяснять, как работала эта машина.

- **Пение** (прослушивание Радио Шансон, подробный разбор текстов, изучение биографий исполнителей)
- **Биология** (распитие кока-коллы и сон под медитативную музыку)

Педокайф кал и сон спермогей

мы!!

Мы!!!!!!

М!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!

Еб ли

Ел салат я

Ел я кал

ЗАВАЛИЛ В ГАРАЖИК ТАНЧИК!!!

Завалил тебе в гудок

и три раза постучал

ел я кал

салаты ел

ел стучал

ебал

устал

Ух-х-х-х...

Мн-да-а-а... Нелегко... Когда я уже не смог больше вставать, я начал ворочаться, с единственной целью – вспомнить, как я ходил, а точнее, как с каждым шагом мне всё тяжелее становилось это делать. Я назвал это состояние «элемент самобичевания».

Я ввёл максимальный термометр себе в анус на 10 см, подождал 10 минут. 10, 10 – магия. 1010. Числа сводили меня с ума всю мою живую жизнь и вот теперь даже после смерти не оставляют меня в покое. Магия чисел магия фамилий

29, 29 лет, 29 ребят, 29 раз, 29 января

Да, действительно – двадцать девятое января. С этого дня, собственно всё и началось. Хотя нет, всё началось значительно раньше и началось с моей будущей жены. Ну, да обо всём по порядку.

Пришёл я в школу не новатором от redo, а обычным скучным, немного закомплексованным педагогом, «драчуном», как уже много после на уроке математики окрестили мы такое явление, в быту оно ещё носит всем доступное название – неизбежный онанизм интеллектуала.

- Пальцы сухи от мела, это раз. – я аккуратно вывел на доске силуэт фаллоса. – Ещё.

- Аккуратно заполненный журнал. – послышался не по годам томный голосок Каки.

- Скрип доски. – пискнул вдогонку Мальчик.

- Та-а-ак, хорошо. Два. – я с не меньшим аккуратизмом вывел мелом два фаллоса. – Аккуратно заполненный журнал. Молодец, Кака. – я ослепительно улыбнулся ей. – Третье что? Напомните мне.

- Скрип доски. – повторно пискнул Мальчик.

- Звонок на перемену.

- Как уже? – я обескуражено глянул на дверь.

- Да нет же! – по-детски непосредственно выкрикнул Сладкий копчик. – Это четыре. Звонок на перемену – это четыре.

Ах, Сладкий копчик, Сладкий копчик. Будущий мой великий писатель, великий поэт, великий абстракт. Ты настолько абстрактен, что практически проф-непригоден к жизни на этой планете.

- Конечно, конечно четыре. – я, стараясь не проявить своего замешательства, нарисовал на доске четыре фаллоса.

- Да у нас уже вся доска в хуя-я-ях! – нарочито актёрски удивилась постоянно играющая Обосравшаяся лошадь.

Слёзы... слёзы по невозвратно утерянному прошлому накрыли меня, дождевым плащом, плащ палаткой накрыли меня, и теперь я, словно стук дождевых капель о

капюшон слышу стук своего давно остановившегося сердца. Эх, Обосравшаяся лошадь, Обосравшаяся лошадь, теперь только и могу произнести я. Никогда уже не почувствую я твою тугую, каждое утро бережно заплетаемую одним из твоих «глупышей» косу, не коснусь больше твоей лебединой, буквально мраморной из-за низкого кровяного давления шеи, не проведу большим пальцем правой руки по твоей мягкой, слегка надтреснувшей нижней губе, такой оттопыренной, словно бы легонечко поражённой, не услышу это твоё пресловутое: «Да у нас вся доска в хуя-я-я-ях!»

Как смеялись тогда ребята, как я смеялся. Тогда ещё, в той, живой, жизни. Смеялись мы так долго и заводно, что по окончании я был вынужден спрятать «влажный журнал», начертать на доске вместо фаллосов уравнения, распахнуть кисейные шторы, повернуть наш потайной ключ в замке, в общем, «превратиться из божества в глиста», как тут же это явление окрестила Анальная жжёнка!..

- Ира. – строго погрозил тогда я девочке перепачканным мелом пальцем.

... Таким я был ровно два дня, ровно до того «дня прозрения», 2929, когда в моём классе появилась она – Алина. Именно таким, каким впоследствии и высмеяли меня мои же «отверстия»: пальцы сухи от мела, аккуратно заполненный журнал, скрип доски... звонок на перемену и, конечно же, неизбежный онанизм интеллектуала. Ко всему выше перечисленному можно было прибавить ещё и заурядную внешность: очки в роговой оправе, причём даже без диоптрий, так, для важности, серо-палевая безрукавка с базара, стрелка на заношенных брюках, и всё та же пресловутая меловая пыль на стоптанных, но всегда безукоризненно начищенных туфлях – воспитание.

Жуткий pedo-персонаж, одним словом.

А Алина в то лето загостилась у бабушки под Одессой и несколько задержалась. Я знал о дате её появления в школе и уже предвкушал, как буду отчитывать её под испуганные и одновременно злорадные взгляды одноклассников. Я даже заготовил примерную, так шедшую мне тогда, речь. Она звучала приблизительно так:

«Вы представляете себе, Власова, что такое школа? Школа – это мощный механизм. И он не может подстроиться под вас одну. Я, может, тоже желал бы в сентябре понежиться на золотом песочке, поплескался бы в тёплой водичке. А вы подумали об учебном плане? о том, что для вас работает целый аппарат, состоящий, между прочим, из взрослых образованных людей. А вам, видите ли, захотелось на солнышке понежиться. Или вы считаете себя лучше своих одноклассников, учителей, людей обслуживающих хозяйственную часть школы?..»

И так далее и тому подобное.

Но всё произошло совершенно не так, как я запланировал. Войдя в класс она, вопреки моим ожиданиям, да и вообще представлениям о ситуации, не транслировала раскаяние виноватой – забегу наперёд, это «не раскаяние виноватой» впоследствии стало моей первой и главной сексуальной фантазией – а совершенно наоборот, она буквально упивалась своей свободой и вседозволенностью. Не по годам зрелая, сексуальная, здоровая и холёная она надменно, словно бы это был дорогой наряд, демонстрировала свой полный счастливых мгновений мир. Свой шоколадный плавно огибающий ровную кожу на лице загар, пёстрые фенечки, настолько выбивавшиеся за рамки школьного дресскода, что, казалось, орали, модную, под карэ, стрижку, и, что больше всего меня потрясло, – она улыбалась. Улыбалась она долго,

широко, щербато, непосредственно, ещё молочно, но уже настолько смело, что, казалось, небо должно было засохнуть от такой улыбки.

Улыбалась мне, улыбалась одноклассникам, улыбалась окнам и доске – она своим миром улыбалась встречавшему её миру, чем моментально заключало всё окружавшее её пространство в иллюзорную, но довольно устойчивую гармонию.

Ровная, глазастая, потная, с кургузой затяжкой на правой коленке, улыбка, свет, тепло, радость, восторг – первое моё о ней впечатление.

Если первое моё впечатление было окрыление, то второе и последнее – тяжёлая безвылазная и, как мне тогда казалось, безответная влюблённость.

Страдал я жутко. Отощал, совершенно неожиданно для себя, да и для окружающих стал заикаться, даже пришлось обращаться к дефектологу. Стал тихо пить. Именно тогда я начал замыкать класс на ключ – чтобы «монахи» не застукали меня прикладывавшимся к бутылке. Было ясно, что это конец, ну, или начало конца. Всё, кроме Алины сделалось для меня второстепенным. Мой мир сузился до прямоугольника классной комнаты с яркой звездой посреди серой массы. Как вы уже можете догадаться, звездой этой была ни кто иная как Алина. Я понял, что отчаянию моему настал предел, когда к моему основному раздражителю – звезда в сером прямоугольнике добавился второй, пока не доминирующий, но успешно продвигающийся к этому – способ самоубийства. Я мог часами выуживать из сети интернета всевозможные доказательства того, что человек способен убить себя. Броситься с крыши, под поезд, под асфальтоукладчик – история знает и такие примеры – повеситься на дверной ручке, змеевике в ванной, в конце концов, классика – на крючке для люстры, но всё это было слишком страшно в применении к себе. Припав к монитору, я с

ужасом взирал на растерзанные электричками тела аутогероев, заглядывал в непомерные зрачки их, вынутых из петель, разумеется, посмертно, смельчаков, расплющенные головы этих несчастных, не нашедших в себе сил жить дальше людей, и не видел себя рядом с ними. Я уже находился в стадии активного поиска способа своего ухода, как в мою судьбу вмешался случай, случай, который подарил мне не полных пять лет мучительного блаженства, да и чего греха таить, вечного бессмертия.

Однажды, это произошло в январе, я особенно захмелел к четвёртому уроку. К тому времени уроков я уже не вёл – я только неотрывно глядел во влажные глаза Алины своими сухими и, почти не прячась, потягивал из фляги вино. Ребятишки занимались своими делами, единственным условием моим было – не галдеть.

«Чтобы «монахи» не выпалили и не сдали «задроту»», как уже много после, уже применительно к новой, «влажной», слэнгизации анализировал я.

Я уже говорил, что за два с половиной месяца моего с Алиной знакомства я страшно опустился. Странно, как меня вообще с работы не турнули: единственно возможным способом уснуть были снотворные таблетки, единственно возможным способом прийти в себя после пробуждения – транквилизаторы, единственным способом дойти до школы – энергетики. Но, всё-таки решающую роль в моей истории сыграли как раз таки не психотропы, а, как ни странно, снотворное. Обычно баночка со снотворным стояла у меня дома, как у всех, на тумбочке у кровати. А тогда...

Тогда-а-а... шёл второй урок. Кажется, математика – за расписанием я уже давно не следил, как, собственно, и за календарём. Где-то между мыслями об утоплении в ванне и пускании себе по вене пузырька с воздухом я потянулся в карман за носовым платком, потому что ощутил, что вот-вот разрыдаюсь, и наткнулся на что-то

круглое, пластмассовое. Этим круглым и пластмассовым оказалась баночка с дифенгидраминином или, попросту, димедролом.

В моей голове моментально раздался щелчок.

(ремарка)²

С этого мгновения моя жизнь превратилась в эфир! в сливки и сперму! и даже немножечко в гной! она окрасилась платиновой кровью и застыла спазмой, всосав полные лёгкие разведённого кала, она понеслась в бурый ад-д-д-д-д

и уже через двадцать минут, этого времени мне хватило, чтобы сбежать в гастроном за одноразовыми стаканчиками и пятью бутылками Соса-Cola, я с упоением наблюдал, как мои ребяташки радостно глотают коктейль из коллы и дифенгидрамина. А уже через сорок я погрузил головку своего члена Алине в податливый не подающий признаков активности ротик. Влажный и мягкий, как листик мяты, с лёгким бисером зубов. К слову будет сказано, что я тогда всерьёз увлекался порно литературой, поэтому, возможно, мой слог покажется литературному гурману несколько пошловатым. Я с наслаждением елозил членом у неё во рту, не веря в происходящее и возвращаясь в

² Признайтесь, вы ведь обратили внимание, что моё повествование с определённого момента сделалось скучным, прямолинейным, так сказать: герой пошёл, герой взял, герой подумал – утратилась поэзия, полёт, ещё что-то, чему в человеческом языке названия нет. Ведь заметили же? Не пугайтесь – это умышленное злое действие с моей стороны, довольно кратковременное, почти намёк, намёк-демонстрация жизни в отсутствие волшебства. Вот мой класс в отсутствие волшебства, тот-тот, тот самый серый прямоугольник со звездой в центре, что с таким злорадством взирал на прекрасную Алину и жаждал расправы и представления, вот я в отсутствие волшебства, с онанизмом и желанием убить себя; даже все те ужасы, что преподносит нам Мир в отсутствие волшебства в виде сплюснутых голов, да расплывшихся в блюдца зрачков висельников я предоставил вам, – одно только не несло в себе, уже тогда не несло отсутствие волшебства – Алина, Алина божественная, Алина-свет, Алина-начало, Алина-улыбка, Алина-кургузая затяжка на колене... Боже, как сложно объяснить то, чему названия нет.

реальность лишь для того, чтобы платочком подцепить, время от времени, свисавшую с её ротика мутноватую слюнку. Слюнка свисала с подбородка и паутинкой ползла по чёрному кружевному фартучку с оторочкой, а я ощущал себя паучком оседлавшим муху. Раскачивалась слюнка в такт движениям моих ягодич. Я заглянул в одурманенное сексом лицо её, под брови заглянул, как ножом секционным по кости, вспоминал её первую улыбку, сильную, хоть и едва обнажившую зубы, первое сказанное мне слово: «Я», первое адресованное мне предложение: «Я немного задержалась. Извините», первый её рассеянный взгляд в окно. Ничто не ускользало от моего взора тогда, и ничто не ускользнуло от него сейчас. Когда. Мой. Член. Ритмично. Исчезал. За. Сфинктером. Её. Божественных. Губ.

Единственное, что насторожило меня тогда – я не мог до конца определиться с основой своих ощущений. Или я ребёночек, наконец-то заполучивший любимую игрушку в своё детское Царство, или я умудрённый жизнью старик, с любовью и растерянностью вззирающий на свою успешную, красивую и раскрепощённую внучку.

Это и поныне остаётся для меня загадкой.

Кончил я, к своему удивлению, холодно. Тогда я окрестил это, как «дежурно». Тут же моментально отрезвев, я в панике обвёл мерно посапывавший класс глазами, наклонил Алину к полу и, испугавшись, что она может захлебнуться, платком выгреб сперму из её рта.

То был первый опыт. Первый в череде бесконечных адовых колебаний. И неестественно робких и бескомпромиссно отчаянных. Это было начало как для меня, так и для, как выяснилось позже, моих «отверстий». Мы, наша секта, наш «неформат», словно ребёнок начал свой путь с жалких телодвижений и мыслеформ. Было всё: и первые робкие шаги, и бестолковые перебежки из одного края комнаты в другой, и прыжки и удары... был даже крик, один, правда, но очень громкий. Второго я так и не дождался.

Но то было лишь будущее, о котором можно вспоминать сейчас, вспоминать с тоской.

Назад в будущее. Вот и я сделал первый шаг, даже не подозревая о том, что пройдёт совсем немного времени, совсем доля, и мы осмелеем до божественных! коллективных мастурбаций, «уроков целования», «уроков стриптиза», «уроков развивающих либидо разговоров», и т.д. и т.п. Тысячи и тысячи интереснейших для физического человека уроков.

У нас был свой

словарь:

Администрация :

Задрот – директор

Машка – завуч

Аппарат:

Исход – завхоз

Баба хуй – Техничка 1

Баба цэлка – Техничка 2

Баба Цыган – Техничка 3

Дед Хуйло – Техничка 4

Дворники:

(пару слов о дворниках: они у нас подобрались прямо на подбор: алкаши в разных стадиях личностного разрушения, да ещё и разнополые. По этому случаю, мы с «отверстиями» даже целую алкогольную классификацию разработали)

Батлхантер(охотник за бутылками) – Дворник 1 (м)

Синий робот – Дворник 2(м)

Аммиак – Дворник 3(м)

То ли девушка, а то ли виденье (кличка Жанка) – Дворник 1 (ж)

Оно – Дворник 2 (ж)

Лаборанты: (целый выводок молодых парней и девушек, не поступивших с первого раза в ВУЗ-ы)

Рыжий хуй – лаборант Саша

Щуп – лаборант Антон

Крыса – лаборант Андрей

Короважаба – лаборантка Олеся

Сопля - лаборантка без имени

ССП (сука с помойки) – лаборантка Марина

Вахтёры:

Жалкий крот – Вахтёр 1(м)

Хуйня блевотная – Вахтёр2(м)

Дрысня – Вахтёр3 (ж)

Клизма – медсестра

Преподавательский состав:

Арестант - математик

Хвост - химик

Карлик - химица

Долото – трудовик 1

Ебздарь – трудовик 2

свой

сленг:

Корзина для талантов – рот

Корзина для подарков – анус

Шалунишка – пенис

Красная «внутренняя» шапочка – вагина

Мякоть – грудь

Плита (другой вариант – гроб) – парта

Размазня – доска

Мешок – портфель

Гробик – пинал

Метр – линейка

Хуёк – карандаш

Блевок – ластик

свой

журнал:

(в порядке сексуального предпочтения):

Власова Алина (кожаная неженка)

Акефалов Вадим (мальчик)

Рахманов Вася (дежурный фашист)

Ира Исачёва (выделяющая серу)

Саков Илья (вантус)

Санаев Илья (рафинадик-чмок)

Артём Поленов (тугая гузка)

Ася Смирнова (плеть)

Свирская Маша (кака)

Артемий Плотский-Васькевич (анальный аленёнок)
Бур Прохор (мальчик-лань)
Сергей Матько (дырочёс-блядвенник)
Лена Максимович (собачья кровь)
Алла Измайлова (резиновое кольцо)
Саша Хромов (кусочек)
Ковалёва Дарья (мышинная дырочка)
Гей Степан (пустой мешок)
Шантарович Потап (полая вена)
Латушко Сергей (соска)
Ржуев Сергей (аризонская девственница)
Булюк Миша (тугой разносчик пиццы)
Ира Астрахан (анальная жжёнка!)
Жердь Анна (кровьспермакал)
Расторгуев Иван (сладкий копчик)
Лосев Рафаэль (сахарная спазма)
Путин Сергей (кончик)
Полтавская Рита (роженица-каннибал)
Умкина Саша (обосравшаяся лошадь)
Рая Перепёлкина (маленькая дрянь)

свои

оценки:

- 1 (кол) - Бяка
- 2 (два) – Хрюшка
- 3 (три) – Падчерица
- 4 (четыре) – Отстой
- 5 (пять) – Срандель
- 6 (шесть) – Хорошка
- 7 (семь) – Умняшка

- 8 (восемь) – Головка
- 9 (девять) – Синяя головка
- 10 (десять) – Царская головка

Оценки дополнительные (по числу апостолов):

- 11 (одиннадцать) – срань
- 12 (двенадцать) –мега срань
- 13 (тринадцать) – гипер срань

и многое-многое в таком духе, но на главное, секс «без снотворного», я так и не решился.

Мн-да-а-а... Я врывался в них! В мои «отверстия». В понедельник они были «солёные отверстия», и я врывался, во вторник – «жабьи отверстия», и я врывался, в среду – «каловые сосиски», и врывался я всё равно, даже по выходным, когда мы ездили на пикник или сгребались в оргию где-нибудь в выдуманном для «лохов» краеведческом музее – я врывался. Эти нюансы можно смаковать до бесконечности. Ваших. Жизней.

Жизни не хватит. И даже жизни после жизни не хватит, и после жизни жизни не хватит, что бы всё рассказать и *как* рассказать. Да и как можно всё это заключить в литературную темницу, есть тюрьма, да ключа от неё не найти. Какими словами можно описать мои чувства, когда я замыкал дверь на потаённый ключ за последним, едва ни опоздавшим ко звонку моим «отверстием», когда открывал рот, чтобы сообщить им, будущим, только вступающим в мир волшебства сгусткам жизни, ошеломляющую информацию, как то

- что Том и Джерри занимаются сексом, когда вы закрываете книжку с комиксами или вынимаете кассету из видеомагнитофона.

- что с возрастом у женщин во влагалище прорастает позвоночник, и единственный способ избежать этого – мастурбировать не меньше четырёх раз в день!

- что христианские попы врут: на самом деле в ад попадают люди, которые говорят только правду, спят только со своими жёнами или мужьями, не воруют и не насилуют, не убивают и не поджигают чужие жилища.

- что на самом деле в телевизоре живут специально выведенные людьми уродцы и, что эта тайна настолько страшна, что стоит кому-нибудь из «отверстий» заикнуться об этом в «лохобазе» – всё пространство, кроме закрытого на ключ класса, – как их тут же похитят, превратят в уродца, именно в «урода», в единственном числе, размножат и засунут в телевизор...

боже, я могу говорить об этом вечно. Лишь бы мои «отверстия» слушали. Внемлили, впитывали, выпрыскивали, выделяли...

Как серу

Я врывался в них, в свои «отверстия». И чувствовал позвоночником, как ветер в эти мгновения подбрасывал мои слипшиеся чистым потом пряди... и как они сами под действием силы притяжения опускались обратно на лоб...

За четыре года мой член побывал во ртах, попках, подмышечных впадинах, ушных раковинах и пупах всех двадцати девяти.

29

Как пахнут ваши калы

29

Как слюнки ваши пахнут

29

Как пахну Я

29

Когда вы рядом

Боже, какое мучение хранить память о том, чего уже не воскресишь.

Какое мучение.

Я надавил себе на плечо. 2 кг/см² – ровно то усилие, с которым мне нужно было надавить на свою кожу. А по-простому ткнуть так, чтоб фаланга напряглась и прогнулась. Пятно побледнело... хотя, что мне это даёт. Время смерти, дату... зачем мне это знать, для чего... для чего знать дату смерти человеку, который уже умер.

и снова о мухах

ел салат я

ел я кал

ел объедки

а-в-о-к-а-д-о

Срал сосал

Сосала срала

Вот, попробовал анальчик

Пальчик

Кончик

Локоток

Лай котёночек!

Мой мальчик!

Моё кало

Моё адо

Я живу в... проживал. Проживал я в обычной квартире обычного Московского микрорайона. И, как и в тысячах других квартир, при внимательном изучении, в моей вы можете обнаружить волосы и помёт, разумеется, мои, остатки моей кожи и слюны, мои следы и запах, а ещё мою сперму – всюду... и даже движение моей души – я однажды нарисовал цветок, на обоях, внизу и в углу, позже я прикрыл его шкафом – стыдно.

Помню, когда уже после смерти я в первый раз встал из ванной, выбрался из мутной холодной воды на половину уже состоявшей из меня, я испытал боль. Танка, задавившего солдата. Солдата с предназначавшейся мне гранатой. Не помню, для чего мне было нужно вставать из ванны – идти ли, стоять. Помню только, что я чего-то ждал, ждал какого-то важного для моей посмертной жизни события.

Оказавшись в прихожей, я заметил распахнутое на одну створку трюмо, при виде его мне вспомнился армянин, одноглазый, он одно время торговал у нас на рынке арбузами и дынями. Странно, что за то время что я умер, меня ни разу не посетило желание посмотреть на себя, а вспомнив одноглазого, это желание вдруг возникло. Я подошёл к зеркалу. Вид собственного разрушения привёл меня в неопикуемый аутовосторг.

- Дестракшн! – мысленно выкрикнул я тогда и почувствовал, как захожусь. Слово бы существующий во мне человек вдруг сделался красным и стал с неопикуемой скоростью раскручиваться вдоль оси своего тела.

Я тут же пожалел, что так редко смотрелся в зеркало при жизни. Яички, личинки, куколки, струпы и венозные сети – Лусиан Фрейд для моих глаз! Бульканье жидкостей, скрип суставов, шелест сухожилий – Гурджиев для моих ушей. Духовное в телесном. Всевозможнейшие

виды мух, их яички в носовых отверстиях, уголках глаз, под веками, во рту и во всех естественных отверстиях тела, особенно во влажных местах, девственных, – Микеланджело для моего гения. Голубые пурпурные алые кремовые молочные!

Я ждал... Я с наслаждением провёл торцом ладони в пахах.

А какие пахи были у Алины!!!! Не пахи – песня. Она часто была потненькой. Потненькая пиписька, моя Алина. Кожаная моя девочка-кожаная пиписька. Писечка-сосочек. Сосулька-сосочка, моя Алинка-мандалинка.

Раз в полгода я должен был проводить родительское собрание, «э.б.»,³

как мы называли это мероприятие. И всякий раз «э.б.», под стать своему названию, становилось эротическим событием.

Событием существа во мне.

Вот сидит мама «дырочёса-блядвенника», тучная неприятная женщина с плохо гримированной простудой на нижней губе. Еле умещается за партой. Она открывает рот, обнажая при этом неравномерно съеденные жёлтые резцы. Подростковая помада на уставшем мятом лице довершает картину. Тут я вдруг заметил, что она разговаривает.

.... на физкультуре. – слышу я конец её, судя по всему, гневной тирады.

Она смотрит на меня возбуждёнными, ожесточёнными глазами.

А я не слушаю её

я вспоминаю

как сперма вытекает из его рта, «дырочёса-блядвенника», в мой платочек, с вышитыми мамой инициалами – И.И., как краснеют его щёчки во время мастурбации –

³ «э.б.» - эбаные лохи и задроты

от стыда, он так и не избавился от этого онанистического, свойственного только незрелым «глупышам», чувства, я даже посоветовал ему сходить к психологу – снять блок; как он забавно танцует стриптиз на моём столе, как в первый раз прилюдно покакал...

из двадцати девяти никто так сексуально не стеснялся. Даже Алина. Она тогда какала пятой, сразу после «тугой гузки». И... пукнула. Моя Алинка, аленький цветочек мой.

Мама «дырочёса-блядвенника» снова начала что-то говорить. В уголках её губ появилась пена. Её перебил Даниил Сергеевич, отец «маленькой дряни», пожалуй, единственный из родителей, которого я по-настоящему уважал, даже планировал в далёком будущем посвятить его в наш «неформат», – волевой, благородный, любящий, обеспеченный и красивый – настоящий муж. По губам читаю, что речь идёт о покупке компьютера для факультативных занятий.

А мне не до компьютера, в глазах моих диафильмом проносятся воспоминания о первой анальной дранке с его дочерью. Шла первая декада марта. В тот день я выбрал её уже с утра, загадал. Глядел её, вылизывал, фантазировал... После распития разбодяженной коллы ребята, как обычно, уснули. Я прислонил «маленькую дрянью» к парте, задрал юбочку, стянул колготы, приспустил до коленок, раздвинул белоснежные, слипшиеся испариной ягодицы, приблизил нос к выходу, коричневому, несколько розовому, втянул носом аромат, калово-божественный, наслаждался видом шоколадной ды...

!!
!!

Фе-калии, не-жнейшие де-вичьи фе-калии, фе-ка-ли-и

Иииии.

Я вдруг увидел-увидел лицо Даниила Сергеевича. Представил, как пахнет его зад. Тут же вспомнил, что сейчас у нас «э.б.». Меня обдало жаром отвращения.

Даниил Сергеевич энергично показывал отцу «кусочка» какие-то прейскурранты. Постаравшись максимально абстрагироваться от происходящего, я снова вспомнил «маленькую дрянь». Её жёлтенькие фекалии, белоснежную жопку

Белоснежные фекалии

Белоснежные глаза

На коричневом лице

Членом дробится слеза

Белоснежная фекалия

Белоснежная слеза

В выси горней небесной

Собирается гроза

Нанюхавшись вдоволь, я смазал член вазелином, пристроился и аккуратно легко-легко ввёл головку «маленькой дряни» в шоколадную дырочку.

Да, я же совершенно забыл вам рассказать. Забыл рассказать об одной анатомической особенности моего организма. Так случилось, что Бог наградил меня уникальным членом: тоненький и длинный, как шпага, как угорь, как термометр. Он в буквальном смысле предназначен был для детских соитий. Бог наградил.

Эта догадка только усилила моё предположение о существовании всевидящего Бога и о теории предназначения. Так вот мой член был самым что ни на есть явным подтверждением теории божественного.

*Всевышний знал
Что будет кал
И пия будет между ног
И знал он точно
Про анал
Ведь он же Бог*

Кстати все выше и ниже приведённые стихотворения мы сочинили вместе с ребятами на уроках. Представляете, какие таланты.

Кончив, я подтёр остатки вазелина и семени носовым платком, вернул бельё, колготы и юбку на место и усадил теперь уже навсегда распечатанную мною «маленькую дрянь» обратно на стул.

- Нужно показывать. Просто необходимо. У меня дома огромная коллекция фильмов об искусстве. Почему бы ни продемонстрировать ребятам каждый день по фильму. Двадцать минут в день. Шишкин, Стендаль, малые голландцы...

Закончив, отец «маленькой дряни» выжидающе уставился в меня. Глазами «маленькой дряни», глазами её матери.

- А у меня есть интереснейший документальный сериал о мире насекомых. – на последнем ряду вспыхнуло бледное лицо мамы «анального оленёнка».

Как давно это было, бесконечно давно...

Я знал, что судмедэксперты исследуют последовательность появления на трупах различных видов насекомых. Это нужно им для проведения экспертизы, как мазок в поликлинике. Преследует свою цель. Существует определенное чередование появления на трупе насекомых. Один вид сменяется другим. Эти данные могут быть использованы для установления давности смерти. Проводится специальное энтомологическое исследование.

Почему эти никчемные мысли продолжают посещать меня и после смерти. Жил мыслями о своём трупе и жить продолжаю. Лучше бы меня посещали мои мальчики и девочки. Кожаные мои мешочки. Адские дырочки. «Отверстия» моей души. Приди ко мне мой «дежурный фашист», «тугая гузка», «плеть», «мальчик-лань», «резинное кольцо», моя ненаглядная Алиночка...

Ушли мысли разрушавшие меня, остались созидающие, создающие музыку моего медленного самоубийства. Гурджиев моего медленного самоубийства, Лусиан Фрейд моего медленного самоубийства, Микеланджело моего медленного самоубийства – локомотив воспоминаний, локомотив представлений, локомотив самоубийств...

существа

природа обнажения

и адовы уста

разверзлись в вдохновении

(корявая, но до одури пронзительная строчка сочинённая «собачьей кровью» на уроке математики)

природа интимной жизни

природа интимной смерти

и красный локомотив

на обод тебя навертит

Проводится специальное энтомологическое исследование

А всё же почему? Я стоял у зеркала и, как я уже говорил, ждал какого-то неизвестного, но чрезвычайно значимого события. Как девочка ждёт выпускного бала, который из рядового ритуала давно уже превратился в сексуальный фетиш, как школьная раздевалка. Как дальнбойщик ждёт

осточертевшую и такую незаменимую дорогу. Я до последнего момента не мог решить, чего же собственно я жду.

И вот, прямо как пресловутый первый секс оно случилось. Прямо там. Прямо перед зеркалом.

Вылет мух продолжался часа три. Они рождались и рождались, обновлённые, мокрые...

Рождались и рождались...

Моя Алина

Сосать вагину

Алкать ангину

Ебать резину

Блевать вагину

И-и

Гу-гу

Ы-нну

А сейчас я хотел бы рассказать вам о моей Алине. Алине Петровне, как ласково я её называл. Она уже известна вам под именем «кожаная неженка». А ещё она известна вам, как человек, с которого и началась вся эта история и... что интересно, им и кончилась.

Алине было шестнадцать, когда она умерла. Пока я разлагался в ванне, она делала это на ковре в зале. В том же платье и чулках, школьном, что в тринадцать, коричневом, как говно и не возбуждающем только фригидных пожилых учительниц и мёртвую профессию. Ночью, когда всё в доме затихало, я слышал, как бродят газы в её мёртвом теле, переливаются, как, поскрипывая, выгибается

грудная клетка, в хрящах, ключицы, лопаются и перетягивается кожа. Как боялся я тогда этих звуков, как брезговал ими, словно бы пердёж под семейным одеялом, словно бы поцелуй с утра, с белком и вонью, как пролежни после долгого сна, как пробуждение. С любимой. Разрубал. Услышать бы их сейчас, эти потрескивания жизни, когда от неё остались только косточки.

Бурлит жижа.

Мы с Алиной поженились совсем недавно, в прошлую пятницу. Мн-н, я по привычке всё ещё живу живым временем. Как люди, решившие вести отчёт времени от рождества Христова, так и я введу отчёт своего времени от дня своей смерти. Так вот, поженились мы за шесть дней до нашей смерти. Поженились по причине её беременности. Столько всего пришлось претерпеть, вспоминать тошно. Но, не буду загружать вас подробностями этой, по сути, скучной истории.

Лучше предамся воспоминаниям об Алине. Об Алине, которая уже перестала быть «кожаной неженкой», об Алине, которую я мог трахать без снотворного, об Алине, которая носила моего ребёнка, которая ради меня пожертвовала всем... Хорошая она у меня была, послушная. А мы ведь совсем немножко не дождались появления нашего первенца, нашего Алёши.

Марина рассказала мне, что гниение у неё начиналось, как и у меня – в толстом кишечнике. В комнате было +16 °С. На коже, в местах толстого кишечника ближе к передней брюшной стенке на 3-й день появились, так сразу напугавшие её пятна зеленого цвета, которые затем расползлись по всему телу, и через две недели не осталось ни одного не захваченного ими в плен места. Образовавшиеся при гниении газы постепенно пропитали подкожную клетчатку и раздули её.

- У медиков это явление носит название трупной эмфиземы. –
сказал я тогда.

- Спасибо. – ответила она и глубоко вздохнула. – Ты у меня такой образованный.

Особенно раздутыми казались ей лицо, губы, молочные железы, живот, кисти и ступни. Она прямо-таки физически ощущала их свинцовую тяжесть. Тело её в довольно короткий промежуток времени значительно увеличилось в объеме. Вследствие загнивания крови в сосудах венозная сеть стала просвечивать через кожу в виде ветвистых фигур грязно-зеленого цвета. Она говорила много, страстно, пока в один из дней под действием газов язык её ни был вытолкнут из полости рта. Я не на шутку испугался.

Под поверхностным слоем кожи уже вовсю бурлили гнилостные пузыри, наполненные кровянистой жидкостью. Я стоял над ней, а они лопались.

Напоминая мне салют на 9 мая.

Я стоял над ней, пока гнилостные газы, наконец, вывернув матку, ни вытолкнули труп нашего Алёши на ковёр. Труп нашего первенца. Нашего Алёши.

Я плакал

Жировоск

Алёшка, Алексей

Почему ты не Евсей

Не Евдокья и не Прокл

Не Паракл и не Пром

И вот мне 35. Моё лицо и тело серовато-белого цвета – зернистая масса с сальным блеском и характерным запахом прогорклого сыра.

Не лицо – сказка. Кожа кистей и ступней бледно-жёлтая, зернистая, крошится прямо на глазах. Это моё третье кардинальное изменение со дня смерти и пятое со дна рождения.

Но смерть...

Смерть... мне выпала огромная у дача или, наоборот, большая беда – прожить её. Последнее изменение со мной началось сравнительно недавно. Около недели. Я образованный человек и знаю, что мой труп закончит формироваться в своём новом виде только месяца через два, итого – год разложения. А это значит, что ещё один Новый год мне суждено встретить на Земле.

Ну что ж, сегодня я желе, или тот самый жировоск, о котором я вам уже рассказывал. Занятое, но гнетущее состояние. Состояние не столько тела сколько души. Но теплится радость, неприкрытая и тревожная радость, радость неизбежного распада, неизбежного избавления от тела, а там и с грузом, что хранит каждая клетка его памяти.

Груз 200, не иначе – груз 200...

ЯЙЦО или история одного дежурства

И снова дежурство. Как устал я от этой монотонной рутины. Как конь от пахоты. Ташу на своей натёртой спине вековой хомут труда. Я жалуясь. Жалуясь, а сам смачную фигу держу в кармане. Ведь, если разобраться, что ждёт меня дома – стены, унылый пейзаж за окном да кое-что из мебели. Так уж устроилось, что к своим сорока я так и не создал семьи, не организовал, так сказать, ячейку... А здесь на работе совсем другое дело – я вроде как и не один. Не один в этих, только на первый взгляд кажущихся холодными стенах.

Не один

Вот, например, – я не стал вчитываться в постановление о вскрытии, принимали мои коллеги ещё днём, а обошёлся биркой и непосредственным осмотром, Аксёнов И. А. Судя по всему, был сбит машиной – подошвы оторваны, бедро в открытом переломе, джинсы целые, лицо стёрто. А вдруг это родственник того самого Аксёнова. Интересно-то как. Вдруг, Аксёнов вообще был его отцом. А вот вопрос: о чём бы я спросил Аксёнова, привези его сюда?..

Та-а-ак, Онуприенко. Я подошёл к следующей каталке. Хм-м, Тамара-а-а, э-э-э, просто Тамара. Странно, обычно на бирке указываются только инициалы – имя, отчество. Хотя, какие в её возрасте отчества, ей богу. Лет пятнадцать, четырнадцать, не больше. Вешаться в таком возрасте... это даже как-то пошло. Нашла ж такой кабель. Я покрутил в руках обрезок кабеля. Небось, с родительского телевизора срезала.

Я оттолкнул каталку с её телом к холодильнику – тот всё равно забит до отказа, с субботы насобиралось. Подпёр дверь, оставив узкий на ширину бёдер проход. Как новые трупы подвезут – буду в секционный

зал складывать, на столы да под окна, а если «ночка выдастся урожайная», то свезу в зал патологоанатомического отделения, мне не привыкать – ребята там работают сговорчивые, поймут.

Я не спеша прошёлся вдоль каталок с телами. Так обычно ходят отдыхающие где-нибудь в Евпатории – вальяжно, праздно, созерцающе. Вот кто-то в чёрном мешке, даже пол сразу не угадаешь, только руки торчат не то в засохшей крови, не то в грязи, а может и в кале, бывало и такое, другой в покрывало завёрнут, клетчатое, видать, из дома забрали, потом разит, один почему-то с целлофановым пакетом на голове, нужно будет обязательно с ним пообщаться.

И снова дежурство, устал как пахота, птьфу, как конь – а впрочем, не слушайте вы эти мои раннестарческие причитания. Дежурства для меня это великая радость, карнавал и пир в одном лице, можно так сказать. Может, помните, у Альберта Артемьева есть замечательная вещь – «Песня звёзд». Нет? Послушайте обязательно. А в момент прослушивания представьте меня на дежурстве. И, я убеждён, вам тут же всё станет ясно. Понятным и доступным сделается вам мой восторг. Я убеждён! Ну, да хватит об этом. Пойду лучше гляну, чего там творится в патологоанатомическом отделении. У них поопрятнее будет – трупы всё больничные, то в памперсах, то в зелёнке, преимущественно бабушки да дедушки, да и объёмчик, скажу я вам, поскромнее, чем у нас в СМЭ. Я распахнул двери, надавил неподатливый выключатель. Заморгав, лампа трескуче вспыхнула.

Нет, не хотел бы я здесь работать. Эта мысль посещала меня всякий раз, когда я приходил сюда. Чисто, светло, уютно, как в европейском туалете. Из трёх столов занят лишь один, не морг – ясли, пахнет каким-то шампунем. Женщина лежит, лет пятидесяти-пятидесяти двух. Да и трупом её можно назвать лишь с натяжкой. Так прилегла на лавочку, где-нибудь в предбаннике, руку свесила, вот и весь труп. Ну, о чём с ней говорить? Вмиг из моего мозга со

скоростью испускающего газ воздушного шарика стала улетучиваться Песня звёзд.

Я нехотя обошёл вокруг неё в надежде обнаружить хоть какую-нибудь зацепку. Лицо некрасивое, даже отталкивающее. А ведь наверняка была замужем, наверняка родила не одного ребёнка, наверняка... Мд-а-а, наверняка. Чего гадать, что это изменит. Лишь очередной раз подведёт меня к мысли, что мир существует по каким-то непостижимым мне законам. Существует в лицах и судьбах вот их, всех этих трупов. Этот Аксёнов, что лежит сейчас у самого входа, кстати, нужно будет оттолкнуть его к Онуприенко, к Тамаре, - кто он? А она кто? Фамилия, кажется, украинская. Столько вопросов, столько вопросов...

Так вот существует мир по своим законам, а я существую по своим, и никак нам не состыковаться.

В раздумье я присел на краешек секционного стола.

- Вот такие вот пироги, э-э-э, как вас?

Я прочитал на бедре женщины жирную надпись маркером – Попова. Интересно, сколько раз в течение этих своих пятидесяти-пятидесяти двух лет доводилось ей произносить свою фамилию вслух. Хотя, я невольно засмеялся, вот придурок, а если это по мужу фамилия. Я ещё раз взглянул на её некрасивое лицо. Я бы не смог допустить, чтобы у моей жены было такое некрасивое лицо, и такая грудь, и бока... Нет, я явно чего-то не понимаю.

- По-по-ва. – произнёс я по слогам. – А может ты жена Попова, ну, клоуна, или кто он там, дрессировщик. А нет, тот Куклачёв. – я рассмеялся. – Прямо мир фамилий какой-то. Кажется, походи ещё поищи, глядишь, и вправду, Куклачёва откопаю.

Вот интересно, как устроен механизм, по каким принципам работает механизм, который даёт дрессировщику кошек фамилию Куклачёв, а, например, маньяку педофилу – Чикатило. Хотя есть

вариант, что дрессировщик просто сменил фамилию, был, скажем, Трупов или Мёртвоедов или ещё круче – Детоёб, Детемёртвоеб, а стал вот Куклачёв. Интересно всё это...

- По-по-ва... У попа была собака он её у...

А вдруг, ну, вдруг мировой порядок дал на ней сбой. Вдруг отразился гримасой в её зеркале, от рождения оказавшимся с «кривым ободком», ну, пригорело, иначе, и она всё ещё девушка, что не было у неё мужа, тем более детей, что она ни разу в жизни не произносила свою фамилию, не касалась своих гениталий, не касалась гениталий других, не думала о гениталиях...

Боже, как много гениталий, как бесконечно много.

Девственница, закупоренная, не порванная, не меченная, не преданная, не тронутая, оставшаяся собой, не родившая чужого, не принявшая чужого. Может, зря я тут гоню на Попову. А? Попова – официально-то как. Хоть бы имя писали, что ли или хотя бы первую букву имени. Например, «труп Марина» или «труп Маша», «труп Евгений», «труп Михаил», «труп Иван», «труп Сергей», «труп Алексей», «труп Николай», «труп Виктор»... Хотя их тоже можно понять – экономят маркер. Человек жизнь прожил, а они – маркер. Штука не дорогая, а напиши каждому имя с фамилией – разоришься. А если ещё и имя такое... непростое. Какой-нибудь Владислав или Анастасия или там Маргарита. Тогда точно никакого маркера не хватит.

А всё-таки.

- А вдруг. Чем чёрт не шутит.

Я почувствовал, как мои глаза подёрнулись надеждой, взялся Поповой за холодную лодыжку и хотел уже было потянуть на себя, но... Без имени нехорошо.

- Я же даже не в рот к тебе хочу заглянуть, а в самое интимное. А имени твоего не знаю. Не по-людски это как-то.

Я в который раз заглянул ей в лицо.

- Ну, некрасивая, и всё тут. Вот ни одной черты, за которую можно было бы хотя бы зацепиться, хоть оттолкнуться от чего-нибудь. Придумал, я угадаю твоё имя. Угадал, тебя зовут Мария. А что, красивое имя, у меня сестру так звали. Красивое имя для некрасивой женщины.

Я потянул левую лодыжку Марии на себя. Она уже немного окоченела и поэтому вся сместилась к краю стола, стукнулась о бортик. Тогда я одной рукой упёрся ей в правую ногу, другой потянул на себя левую. На манер домкрата получилось.

Да уж. В который раз я столкнулся с непонятной мне картиной мира. Конечно же, как я мог снова забыться, как мог допустить, как даже предположить такое. Какая девственность, какое целомудрие, како... Конечно же – зёв. Самый настоящий. Выбанный. Видавший виды. Полный и рабочий. Самый настоящий зёв. Зимняя шапка, не меньше.

у Поповой оказался самый обычный, рабочий, да и рожавший, чего уж там, зёв. Тут мои мысли, захлебнувшись, оборвались. Я раздвинул ей ноги пошире. Прямо возле половой губы, в ямочке между сухожилиями росло яйцо.

- Ебать. – только и выдохнул я.

Яйцо. Нет. Не росло в буквальном смысле. На мёртвом теле уже ничего не растёт. У неё яйцо, заключил я. Потрогал его, взял в руку – большое такое яйцо, грамм двести. Я представил, что Попова стоит, так, ноги на ширине плеч. Нет, не получается представить.

- А давай-ка так разъёбанная Попова.

Я скинул её ноги со стола, сам перебрался ей за спину, обхватил за бока и поставил на ноги. Просунул руку ей между ног. Потрогал яйцо.

Тяжёлое, раза в три тяжелее, чем мои оба. И провисает низко, сантиметров на пятнадцать, ну, не меньше. Я потрогал его у основания – там оказалась лишь кожа. Значит, яичко у неё находится в кожаном мешочке и провисает под собственным весом и, наверное, при ходьбе, ну, например, она голая ходит по дому, раскачивается. Ой, простите – раскачивалось. А может, это такая родинка?

Как много вопросов, как много вопросов...

- Хотя нет, что я родинок не видел.

Или опухоль, или, ещё лучше – близнец-паразит. Жил с ней всю жизнь, притаившись у неё между ног, пригревшись так сказать. Вёл своё растительное, но всё же существование. Брат, как-никак или сестра. А что если это и в правду так, и она, будучи, например, христианкой испугалась убить его.

- Грех, твою мать!

Представляю, как она, может уже в зрелом возрасте, пошла, сделала УЗИ, узнала пол своего, пускай брата, так пикантнее, и приняла решение не лишать его жизни, пусть даже такой. А может и вправду это всего на всего яйцо – привет от наших далёких предков-гермафродитов.

- Мнда-а-а. Задала ты мне задачку Попова.

Я вернулся в санитарскую, сел к телефону:

- Алё, Серёг, я тебя не разбудил? Нет? Ну, хорошо. Ты прикинь, я тебе с работы звоню, так вот нам тут бабу с яйцом привезли. Да не гоню, серьёзно с яйцом. Сам увидел, охренел. А-а, дочке сказку читаешь... Ну, читай-читай.

Я набрал другой номер:

- Валер, привет, не разбудил тебя? Только ложишься. Да я знаю, что рано. Тут такое дело, прикинь, ко мне в морг только что бабу с яйцом привезли. Да натуральное яйцо. Нет не грыжа. Да что я грыжу от яйца не отличу? Ладно, тяжело с тобой разговаривать. Пока.

Я положил трубку и вернулся в секционный зал – Попова по-прежнему развратно лежала на своём месте, раскинув разъёбанные ноги. Я покрутил яйцо в ладони, аккуратно надавил на него, прислушался, может, косточки захрустят. Вряд ли близнец, ну не может быть таким паразит. Ладно, попробуем так. Я сходил в санитарскую за ключом от подсобного помещения, вернулся в зал уже с ножом. Оттянул яйцо и аккуратно у самого основания срезал его лезвием. Проступила кровь. Очень мало. Я накалил кончик ножа на газовой горелке и прижѐг ранку. Тональным кремом помазал. От яйца на разъёбанном теле Поповой не осталось и следа. Ни одна экспертиза не найдѐт. Взвесил яйцо – сто сорок восемь грамм.

Та-ак, Иваныч, как обычно куда-то запѐр кастрюлю. Вернувшись в санитарскую, я первым делом заглянул в тумбочку.

- Ну что за несносный старик.

Сменщик мой. Нужно будет морду ему набить. Берѐт сука кастрюльку, причѐм мою, это я её из дома принѐс, попользуется и спрячет куда-нибудь, причѐм всякий раз в другое место. А ты ищи потом. Я положил яйцо на журнал регистрации трупов и принялся искать кастрюлю. В последний раз он прятал её под батарею, значит, сегодня её там точно не будет. Не знаю, старческий маразм ли это или пунктик такой, вредничает, обижается, мстит. А если мстит, то за что...

И снова вопросы...

На этот раз кастрюлю я нашѐл быстро, она лежала на боку за холодильником.

Дождавшись, когда вода закипит, я опустил в неё яйцо.

- Алѐ, Денис, я не сильно поздно тебе звоню, не отвлекаю, нет? А, в компьютере, это дело хорошее. Я вот тоже себе собираюсь приобрести, подключусь интернету, там, говорят, можно найти всё что хочешь. Я? Я бы фильмы разные смотрел, музыку, там. Да. Да-да. Да.

Ну, ты это, осваивай, потом мне покажешь. Да. Я собственно чего звоню. Я тут сейчас на работе, да-да. Скучно чего-то сидеть одному. Вот решил приготовить ужин, кстати, редкий деликатес. Приходи, а? Ну Денис, не будь нудой. Тебе ж тут идти от силы пятнадцать минут. Ты даже себе не представляешь, какие ароматы я сейчас вдыхаю. Ага, так я тебе и сказал. Хе-хе. Приходи, узнаешь. Деликатес редкий. Ты такого ещё не едал. Да-а. Ха-ха. Ну, так что, жду? Ага. Давай. Жду.

Я положил трубку и убавил газ.

- Ну-у-с. Показывай свой деликатес. – Денис, как обычно широко вошёл в санитарскую. – А пахнет и впрямь знатно. Не то, что там на коридоре.

- Присаживайся, дорогой, быстро ты, однако.

Я достал початую бутылку коньяку, налил по рюмке.

- Так что это? – Денис заморожено следил за тем, как я слил воду, уложил яйцо на блюдо и деликатно, орудуя лишь вилкой и ножом, стал снимать с него пепельно-серую шкурку.

- Это, Денис деликатес. Когда узнаешь, охренишься.

- Это от слова хрен, что ли? – рассмеялся он.

- Это от слова – О-О-О-О-О!!!

- Родственники что ли преподнесли? – он кивнул на дверь, ведущую в морг.

- Ну, можно и так сказать.

Я разрезал яйцо на две части. Одну половину положил на тарелку Денису, другую себе. Достал горчицу, хрен, майонез, хлеб, петрушку.

- Красота. – хлопнул в ладоши тот и взял рюмку. – Дружище, да он же уж испарился весь. Глянь – пол стакана осталось.

- Так выпьем же за наших мам, не будь их не сидели бы мы сейчас за этим столом. – произнёс я свой любимый тост.

- Ну, тогда уже и за пап. – рассмеялся Денис. – Они вроде тоже как бы поучаствовали.

- Ну, тогда уже и за одну женщину. За Марию. И за её маму, подарившую нам Марию и, собственно, сегодняшний ужин.

- Деву Марию? Не знал, что ты католик.

- Попову, за Марию Попову. И католики здесь не причём.

- Женщину что ли себе завёл? – довольно округлил глаза Денис.

- Хуже. – скривился я.

- А ну-ка с этого места поподробнее.

- Ты хочешь, чтобы у тебя и этот коньяк испарился?

Мы выпили.

- Ну-с, отведаем заморского деликатеса. – Денис положил кусочек в рот и медленно разжевал. – У-ум, интересно. Ты знаешь, вкусно. Мне сначала показалось, что горчит, а потом понравилась. Попробуй с хреном.

Я разжевал свой кусок.

- И вправду вкусно.

- Мясо тетерева напоминает. – Денис налил ещё коньяку. – Это я тебе, как охотник говорю. А всё же, что это за мясо? Колись, интересно же. И что за таинственная Мария? Я заинтригован.

- Это, Дениска, женское яйцо. – буднично произнёс я.

- ?

- Ну, яйцо. – я криво улыбнулся, пытаюсь считать информацию с его мимики. – Кстати, от Марии Поповой. За которую мы выпили.

- Что ты городишь? Какое яйцо?

- Ну не куриное, ты же видишь. – я отрезал ещё кусочек и отправил себе в рот. – Пошли.

Дождёвая на ходу, я проводил Дениса в секционный зал.

- Вот гляди. – я раздвинул Поповой ноги. – Вот здесь. – посплюнявив палец, протёр прижжённую ранку. – Тут у неё росло яйцо. Я его срезал, а ранку прижёт.

Денис молчал долго, затем трудно сглотнул и посмотрел мне в лицо, где-то в районе глаз.

– Ну и придурок же ты, Лысаковский. – вдруг громко рассмеялся он, наклонился к промежности, потрогал ранку. – Реальный придурок.

- Ну, ведь вкусно же. – глядя на него и я рассмеялся.

- И всё равно ты придурок. – Денис покрутил пальцем у виска.

- А ты медведь. И разговариваешь сейчас как подросток из американской комедии.

Когда Денис ушёл, я прибрался на столе, сполоснул посуду. Достал из сумки общую тетрадь, озаглавленную «Рассказы», и вывел на чистой странице каллиграфическим почерком – *«ЯЙЦО или история одного дежурства»*.

КОНЬ

Родился конь

*Говорят, что родившийся в созвездии
Скорпиона конь приносит беду...*

1

- Мальчик, отойди от машины! А-а!..

- Что-что?..

Петя открыл глаза. Под потолком плыли уже ставшие привычными образы: овёс, дубовые балки перекрытий, полупустое корыто, едва уловимый аромат хмеля, сонный шмель стукнулся в стену овина и упал в сено, грив-в-в-в-ва...

- Ты чего? Напугал.

Люба, грузная плосколицая немолодая женщина лениво потягивалась, выпроставшись потным телом из-под одеда. Стояло начало июня.

- Петя, оглох, что ль?

- Чего тебе? – раздражённо спросил он, взял с тумбочки часы и надел на руку. – Приснилось... ерунда.

Петя попытался вспомнить сон: какой-то закоулок, его «Москвич» стоит у пожарной лестницы и ест овёс, внезапно к нему подбежал

горящий подросток, даже не подбежал, а бежал, бежал он быстро, плавно, словно бы на ходулях, но всё никак не мог приблизиться к «Москвичу». И тогда Петя в ужасе закричал...

Он снова открыл глаза. Оказывается, он и не заметил, как провалился в сон. Жена по-прежнему лежала рядом и гадко храпела. Петя хотел посмотреть время, но часов на руке не было, на тумбочке их тоже не оказалось. Тогда он вспомнил, что забыл их в курилке на работе. Работал он стропальщиком на заводе Тяжёлых штамповок. Лето выдалось жарким, и в последнюю смену, особо упреву, Петя снял часы – под кожаным ремешком уже краснела прелая бордовая полоска.

Петя потрогал покрасневшее запястье.

Перед глазами медленно поплыли висевший на стене хомут, стремяна, ржавая узда, бочка с водой, круп в яблоках...

Его забытые оборвала грубо шарудящая у него в трусах рука жены.

- А-а-а! – заорал Петя и в испуге скатился с кровати.

- Ты чего?

- Я, й-а, я... – Петя, как мог, старался прикрыться углом одеяла. – Я плохо себя чувствую. – промямлил он.

- Это я себя плохо чувствую! Уже две недели плохо себя чувствую. Петенька. – смягчилась она. – Что случилось? После того, как ты вернулся со своего *этого* отпуска, ты какой-то странный.

- Й-а, я устал, н-на работе устал, а отп-пуск, к-климат, врач сказал, я, я сам подумал – климат, я устал.

Петя осторожно, боясь заголиться, взобрался на кровать и, дождавшись, когда жена отвернётся, ощупал перетянутые бинтами ватные тампоны у себя между ног.

Жара спала. Пятница неумолимо подходила к концу. Петя с наслаждением вдыхал жар раскалённых заготовок грудями томившихся в ящиках у кузнечных прессов: раскалённо-белые, раскалённо-алые, уже посеревшие... Вот Лысый вцепился щипцами в чугунный блин, повис всем своим тощим телом на цепи, что держала щипцы, рывком головы закинул мешавшую каску на затылок и ловко вставил блин в захват. На пол со станины полилась охлаждающая жидкость.

«Мутная, как первая сперма».

Нет, Петя не получал удовольствия от созерцания всех этих рабочих перверсий – Петю окрыляло другое: сегодня пятница, 16-15 – конец смены, 17-06 – автобус в Кастрицу, 19-

- ...десять, ну от силы, пятнадцать – я у мамы, а там ОН!...

И, уже не скрывая слёз умиления, Петя наблюдал, как Лысый отвёл щипцы, как впился огромным промасленным ботинком в педаль подачи, как, зашипев тысячью мехами, опустилось многотонное тело пресса на тело станины, моментально поглотив пространство низким басом грохота и превратив чугунный блин в заготовку для цапфы. Как схаркнул и снова в тысячный раз за смену откинул на затылок каску Лысый, как сощурился рыжим глазом на закопченный датчик давления, как Серый гаркнул на зазевавшегося салагу, что стоял на подаче, как тот кинулся суетливо разгрести затор на линии...

- Эй! Эй! Э-э-эй! Эй! Петро, мать твою, заснул что ли!?

Подкова над входом «на удачу», перетянутый дротом мешок с бураками, воробьи плещутся в корыте с чистой колодезной водой...

- Петро! Ебать! Забирай!

Петя включился. В промежности ныло, видимо пора было менять тампон. Прямо в лицо ему дышал гнилыми зубами, перегаром и вчерашним луком Лысый. Судя по движению губ, он говорил. На заводе стоял такой шум, что приходилось всю смену ходить с

затычками в ушах, а разговаривать исключительно посредством жестов да крика лицо в лицо, «рот в рот», как это называли сами рабочие.

- Забирай, ёбть!

Раскалённые добела заготовки цапф горой возвышались над рёбрами контейнера. Серёга прямо с поста протянул руку с сигаретой – та моментально вспыхнула. Вспыхнула, конечно, не вся – Серёга ведь опытный кузнец. Предварительно он смочил сигарету слюной, сухим оставив лишь кончик. Петя улыбнулся, привычно деловито сощурился окатившему его жару, такому привычному и сладко пахнущему, подвёл цепи крана под «уши», застропил, дал команду. Ящик взмыл в воздух, качнулся и, теряя на ходу заготовки, помчался к железнодорожной тележке. Быстро остывая, цапфы прямо в полёте превращались из платиново-белых в ярко алые. Они горохом, утопая в общем грохоте, сыпались по проходу на бетонный пол, сбрасывая оплою и салютуя искрами...

Губы с колючей редкой щетиной, большие с палец зубы, кислый аромат перебродившего овса, мощные крутые в яблоках бёдра...

Петино лицо снова растянулось в улыбку.

3

17-06, 07, 08, 09

- Десять. – руки Пети холодели, ему казалось, будто что-то внутри него умирает с каждой секундой и что этого чего-то в нём осталось так мало, что... мало, маломаломаломало...

17-11

Переполненный людьми автобус со скрипом распахнул двери, из салона пахнуло человеческим жаром. Пете показалось, что он орёт на водителя, плачет, говорит, что нельзя так относиться к людям, что

нельзя так ненавидеть их за глубокие чувства, что бабочки не для того порхают...

Постепенно люди порассосались, в салоне сделалось просторнее и отчего-то умиротворённее, за окном уже мелькали знакомые с детства виды: поля, скирды, сушилки, телеги – порожние и с сеном. Петя осторожно потрогал разбитый нос, отнял напитавшийся кровью платок, убедился, что кровь больше не идёт.

19-08

«Кастрица». Короткая перебежка от остановки к сельмагу. 19-09. Второй от поворота дом, дом в котором Петя родился и вырос, дом из которого он ушёл в армию, белого кирпича, дом в который после не вернулся, повстречав, «залетев» и осев в городе. 19-10. Калитка. Бег мимо крыльца, сагиттально распиленная выкрашенная в чёрный цистерна с парной водой, десять метров через двор, овёс, дубовые балки перекрытий, полупустое корыто, едва уловимый аромат хмеля, сонный шмель стукнулся о стену овина и упал в сено, грив-в-в-в-ва... висевший на стене хомут, ржавая узда, бочка с суслом, круп в яблоках подкова над входом мешок с бураками воробьи плещутся в корыте с колодезной водой губы в колючей редкой щетинебольшиеспалецзубыкислыйароматперебродившегоовсамоощные крутыевяблокахбёдра

- Мухортый! – немо прокричал Петя и припал губами к губам коня.

Он впился языком в его зубы! вынудил ответить поцелуем, заплакал! вдохнул выдыхаемый Мухортым воздух – кислый, травяной, хмельной, здоровый, молодой...

- Игр-р-р-р, игр-р-р-р-р. – ржал Мухортый и, млея от ласк, бодал Петю в живот, в пах. – Умгхр-р-р. – распахивал огромные, словно уши ноздри он.

- Ну, тише, тише. – едва дыша от возбуждения, Петя нехотя отстранял от себя тяжёлую морду. – Нельзя, нельзя, милый, доктор

сказал, нужно потерпеть. Потерпи милый. Ты знаешь. – беспомощно произнёс он. – Мне кажется, Люба подозревает о нас. Я не знаю, что делать.

Воробьи сбивчиво цивкали, плескаясь в полупустом корытце, разбрызгивая тёплую воду, топорща мокрые грубые перья

- Агонируя.

Вековая подкова над входом, работа прапрапрадеда, рессора вместо запора, коса на стене...

- Мама. – едва сдерживался от распиравшего его счастья Петя, четверть часа спустя сидя в прихожей на низкой дубовой лавочке и глядя в неинтересные и постылые глаза матери.

4

Люба ждала, когда Николай кончит. Стеная механически, думая о том, что натёрла коленку, она чувствовала, как мокрый волосатый живот Николая елозит по спине. Тут он резко и сильно ухватился за бока, задвигался быстро и беспорядочно. Люба чувствовала, что эрекция совсем покинула его. И едва успела подумать, что Петя тоже перед тем, как кончить крепко хватает её за бока, бывало даже синяки оставались, как на спину полилось что-то тёплое и вязкое, казалось, меньше всего напоминающее сперму. Люба вдруг представила себе, что у Николая пошла носом кровь, или потекли сопли.

- А-а-а. – Николай шумно повалился на кровать. – Постой. – глубоко и прерывисто дыша, сказал он. – Постой пока так немного.

Люба стояла раком, выгнув спину колесом и сведя ноги – становиться «красиво» она стеснялась.

- Чуть сердце... х-х... не стало-х. – всё не мог отдышаться Николай.

- Тебе надо худеть. А впрочем, нет – не худей. Петя у меня худой, а ты толстый. Мне нравится, когда вы со мной в один день... ну, это. Он утром, а ты вечером.

- Я же просил, не вспоминай о нём при мне. А он точно не вернётся?

- Точно. Я его матери звонила. Он уже там – по хозяйству возится. Можно, я уже лягу – спина затекла.

- Ложись. Мне сюда ложись – я хочу посмотреть.

Люба поняла, чего Николай хочет и легла ему на яйца, так, чтобы член касался губ и носа.

- Знаешь, Коля, Петя какой-то странный стал в последнее время. Ты не заметил?

- Все заметили. – тяжело вздохнул Николай. – Ходит сычом, ни с кем не разговаривает, пугливый какой-то стал. Может, это возраст.

- Какой возраст – ему сорок два.

- А может он в секту какую вступил. Тебе никаких книжек на глаза не попадалось? Адвентисты там, буддисты...

- Да нет, вроде.

Она переложила член на другую сторону, чтобы тот не мешал говорить.

- А-а, головку заголи. – как бы невзначай произнёс Коля. – Раз уж ты взялась... так я подумал...почему бы не заголить.

- Можно и заголить. – Люба оттянула кожицу и стёрла с вывалившейся головки слизь. Член несколько окреп.

- Во-от, та-ак неплохо. – Николай поводил головкой ей по нижней губе. – Приоткрой-ка ротик. Ну, пососи немного. Совсем чуть-чуть.

- Мне кажется, что Петя мне изменяет.

- Иван Аркадьевич. – запинаясь в волнении Петя. – Христом-богом заклинаю. Ну, можно же! Можно! Ну, Христом-богом. Не за себя прошу – скотина томится. Ну, Ив...

- Пётр, Пётр, немедленно успокойтесь. – холодно дребезжал голос по ту сторону телефонного аппарата. – Во-первых, в вашем, э-э-э, моём наборе есть ампулка, там маркировочка проставлена «ЕХ», один укол немедленно, а после перезвонишь.

В трубке слышались гудки.

Петя потерянно плюхнулся на кровать, его упорно не отпускало горькое чувство, будто бы он школьник, и вечером неминуемо нужно будет показывать маме дневник с двойкой. Сделав укол, Петя несколько успокоился: не такими короткими показались теперь оставшиеся двенадцать часов – он и Мухортый, Петя и Мухортый, Мухортый и Петя...

Петя тяжело вздохнул.

Не таким далёким казалось теперь и грядущее перевоплощение, не такой бесконечно нудной мать...

Он ткнулся затылком в мягкий войлок свисавшего с печи одеяла и закрыл глаза.

Вспомнился ему день, когда он в первый раз увидел Ивана Аркадьевича, самого странного и красивого человека, которого ему доводилось встречать. Он не помнил, как шёл к клинике, как краснел в регистратуре, как вошёл в кабинет к пластическому хирургу, но навсегда запомнил петушиный глаз врача. Иван Аркадьевич страшно смутился тогда и поспешил надеть солнцезащитные очки. Уже много позже в приватной беседе он рассказывал, что решил протереть засаленные душки и опорки очков, и, когда вошёл Петя, без стука, даже не кашлянув, только-только положил те перед собой на журнал.

Уже в первые секунды, сидя тогда на приёме, Пете бросилось в глаза странное убранство кабинета хирурга: россыпь расписанных под хохлому яиц на столе – деревянные, оловянные, стеклянные, гипсовые и даже одно серебряное, фигурки кур, на полочке, скорее напоминавшей алтарь, осыпанная чучелами цыплят гордо, явно символизируя величие материнства, возвышалось украшенное стразами чучело несушки. Плакаты, картины, календари, брелоки и даже китайский веер несли на себе гордый профиль курицы.

- Зд-а...ф-тье. – едва ворочая языком от волнения, простонал тогда Петя.

Доктор осторожно кивнул в ответ и поспешил надеть солнцезащитные очки.

Минут сорок Петя ходил вокруг да около, стараясь сначала оттянуть, затем избежать, а после и вовсе отказаться от цели своего визита, пока Иван Аркадьевич, от природы пронизательный и артистичный человек ни вынул из кармана и ни положил перед собой левую кисть...

Раздался звонок телефона. Петя вздрогнул. «5-15-18» – простой номер. Звонила жена. Он долго глядел на выдавший виды аппарат, колеблясь и, как и тогда, переживая трио – оттянуть, избежать и отказаться. Но всё же ответил, испугавшись, что Люба не дозвонившись, приедет за ним.

- Ты? – сходу спросила она.

- Э-э-э, я.

- Пьяный что ли?

- Нет, что ты.

- Не забудь брынзы взять. Игорёк просил рыбы вяленой.

- Хорошо, привезу.

- Вечером приедешь?

- Как обычно.

Сам того не заметив, Петя выдернул телефон из розетки. Странное чувство накрыло его. Петя с ужасом подумал, что в последнее время оно стало появляться чаще и сильнее – отторжение жены. Полное. Морально-соматическое. И самое страшное, что он переживал это, страдал из-за этого, страдал, видя, что не может уже скрывать своего выталкивания.

- Ведь Люба, в принципе, симпатичная женщина, я даже любил её когда-то. Сына мне родила здорового. Готовит хорошо. Почему я с ней так?.. Ведь даже притворяться не могу. Помню, когда мама начала стареть, заметно стареть, мы виделись с ней ритмично – раз в месяц. И каждый месяц она становилась другой. Я стал испытывать отвращение, целуя её в щёку, беря из её рук хлеб, заходя после неё в душ, сидя за столом... И ведь самое страшное, что мне с этим жить, как с увечьем, как с ампутацией. Она уже никогда не станет для меня светлым и чистым, чем-то тем... *солнечным...*

- С кем это ты, сынок?..

6

- Ну, давай посмотрим, что там у нас.

Пока Петя раздевался, Иван Аркадьевич осторожно, чтобы не порвать, натягивал одноразовую перчатку себе на куриную лапу. Пальчики лапы не слушались, цеплялись коготками. Справившись с лапой, он натянул перчатку на правую кисть.

- Что-то как-то тянет. – Петя неуверенно приблизился к гинекологическому креслу.

- Это пройдёт. – Иван Аркадьевич повертел перед собой облачённой в перчатку куриной лапкой. – У меня год тянуло, а теперь

даже не замечаю. Куд-кудах. Как если бы с ней меня мать родная родила.

Послышалось далёкое глухое кудахтанье целого десятка кур, шелест крыльев, стоны. Иван Аркадьевич вынул из кармана мобильник, недовольно покосился на экран.

- Да, Арогон Арогонович. Да. Да-да. Да, Араг Арогоч, Да, да-да.

Он с чувством швырнул телефон на кушетку.

- Заебал, упырь. – по слогам, словно бы наслаждаясь, произнёс он.
– Та-ак. – он аккуратно отнял тампон.

Петя поморщился.

- Тебе не давит там? - он кивнул на кресло. – А то у нас там борт протёрся, некоторые жалуются.

- Да вроде не давит. Просто щиплет там. – Петя покосился себе между ног.

- Ну, вроде всё в норме, швы ровные, почти рассосались. Кровь в губах циркулирует, преддверие влажное. Всё хорошо у тебя Петя, на следующей неделе можешь начинать половую жизнь.

- А-а, когда можно будет пенис пришивать?

7

Лето в деревне, что может быть радостнее. Лето с конём в деревне, что может быть... Лето с любимым.

Лишь только рассвело, Петя схватил первое попавшееся под руку полотенце, вывел из хлева Мухортого и поскакал на реку. Свежесть! буквально железный вкус росы во рту! кислый пар в пахах мухортого! стук его копыт! Стук сердца Пети... Плавно покачиваясь на мускулистой спине, он смотрел вперёд, лишь слегка приподняв голову над головой Мухортого. Тёплая сивая грива, ледяной рассветный

воздух, лесная и речная сырость, янтарь стволов. Петя не жил сейчас – он умер, и ему стало непреодолимо хорошо. Мёртвый, без забот, мёртвый, без боли, мёртвый, без... всего. Прямо на ходу скидывая кальсоны и увлекая за собой Мухортого, он завалился в обжигающую воду, повис на шее коня, поцеловал его, словно бы в дурмане заржал, в первый раз, не кривляясь и не прислушиваясь к себе, словно бы крикнул, словно бы выдохнул, он стонал и ржал, отталкивался от коня, погружаясь с головой в воду, стонал-ржал, стонал-ржал...

- Милый, мой любимый Мухортый. Как же я тебя люблю.

Мухортый выскочил на берег и стал качаться на спине. Влево, вправо! Подбежав к нему, Петя принялся целовать его живот, сосцы, член...

- Здравствуйте, мама. – Люба взволнованно переступила порог дома свекрови.

- Любочка. А ты што ж это без звонка? А Петька что ж знал, а мне не сказал? Вот негодник.

- Да я так, мама. – Люба жадно и нервозно шарила глазами по углам дома. – А где он?

- Петька? Так на речке. Только светать стало, так он Мухортого под мышку и на реку. По полдня там может прохлаждаться. Вон, даже кровать не застелил, так и убежал.

Люба взвесила взглядом вскомоченную беспокойную простынь, на четверть выпростанную из наволочки подушку, валявшееся на полу цветастое лоскутное покрывало. Почему-то ей на мгновение привиделось, что Пете тринадцать, он убежал на речку, а она его старшая сестра.

- А мне вот скучно что-то... сделалось. – нарочито потянулась она, как спросонья, не переставая при этом тревожно изучать глазами

постель мужа. – Думаю, дай к вам заеду. А телефон сломался вот и не позвонила.

- Да ты проходи, дочка. Парного молочка тебе сейчас налью, булка свежая. А вот и Петька прискакал.

Люба выглянула в окно. Петя раскрасневшийся, сияющий как новая медаль неспешно заезжал верхом в распахнутые ворота. Люба глядела на него и тревога всё разрасталась в ней – такого счастливого, красивого и молодого она его не видела с медового месяца.

Завидев её, Петя заметно растерялся, зачем-то ударил Мухортого ногой в бок, резко развернулся, словно намереваясь удрать, но тут же спрыгнул на землю и спешно зашёл в хлев.

- Привет. – Люба вошла вслед за ним.

- Бежала что ли? Запыхалась вон.

Петя снял со стены хомут и покрутил его в руках.

- А ты где это? Уф. – она сдула прилипшую к потному лбу чёлку. – Чего это ты такой? А? Петь, а?

- Чего?

- Ты это чего такой? Кто она? Я тебя спрашиваю, кто она?!

- Я на речку ездил. Мухортого вон вымыл...

- Покажи! Доставай я сказала! – она схватила Петю за штаны. – Показывай немедленно.

- Ты сдурела. Люба, чего ты хочешь?

- Я с мужем своим поговорить хочу. Признайся, ты изменяешь мне.

Пересиливая всё самое отвратительное, что только возможно было в себе пересилить, Петя обнял жену.

- Любочка. У меня никого нет. Я тебя люблю, только тебя одну. Ну что ты? Тебя люблю и верю тебе и хочу чтобы ты верила.

Петя говорил и чувствовал, как заводится, как реагирует на собственные слова, чувствовал, как отвечает его словам жена. Тёплая,

большая, пахнувшая потом и помадой, жаркая, физиологическая мясная машина – она была неприятна ему, как кусок засохшей фекалии во рту.

- Я люблю тебя, дорогая, очень люблю. – мял во рту язык Петя и чувствовал как семя перемещается по мочеполовому каналу. – Люблю, люблю только тебя...

Отвращение и обрывки далёких страстных совместных мгновений, стыд за прошлое: они когда-то целовались, касались языками, ели слюну друг друга – семя максимально поднялось и вышло. Петя, не стесняясь, застонал, максимально откровенно представив себе, как Люба какает.

- Лю-блю. – задыхался он.

Тут Люба резко его оттолкнула.

- А? – она с немым вопросом застыла, глядя на расплзающееся по штанам пятно.

Петя, сам не заметив, помочился.

- П-прости. Мне, кажется, н-нехорошо.

- Петь, ты прости меня. – спустя час Люба с Петей сидели на кровати в его комнате.

Петя мелко колотился.

- Я чего-то напридумывала там себе. Какую-то любовницу там себе надумала. А ты у меня хороший, просто чувствительный. Это у тебя сейчас возраст такой сложный. Я попросила маму постелить нам в хлеву. Там свежо, сеном пахнет.

- Говном там пахнет. – недовольно буркнул Петя.

- Говном да сеном. Помнишь, по молодости мы частенько в хлеву того. – она рассмеялась.

- Ты коня хорошо привязал? А то испугается чего, да потопчет нас.
– Люба расправила простынь, смахнула попавшее на неё сено. – Ну, прыгай в постельку.

Петя, молча, лёг.

- Я так соскучилась по тебе. – она погасила свет и легла к мужу. – Ты так похудел в последнее время. Ты что в штанах?

- Я буду спать в штанах. Любочка, я буду спать в штанах, я так привык, а ты спи, как тебе нравится.

- В штанах так в штанах. Дело твоё. – она погладила Петю по животу и запустила руку в трусы.

Петя крепче прижал ноги друг к дружке.

– Я так соскучалась по тебе, милый, ты совсем забыл обо мне. – она вынула член из штанов и легко подрочила. Привыкший к её рукам тот быстро встал.

Люба попыталась перевалить Петю лицом к себе, он тот словно бы прилип к простыни. Тогда она сама села на него.

- М-мух, Мух-хортый. – слёзы так сдавили Пете горло, что он едва мог дышать. – Мухортый, прости. Это она. Прости меня. Я не хотел этого. – он беспомощными руками указывал на бледный прямоугольник простыни. – Я тебя люблю. Это всё она. Я же вижу, как ты мучаешься, как страдаешь. Я всё вижу.

8

День близился к закату. Петя сидел с мамой в тесной жаркой кухоньке, в руках его подрагивала скринка с молоком. Где-то в глубине погреба надрывался сверчок. Так и не найдя в себе силы отхлебнуть, Петя поставил скринку рядом с собой на лавку и застыл глазами на привезённом им из города рюкзаке. В цветастом рюкзачке

притаился чёрный ПОЛЮРОИД. При мысли о фотоаппарате сердце Пети тут же предательски сжалось и дальнейшие свои сокращения продолжило с болью.

Мама сидела у окна, как обычно, на самой краешке табурета. Сухая, едва различимая под пестрядинным платком она узловатыми руками чистила картофель и, то и дело, поглядывала на привязанного к овину Мухортого. Тот, словно бы чуя неладное, мотал головой и топтался на месте.

- ама. – севшим тенорком произнёс Петя и испугался собственного голоса.

- Что сынок? – она отложила нож и поправила сползший на лоб платок.

Петя откашлялся.

- Н-ни чего. – он резко встал. – Й-йя п-пойду, п-пройдусь.

- Муха, славный мой, Муха моя. – он прижался щекой к его огромной горячей морде. – Любимый. Как нам быть дальше? Я не могу решиться. Что нам дела...

Петя замер, явственно почувствовав на себе взгляд. Не чей-то, не случайный, а... взгляд? Обернулся. В золотом огоньке окна огарочком тлела голова матери, спичечной головкой показалась она ему, спичечной головкой в спичечном коробке.

- Неси мой дом скорей в костёр, а то я в нём совсем замёрз.

Петя видел, как мама встала из-за стола, ссыпала начищенную картошку в кастрюлю, отёрла фартуком руки и вышла в прихожую.

- Пойдём, мой сладенький. Сегодня я уже не смогу. – устало выдохнул Петя.

Он завёл Мухортого в хлев, скинул с него подпруды, горячей ладонью провёл по жёсткой шерсти.

- Давай я тебя помою.

Петя принёс воды. Нагревшаяся задень, та пахла бочкой и мазутом. Сначала он с ковша окатил Мухортого: голова, спина, хвост, затем зачерпнув ладонью, стал вымывать ему ноздри, глаза, уши, рот.

- Я люблю тебя. – на слезах одним духом выпалил он и поцеловал его в зубы. Лаская языком его язык, шепча рот в рот и страстно глядя: грива, уши, шея... - Петя заводился от своих же слов. - Сейчас маленький, всё будет сейчас. Я знаю, как ты ждал. Сейчас.

Он скоро скинул оставшиеся ещё от отца армейские кальсоны и встал перед Мухортым раком.

- Давай, понюхай. Я кобыла. Сегодня я для тебя кобыла. Понюхай. Полижи.

Он привлёк морду Мухортого к себе, потёр взмокшее влагалище.

- Умбрр-р-рр-р. – встрепенулся Мухортый.

- Ну, нюхай же. Тише же. Я твоя кобыла.

Мухортый стал жадно вылизывать Пете влагалище.

- Вот так, милый. Какой у тебя мощный язык.

Пьянея от страсти, Петя ухватил Мухортого за член, тот уже окреп и длинной колбасой свисал между копыт, едва ни касаясь земли.

- Давай, мой сладкий. Сейчас ты будешь во мне. Сейчас.

Петя стал обсасывать Мухортому член. Тот был такой толстый, что Петя с трудом мог взять в рот только часть головки. Просунув руку Мухортому под яички, он трепетно их помял, проскользил к анусу, ввёл туда пальцы.

- Всё, пора, давай.

Откинувшись на спину, Петя вцепился обеими руками Мухортому в передние копыта, подался торсом, сам насадился на член и плавно задвигался.

Утопая в пронизывающих тело оргазмах, он глядел на брюхо Мухортого – сильное, ровное, на нём почти не было шерсти. Оно казалось небом. Вот открылись глаза, пулемётная лента маленьких

смертей – небо лиловое в неоновых воронках пульсирует сахарной сыпью, закрылись глаза, член Мухортого буравит тело, сотрясаются кишки, печень, сердце, казалось, он способен добраться до самой глотки, расплескался желчный пузырь, открылись глаза, четыре коротких сладостных выстрела, небо бездонно черно, чернее космоса, закрылись глаза, спина стесалась о цементный пол, член в миллиардный раз пронзает тело словно шампур, очередь оргазмов, Петя закричал, ещё очередь, вспышки, ещё очередь, грудь вдавилась, доступ воздуха прекратился, открылись глаза, слёзы счастья, небо – кратер извергающегося вулкана.

- Я умираю! – завизжал Петя.

Мухортый припал на одно колено, правое копыто заскользило по цементному полу и упёрлось в корыто. Развернулось ведро с сусликом. Петя ощутил тяжесть конского тела на себе. Мухортый задвигался быстрее, в пылу, взял в рот Петину руку. Мощный язык, мощный член, тяжёлое мощное тело, кислые пахи... Петя почувствовал, как умирает и тут же рождается – раз за разом. Муки и святой экстаз, муки и экстаз. Мухортый кончил, вскочил, зашатался, словно недельный жеребёнок, встряхнул головой, попятился. Петя лежал на полу в соплях, слюнях, поту, в разлившемся сусле, носом шла кровь. Лежал, раскинув ноги и по крупцам собирая впечатления от первого члена, члена любимого, члена коня...

- С добрым утром. – Петя поцеловал мать в щёку.

Что-то произошло в его сознании за эту ночь.

«Сухая и твёрдая щека...»

Или это член провёл работу, или он постарел, или спавший в нём преступник, наконец, проснулся и сделался лёгким как пух.

-Мама. – Петя прислушался к своему новому голосу. – Я тут фотоаппарат у знакомого попросил, хочу тебя сфотографировать.

- Ой, я не готова. – мама смешно потрогала своё бескровное лицо.

- У тебя полчаса на сборы. – сухо произнёс он. - Сходим к речке.

Петя с трепетом и страхом внимал собственному голосу, словно бы подслушивая интимный телефонный разговор старшей сестры, и наслаждался собственным холодом.

- А что мне придётся делать?

- Походишь, посидишь. – Петя неопределённо пожал плечами. – Мухортого с собой возьмём.

- И чего ты к этому коню так привязался? Что-то я не припомню, чтобы ты в детстве лошадьми интересовался.

- Ма-ма, полчаса. – Петя роскошно улыбнулся.

- Ну что, мам. Давай-ка сюда.

Выбросив ногу, Петя спрыгнул с Мухортого и, взяв маму под локоть, подвёл её к молоденькой берёзке, что коромыслом торчала из земли рядом с тёмно-рыжим покатым валуном.

- Вот сюда присядь, а нет, лучше приляг. Как вроде ты шла-шла и решила прикорнуть.

Мухортый заржал.

- И впрямь смешно. – сам себе сказал Петя.

- Что ты сказал, сынок?

- Я говорю, приляг и голову на валун положи.

Мама тяжело изогнулась, подмяла под себя коленку. Петя с отвращением заметил её белые в кружевах панталоны.

- Вот, и голову сюда. Ага.

Он сфотографировал.

- Должно хорошо получиться. Давай-ка ещё так попробуем. – он взял маму за волосы и с остервенением стал бить головой о камень.

Когда Петя пришёл в себя, в ушах его гудело, во рту было сладко от крови, в руках паклей висели клочья седых в крови волос. Мама лежала метрах в пятнадцати, у камня, Мухортый ел её перемешавшийся с травой мозг.

9

- С конезаводчиком я договорился. – Петя разговаривал с Иваном Аркадьевичем. Стоя в будке телефона автомата и нервно накручивая провод трубки на мизинец, он, то и дело, поглаживал брючный карман. Тот топорщился от денег.

- С тем же?

- Да, тот же, что и кобылу доставал.

- Возраст.

- Его?

- Коня.

- Не знаю.

- Отследи, чтобы жеребец был, чтоб половозрелый, не слишком юный и не слишком старый, чтоб член был без узлов, тяжей. Желательно племенной.

– Какой племенной! – вспыхнул Петя. – Этот и то, как машина стоит. Простой конь будет. Что здоровый у меня справка будет. Да, деньги привезу тебе сегодня к пяти в клинику, там подробнее переговорим.

- А деньги откуда?

- Дом продал.

- С мамой?

- Она к сестре переехала. Вдвоём им легче жить будет. Да, Иван Аркадьевич, будем сразу и копыта ставить. Мне хорошо за дом дали.

- За один раз? – Иван Аркадьевич напряжённо засопел. – Ты можешь не выдержать, и реабилитация. Ты ж полгода в клинике проваляешься.

- Я потерплю.

Петя положил трубку.

- Люба, я уеду... на четыре месяца.

Быстро, но ровно перемещаясь по квартире, Петя аккуратными стопками раскладывал рядом с распахнутым чемоданом вещи: рубашки, бельё, домашний халат.

- Ты бритву мою не видела?

- Как уезжаешь? – Люба в растерянности опустилась на диван.

- Я уеду на четыре месяца, это по работе. Ты бритву не видела? Наверное, у мамы забыл. Чч-ёрт. Ладно, новую куплю, электрическую.

- Что, прямо сегодня? – слёзы навернулись у неё на глазах. – Ты не можешь так с нами поступить. Петя, ты не можешь...

- Я вам денег там немного оставил. – он похлопал по лежавшему на трюмо конверту. – Как раз по пол моёй зарплаты на месяц.

- Нет. Я не про деньги. – Люба сидела с таким видом, будто не имеет сил подняться с дивана. – Ты меня не любишь? А как же... Ты всё же... Это она?.. Всё-таки она есть?

- Есть ОН. – сам того не ожидая сказал Петя, взял чемодан, туфли в свободную руку и вышел за дверь.

Выписался Петя из клиники уже поздней осенью. Но, ни промозглый, как никакой другой подходящий под описание затяжного позднеосеннего сплина день, ни ноющие операционные швы, ни предстоящая встреча с женой не могли испортить ему настроения. Новорожденный Петя стоял сейчас на крыльце клиники, широком и

чистом, как лист бумаги, как новая жизнь. Петя пересёк больничный дворик, свернул к пищеблоку и, прихрамывая, зашагал к проходной. Шаги его были неуверенные, болезненные – копыта взрослого скакуна всё норовили выскочить из колодок в ботинках. Обезболивающее начало действовать, и Петя прибавил шагу.

Любы с сыном дома не оказалось. Петя снял пальто, шляпу, прошёл в кухню. Сел за стол. Есть не хотелось, спать тоже – хотелось начинать... но что. Что начинать и с чего. Лёжа в клинике, он часто представлял себе, как вернётся домой, как, не извиняясь, а скорее бравируя, откроется жене, как вернётся на работу, как будет агрессивным, сильным, дерзким, как будет не защищаться, а нападать. Он даже завёл такую эротическую фантазию. Но фантазия была сладкой там, на казённой койке. А тут и сейчас – что? Вот он дом, его квартира, которую он же получил, работая мастером в ЖКХ, сюда же и привёз уже беременную жену, сюда же новорождённого Игоря, сына. Всё тепло собралось в этих стенах. И чертовски не хотелось осквернять их агрессией, пачкать их своей желчной сутью.

- А чего это ты не разулся? – послышался голос жены.

- А!? – Петя так дёрнулся, что едва не сбросил на пол хлебницу. – Хм. Заснул. – потёр он заплывшие глаза. – И не заметил.

- В обуви чего? – ненавязчиво разглядывала его Люба. – Мыла только с утра.

- Пепельница. – Петя только сейчас заметил на столе пепельницу с сиротливо прижавшимся к борту бычком. – Куришь?

- А, это... т-так, подруга заходила. Она курит.

- Ладно, неважно. – Петя встал, демонстрируя свой новый двухметровый рост. - Я буду спать в комнате Игоря. Он – с тобой.

Стрелка часов перевалила далеко за полночь. Боль всё усиливалась. Петя переложил копыто, что болело сильнее на одеяло, подумав немного, раскрылся. Боль была необычная, не пульсирующая, к которой он уже привык, а вязкая. Она представлялась Пете грохочущим в тоннеле поездом.

В глубине квартиры скрипнула дверь. Петя прислушался. Люба, это было понятно по шагам, прошла по прихожей и щёлкнула выключателем.

- Боже. – простонал Петя и зажал уши.

Прикинув, сколько жена будет мочиться, он выждал и отнял руки от ушей. Так и есть. Ночную гладь сладко царапал гул стремительно наполнявшегося водой сливного бочка. Шагов слышно не было, видимо, Люба уже легла. Пете вспомнилось, как он менял бачок четыре года назад, как гадко пахло тогда далёкими испражнениями. Порыв ветра качнул занавеску и приятной свежестью проехался по покрытому испариной телу.

- Уж не заражение ли это?

Петя присел на кровати и потрогал больное копыто. С горестью вспомнил он, как неделю назад ушиб его о приступку в туалете. И снова этот туалет. Злой туалет, гадкий. Голгофа. Петина голгофа, на которую по несколько раз в день восходят его сын и жена. Он погладил жёсткую шерсть, что настилалась на копыто. И тут же вспомнил о Мухортом. Представилось ему, как тот сейчас спит, там у себя, в стойле. У Кабинина тепло и уютно, лучший конезаводчик в округе. Мухортому там хорошо.

После продажи дома, Петя поселил Мухортого у конезаводчика Кабинина. Дорогое и роскошное место. Часть денег он потратил на пластические операции: копыта, левое и правое, конский пенис, влагалище он поставил ещё до продажи дома, конские губы стояли в

плане на ноябрь. Оставшиеся деньги он отложил на содержание Мухортого.

- Ну что ж так болит? – проскулил он и на глазах его выступили слёзы.

Тут в дверь постучали.

- А? – немо протянул он, не успев сообразить, испугался он или озлобился.

- Петь, что с тобой? – послышался приглушённый сип жены. – Ты стонал? – она приоткрыла дверь.

Петя скоро набросил на копыто одеяло, но тут же понял, что это лишнее – в комнате стоял едва разбавленный лунным светом мрак.

- Только лампу не включай. Г-глаза болят. – запнулся он, разглядывая силуэт жены.

Какой-то *неженой* показалась она ему сейчас, какой-то посторонней... Он ясно видел её ещё крепкую грудь, прилившие сосцы; в короткой, вероятно, белой ночной рубашке она казалась молодой мощной девушкой.

- Можно? – кротко спросила она и присела на кровать. – Ты заболел?

- Да. – севшим в волнении голосом ответил Петя и явственно ощутил, что хочет. Хочет, но не жену, не Любу, а ту незнакомку, что сейчас сидела у него на кровати в короткой, теперь уже явственно читаемой белой ночной рубахе, с распущенными густыми волосами.

Петя погладил её колено. Люба томно вздрогнула.

- У меня к тебе просьба. Не произноси больше ни слова, просто делай, делай то, что я буду говорить. И не спрашивай ни о чём. После спросишь. Не спрашивай... После.

Петя откинул одеяло. Он уже знал, что сегодняшняя ночь для этой незнакомки последняя, что к утру она даже успеет остыть, и эта мысль заводила его.

- Петя, Петечка. – прильнула к нему Люба.

- Я же просил, просил же. – властно, но тепло сказал он.

- Прости. Проситипростипростипрости. – зашептала она.

- Завяжи себе рот. Вон полотенце. Нет. Сначала засунь в рот носок, он чистый.

Люба покорно повиновалась.

- Сейчас ты будешь удивляться. – всё больше заводясь, говорил Петя. – Просто представь, что это сон.

Он взял налитый кровью член в руку и коснулся им Любиного лба, провёл им по щеке. Та ответно прильнула к нему. Петя заметил тень, отбрасываемую ими на стене. Казалось, что девушка села у берёзки с огромным толстым суком, прислонилась к нему щекой. Он коснулся членом её подбородка.

- Возьми его в руки.

Люба обхватила член руками.

- Это мой новый член. Я сделал себе операцию. Помнишь, я уезжал? Я не знал, как тебе об этом сказать, поэтому так странно себя и вёл.

Даже в темноте было видно, что Люба напугана.

- Не пугайся, ты привыкнешь. У меня теперь огромный член. Чувствуешь, какой он толстый?

Люба вела ладонью по телу члена, а он всё не кончался.

- Ну, хватит. – Петя коснулся её руки. – Ещё наиграешься. Теперь становись-ка рачком. На кровать становись. Но сначала...

Он вынул из-под кровати бельевую верёвку.

- Сначала свяжем тебе руки.

Люба уткнулась лицом в простынь. Петя соскочил на пол и затянул узел. Затем ещё одним полотенцем перевязал ей рот. Стуча копытами, он отошёл от неё на полметра и пристроил член, натянул, словно вожжи верёвки и вошёл. Люба взвыла.

- Стоять с-сука. Представление только начинается. – прошипел он и тронул выключатель.

В стоявшем у стены зеркале вспыхнул Петя. Красивый Петя. Петя неземной. Он с ужасом смотрел на себя. Громадные, похожие на обрезки полена копыта упирались в шкаф и стену, огромный метровый чёрный в розовых пятнах член, искажённое ужасом лицо жены. Она глядела в зеркало и не моргала. Петя подтянул к себе «вожжи», поставил одно копыто на борт кровати и мощно задвигал торсом. Во взгляде Любы метался разбавленный оргазмами ужас.

- Кончай тварь. – Петя чувствовал, что член всё глубже погружается в жену, противоестественно глубоко, словно бы она пожирала его... там. – Ко-ончай!

Петя перекинул «вожжи» ей через шею дважды и затянул. Лицо Любы побагровело и... вдруг осветилось, осветилось глубинной телесностью, всё, всю её женскую радость можно было сейчас прочесть в этом лице как в романе о любви. Петя уже видел, что она не дышит и не моргает, видел, что она уже почти не стоит на коленях, а лишь висит на его члене и «вожжах», возможно даже она уже умерла, но взгляд её жил, взгляд её горел, плакал и смеялся – Люба в первый и в последний раз была в Космосе.

Кончив, Петя вынул из жены член. Люба, словно бы снятая с ножа повалилась на кровать. Взгляд её потух.

Очарование. Как мимолётно ты. Как неустойчиво. Незнакомка в белой ночной рубашке, как быстро ушла ты и как быстро вернулась Люба с её неровными зубами, жирным лицом, скошенным подбородком, складками на шее, дурно пахнущим пупком, раздражением на лобке... Петя вглядывался в мёртвое лицо жены и с ужасом осознавал, что та со времени их последнего свидания сильно подурнела. Казавшиеся не такими явными непривлекательные черты её, как то: немного мешковатый нос или те же зубы, плоские и

щербатые, которые она всякий раз показывала улыбаясь, теперь словно бы вышли на передний план, исказив и без того ненавистное лицо памятью о молодости. Молодости их отношений, когда эти недостатки так же сильно мозолили глаз, но прощались... А потом они словно бы стёрлись с лица, превратившегося в образ, образ человека который о тебе заботится, который родил тебе сына. Теперь она лежит – зубы, они словно бы втрое стали кривее, эти складки на шее...

Петя накрыл её лицо полотенцем. Полотенце было смешным с Чебурашкой и пальмами.

11

- Доброе утро, папа. – Игорь, заспанный и взлохмаченный прошёл к холодильнику, достал пакет с молоком, отпил. – Птьфу. Скисло.

- Выбрось.

Пожарив яйцо, он сел к отцу за стол.

- В школу?

- Ко второму уроку. А где мама? Я проснулся, её уже не было.

- Не было? – удивлённо повёл бровью Петя, на секунду поняв сына буквально и успев удивиться его пронизательности.

- Да, мы вчера с друзьями после дискотеки выпили немного, так я так крепко спал, что и не слышал, как она ушла. На работу рано, вроде.

- К сестре, наверное, поехала. Отпуск у неё.

- А-а.

- Сынок. – Петя замер с вилкой в руке. – Я сегодня приведу коня. Он с нами поживёт. Пока мама ни вернётся.

- ?

- Ну, коня. Мухортый его зовут. В деревне, пока бабка дом не продала жил.

Игорь помолчал в нерешительности.

- Пап. – заметно нервничая произнёс он. – А можно... пока мама не вернётся у-у н-нас, ну, с нами Кирилл поживёт.

- Друг твой что ли?

Игорь как-то машинально кивнул и уже открыл рот что-то добавить, как Петя перебил его:

- Пусть поживёт.

Петя подошёл к мойке и стал остатки яичницы сгребать в ведро.

- Папа. – снова окликнул его Игорь. – А почему ты всегда ходишь по квартире в ботинках?

Когда Игорь ушёл, Петя стал расчленять Любу. Обе руки и жир с брюшины он положил в большой фасовочный пакет, правую ногу и груди в дорожную сумку, торс с головой в мешок из-под картошки, левую ногу замотал в газету и половую тряпку. Постепенно в течение дня он перетаскал всё это на располагавшийся за выгоном скотомогильник, а вечером направился к конезаводчику Кабинину и выписал у того Мухортого.

12

- Не бойся. Это папа пришёл. Ну, успокойся же. Беги в комнату. Папа, это ты?

Часто дыша, опершись о косяк и удерживая на весу большое копыто, Петя прислушивался к возне за дверью. Он так устал, что не нашёл в себе сил чтобы достать ключи.

- Пап, ты? Пап, сейчас открою. Цепочка запуталась. – радостно, с трудом скрывая волнение, говорил Игорь, побрякивая цепочкой. – Сейчас открою. Вот.

Дверь, скрипнув, отворилась.

- Какой красивый. – прямо с порога произнёс Игорь, разглядывая Мухортого.

- Ты знаешь, сынок. – Петя, прихрамывая, прошёл в прихожую. – Возьми его. – протянул сыну вожжи. – Устал страшно. Знаешь, пока мы шли домой я думал. Я думал, какое будет твоё первое слово, когда ты увидишь Мухортого. Почему-то для меня это было крайне важно. Как если бы от этого что-то зависело. Я даже волновался. Мне страшно в этом себе признаться, но когда всё позади, когда ты уже сказал «какой красивый» я осознал весь ужас того, что могло бы произойти. Ты нас спас.

- Ну что ты папа. Не выдумывай, он и в самом деле красивый. Мухорто-ортый. – Игорь погладил коня по морде.

- А вот так делать ненужно, это только я мо...

Тут на их голоса из комнаты вышла собака, высоченный рыжий колли, неухоженный с местами сбившейся колтунами шерстью.

- Папа, познакомься – это Кирилл. Я тебе о нём рассказывал.

- Какой красивый. – на автомате выпалил Петя. – А-а я-я думал, что... А ну ладно. Здравствуй, Кирилл.

Пёс едва заметно качнул хвостом.

- Наверно, Мухортого испугался. – пожал плечами Игорь и жестом подозвал Кирилла.

- А почему Кирилл? – Петя присмотрелся к псу. – Это ж вроде сучка, хотя шерсть такая – не разобрать.

- Да, она девушка. Ветеринар сказал, что ей примерно пять лет.

- Тогда почему Кирилл?

- Её так ребята со двора прозвали... почему-то. А переучиваться она не хочет. Я пытался. А я, ты знаешь, привык, что она Кирилл, даже не замечаю... вот.

- Ну ладно. – Петя тяжело поднялся с пуфика. – Предлагаю нам с нашими новыми друзьями отметить, так сказать, новоселье.

- Мы познакомились полтора года назад, здесь... во дворе. – сильно опьяневший Игорь гладил Кирилла. – Мне тяжело об этом вспоминать, но я хочу, что бы ты понял... Всё н-не просто. Всё не просто, п-пап... Кирилл, она особенная. – Игорь помолчал, словно бы собираясь с мыслями. – Её изнасиловали. Я даже назову тебе фамилии этих в-выродков. Только ты пойми правильно. Й-я в-виноват. – голос Игоря дрогнул. – И поэтому... Я виноват. Я х-хочу рассказать: Ельников Артём, Саша Архипов, Коля Былкин, э-э-э, Саша Кабелёв, С-сергей Исаев, Антон Зав-завгородний, Игорь Старостин...

- Что? – вытянулся в лице Петя.

- Да, папа, я тоже там был. Я – негодяй. Н-но Кирилл простила меня, я знаю. И т-так же я знаю, что не заслуживаю прощения. Я насиловал её с-с этими козлами. М-мы играли в футбол, когда появилась она. Такая непосредственная. Она просто помчалась за мячом. Он-на путалась под ногами, не давая нам играть. И это выходило у неё т-так естественно. Потом я н-не помню. Э-э-э... Как во сне. П-помню только, что очутился в подвале... Кирилл была привязана к трубе, п-пасть была замотана скочем, скоче, э-э-э... скотчем, ну ты понял... Её насиловал Сергей, п-потом ... я. П-пойми. Ты т-только пойми. Потом мне было страшно, потом с-стыдно, я не находил себе места. Мне было жаль Кирилла. Я вернулся в подвал только через три д-дня. Не скрою, я надеялся, что Кирилл умерла. Но, к счастью, уже сейчас я понимаю - к-к великому сщ, сщс, сщастью... Э-э-э... Она была там же, у т-трубы, видимо, она п-пыталась

выпутаться из верёвок и наоборот ещё сильнее позатыгивала узлы. Когда я вошёл, у неё не б-было сил д-даже для того, чтобы поднять голову. Она лишь посмотрела на меня... одним г-глазом... в нём застыли слёзы. Кирилл, п-прости меня. Теперь т-ты знаешь. – Игорь поднял морду Кирилла и долго, ласково-любовно целовал её в пасть. Кирилл отвечала ему языком. – Теперь ты знаешь, п-папа, я уверен...

- Пстой, пстой, сынок. – слёзы выступили у Пети на мясцах. – Пстой милый, ничего не говори. Только молчи и ничего не говори. Ты *мой* сын, ты. Ты *мой*. Смотри.

Повиснув у Мухортого на стременах, Петя тяжело поднялся, сковырнул один ботинок, затем другой.

- Мухортый. – он так стукнул копытом, что забренчал сервиз.

Мухортый заржал в ответ, и они слились в поцелуе. Когда, закончив, Петя взглянул на сына, тот целовался с Кириллом. Целовался страстно. Тогда в накатившей неожиданно неге Петя стал осыпать тело мухортого поцелуями, стал вылизывать его паха, ноздри, яички. Кирилл тем временем задрала хвост и оттопырила попку. Скрываться было бесполезно. Заметно смущаясь, Игорь полизал Кириллу клоаку, затем, стараясь не сталкиваться взглядом с отцом, вошёл в неё.

- Да!Да!Да! – кричал Петя, покрывая Мухортого. – Да!

Мухортый, переживая новые впечатления, сначала припал на передние ноги, затем вострепнулся, заржал и, волоча член, пошёл по комнате, Петя, не вынимая члена и стуча копытами, двигался за ним.

- А-а! – Игорь изогнулся скрипичным ключом, кончив в Кирилла.

В это же время на него с размаху налетел Мухортый.

- Сынок, садись на него! Садись родной! – не переставая трахаться, кричал Петя. – Муха тебя покатает.

Игорь ловко вскочил Мухортому на спину и с наслаждением ощутил только что эякулировавшим членом его жаркую шерсть.

Балансируя по комнате, Мухортый развернул сервант и тот с грохотом повалился на пол. Едва увернувшись от градом посыпавшейся посуды, Кирилл отчаянно залаяла и попыталась укунить Мухортого за ногу. Тот заржал, встал на дыбы, разбив головой люстру, придавил Петю к батарее и, завалившись на бок, повалился на подоконник. Словно в замедленной съёмке видел Петя, как сыплются на ковёр осколки люстры, во вспышке, последней, его ковёр, купленный ещё до рождения сына, словно бы снежные хлопья опадали нежные сферы ламп, как развивается грива, как, оттопырив попку, вжался в спину Мухортого испуганный Игорь, его коричневый неравномерный анус, во вспышке, он никогда не видел анус сына – всеми фекальными делами в их семье занималась жена – вцепившуюся зубами коню в бок Кирилла, как... как, завалившись, заскрежетав копытами, конструкция под названием Мухортый вывалилась в окно.

Звон разбившегося стекла был мгновенен, как щелчок от выстрела. Дальше был неприятный квакающий шлепок, когда Петин член выскользнул из ануса любимого, и тяжёлый, напоминающий гигантскую стройку удар об асфальт. В следующую секунду Петя увидел развернутую пасть Кирилла, мощный толчок вдавил его в стену. Горячее, пахнущее псиной дыхание Кирилла. Её зубы на моей шее. Её слюна. На моей. Моя жена. Люба. Её некрасивое хоть и юное лицо с кривыми зубами. Мама – ей тридцать. Отец, почему-то спиной. Колодец. Иван Аркадьевич, надевающий солнцезащитные очки. Очень быстро промелькнула Света. Её туфли. Предельно маленькие. Дядя Егор на завалинке. Овёс, дубовые балки перекрытий, полупустое корыто, едва уловимый аромат хмеля, сонный шмель стукнулся в стену овина и упал в сено, грив-в-в-в-в-ва...

ЧАСТЬ 2

КОПРО

Солнечные зайчики
В коричневом песке
Пляшут трупы мальчиков
В обуглившемся сне

(Миша С. 7 лет)

Гроза

1

Терпеть Саша начал ещё с ночи. К 11-ти часам утра сменилось четыре волны. Ровно на 40 минут – с 12-ти до 12-40-ка никакого дискомфорта не ощущалось. Но Саша знал, что это всего лишь мнимое затишье перед, самой что ни на есть бурей. В обед появилась боль: тянущая, трубная, требующая отдачи. Саша лёг на пол и постарался не двигаться. Около 3-ёх дня стали отходить газы. Он знал их анестезирующие свойства на свой организм и оттого ждал.

После первой дюжины выбросов газы стали заметно градуироваться. По интервалу изменения их запаха Саша отсчитывал часы. Первые газы были сладкие с лишь едва уловимым привкусом прогорклости – отход продолжался около полу часа, затем почти час газы выделялись очень сложные, Саша так и не смог придумать для их

описания хоть сколько-нибудь внятного определения, затем просто пахнувшие полежавшим калом, словно бурая куча слежавшихся осенних листьев – совсем не интересные, как посчитал он, и даже едва не впал в сон, позже, постепенно с интервалом в 10 минут стало появляться нечто гнилостное, перекрывающее всё.

Дальше анализировать не было смысла.

К половине пятого каждое сокращение кишечника отдавалось не только в паху, но и в шейном отделе позвоночника. Ноги стали постепенно отекать. Саша с волнением переживал, как озноб покинул пальцы ступней, оставив лишь едва уловимое покалывание, и перебирался выше по ногам до паха. В 6 часов вечера настало время собираться на работу. Осторожно ступая по квартире на непослушных ногах, Саша приготовил одежду, убрал в пакет, убрал и богатую ссобоюку, приготовленную ещё с ночи. На ноги, не смотря на погожий день, он надел резиновые сапоги, так как зашнуровать ботинки не представлялось возможным. Хотел было побриться, но передумал. Сборы давались ему нелегко, то и дело приходилось прижиматься к стенке и замирать, прислушиваясь к себе – так легче было сосредоточиться и удержать кольцо сфинктера в напряжении.

Продолжал сборы он лишь в те несколько минут, когда кишечник не сокращался.

Саша внимательно осмотрел содержимое своей сумки – ничего ли не забыл: суп в банке из-под солений – 3 литра, хлеб – 1,5 буханки, початая пачка паштета, упаковка масла, майонез – одна пачка, 400 грамм колбасы, куриная тушка, варёная – под разогрев, баночка оливок, печатная машинка. Раритетная, доставшаяся ещё от отца. Саша никогда не оставлял её на работе. Морг – место беспокойное и неоднозначное, и санитары – ребята разношёрстные, кто сидел, кто «торчит», кто «допивает», из вменяемых только студенты медики, да и те через одного с душком...

- Моя машинка, никому не отдам...

2

С трудом преодолев лестничный пролёт и оказавшись, наконец, на улице в начале седьмого, Саша дворами пробрался к автобусной остановке. Спрятался за полупрозрачный рекламный щит от группки школьников, что с нескрываемым любопытством осматривали его так не шедшие к ситуации сапоги, прислонился к столбу, и, едва ни теряя сознания от боли, которая к этому моменту уже поработила всё его тело без деления на кишечник, голову, суставы, мышцы, дождался рейсового автобуса. Как входил – не помнил. Но отчётливо прожил тот миг, когда за ним с лязгом захлопнулись железные створки дверей. Словно в камере, подумалось ему, вот-вот газ пустят или пушу. На этой мысли Саша едва не рассмеялся, но поняв, что стоит ему лишь намекнуть телу о смехе, как оно тут же ничтоже не сумнявшись вывалит всё с таким трудом накопленное за сутки говно прямо здесь в штаны и в автобус. А допустить этого Саша не мог. Автобус качнулся и затрясся по ухабам. Ехать оказалось нестерпимо тяжело, даже тяжелей, чем смеяться – и тут Саше сделалось по-настоящему страшно. Неужели и в правду не довезу, молнией мелькнуло у него в голове. То и дело боль из невыносимо тянущей превращалась в невыносимо колющую, из колющей в выворачивающую, из выворачивающей в тупую, то всё это одновременно и с резким ускорением.

Все существующие в природе виды боли, и даже одна-две несуществующих, в одно мгновение пронеслись перед сознанием Саши. Был даже миг, когда он готов уже был отказаться от своей затеи. Но тут вдруг, совершенно волшебным и непредсказуемым, ему стало

непреодолимо легко, он только успел выдохнуть, как в глазах потемнело, и тогда Саша понял, что умирает.

- Мужчина! Ну, что вы ей богу!?

Саша выпал из оков боли и обнаружил себя распластавшимся на спине какой-то дородной женщины. Спина была широкая тёплая. Как печь.

- Настоящая русская, как у мамы...

- Понапиваются. Алкашня. – проскрипела снизу вверх старушка и больно ткнула Сашу в плечо.

И тут Саша понял, что либо он сейчас навалит в штаны и тем самым испортит себе дежурство, либо срочно что-нибудь предпримет. Но тут вмешался случай.

- Граждане, да ему же плохо. – раздалось в толпе. – Чего вы на мужика накинулись – пьяный, пьяный. Вон с лица весь зелёный. Может, сердечник. Мужчина, вы сердечник?

И тут Саша уже смело отдался в руки толпы.

- Несите, несите его к дверям.

Бледный потолочный узор автобусного салона, плавно покачиваясь, поплыл перед его глазами.

- Водителю постучите, пусть откроет.

- Аптечку, аптечку у него попросите – у них есть.

Кто-то неприлично коричневыми пальцами попытался запихнуть ему в рот таблетку.

Двери с шумом распахнулись, Сашу хотели было усадить на скамейку, но он упёрся.

- Спасибо, спасибо большое, дальше я сам. Мне уже лучше. – не позволяя усадить себя он. – Честно. Триста метров... всего... всего, и я дома. – простонал Саша и глянул сначала на спины своих спасителей, затем на часы, затем в лицо голубоглазому, неприлично рыжему пареньку, маленькому-маленькому с приоткрытым жарким ртом.

- Где ж твоя мама...

3

Санитары, скорее всего, уже разошлись, думал Саша, скрючившись семеня мимо пищеблока и с надеждой вглядываясь в такое желанное, короткими белёсыми вспышками мелькавшее сквозь проряженные огрызки кустов здание морга, осталась лишь Мария Феофиловна – женщина, выполняющая совершенно неясную функцию, не то уборщица, не то санитарка, не то фотограф, не то РУП-овец. В каждом морге есть своя такая женщина. Она с лёгкостью могла одеть покойника, побрить, свозить «ноги» в крематорий, пожалуй, единственное, чего ей не доверяли так это вскрытие.

Мария Феофиловна обычно приходила на работу первой, мыла полы, что-то там готовила, а уходила домой позже других. «Похозяйски» проводив всех: лаборантов, фельдшера, санитаров, экспертов, замыкал список обычно начальник отделения, молодой и дотошный, – проводив и его, она обычно дожидалась дежурного санитаря, и только после того покидала здание морга.

Саша встретил её уже в дверях.

- Что задерживаетесь, Александр Николаевич? - бодро приветствовала его она.

- А что привезли? – стараясь не демонстрировать свою боль, как можно привлекательнее произнёс Саша и попытался разогнуться.

- Полчаса назад. Ребята на каталки скинули – я в журнал записала. Бирки тоже сделала, что б ты не путался потом. Ты тогда вещи перепиши, да температуру померь, только обязательно – завтра Крылова вскрывает. Короче, без документов все, постановления я подписала, на журнале там, в общем разберёшься. Ладно, побегу, тороплюсь. У мужа сегодня юбилей. Мы в ресторан пойдём.

И она, ловко соскочив с приступки, скорым шагом направилась в сторону пищеблока.

- Нарядная, как покойница. – не зло прошептал ей вслед Саша и вошёл в морг.

Труп был роскошный, и без постановления ясно, что ДТП, лежал на каталке прямо у входа, лицом вниз, – Эдик, сволочь, подумал Саша, знает, что мне переворачивать придётся, а попробуй-ка один, – бесцветная мокрая куртка перекручена, штаны приспущены, тоже мокрые – либо в лужу упал, либо моча.

Саша понюхал пальцы.

- Моча. – тихо произнёс он. – Ботинки без подошв, подсохшие брызги крови, кусочки земли и асфальта – классика.

Саша стоял, опершись о труп, и боялся вдохнуть – ждал, когда закончится несколько затянувшееся кишечное сокращение.

- Ну же. – прошептал он, словно беременная женщина придерживая вздувшийся живот. – Ну же, миленький, сейчас уже. – разговаривал он с кишечником словно с ребёнком. – Дай только дверь на засов поставлю. Вот так.

Саша запер, наконец, дверь, спешно вскарабкался на каталку, спустил штаны, ослабил хватку сфинктера, и грамм триста напустил трупу в трусы.

Дурачёк, Эдик, с упоением и лёгким облегчением думал Саша, упираясь трупу в голени и прислушиваясь к запахам своего кала, к каждому оттенку, он думает, продолжал размышлять Саша, что зло мне сделал, труп принял лицом вниз, а на деле – добро для меня сотворил. Ну, как мне в таком состоянии было ещё и труп жопой кверху переворачивать.

- Что бы делать зло. – сладостно прошептал Саша. – Нужно учитывать обстоятельства добра.

Преодолевая боль и острое желание продолжить дефекацию, он слез с каталки, подтянул «кегле⁴» трусы, накрыв тем самым, словно саваном свой кал, подтянул брюки.

Сладостно представлялось Саше, как он перевернёт труп, как распространится его тёплое говно в холодных трусах недавно умершего, кстати, подумал он, нужно будет обязательно в постановлении посмотреть, во сколько его сбило – мечтательно представлял он, как каловая масса заполнит все уголки его мёртвых ягодиц, коснётся мошонки, обязательно, – Саша специально какал как можно ниже, что бы после переворачивания кал непременно касался половых органов: у мужчин яичек, у женщин просака и половых губ, у детей яичек, просака и половых губ.

Саша бережно помял мешочек говна в его трусах, наклонился, втянул носом аромат – когда труп ляжет на спину, едва не произнёс вслух он, мешочка не станет.

Вернувшись в санитарскую Саша, первым делом, расчехлил сумку, извлёк свою гордость... свою коренную англичанку, свою Underwood, печатную машинку.

- Хорошая. – он с трепетом протёр носовым платком рельефные, неизменно оставлявшие мозоли, клавиши, уселся поудобнее. – Итак, «Гроза». – в полголоса произнёс он.

Тут в дверь позвонили. Саша от неожиданности аж подпрыгнул. Спрятав машинку, он выглянул в окно.

4

Привезли три трупа на двух труповозках: раздавленный плитой строитель и неустановленная молодая девушка лет пятнадцати с

4 «кегли» - сбитые автомобилем трупы (сленг)

трассы – на одной, и замотанный в домашнее покрывало старик в памперсах – в другой.

- Что, Александр Николаевич, дежуришь?

В дверях показалась сначала щербатая улыбка, а затем и «всегда лучистые», как с первой встречи литературно окрестил их Саша, глаза Виктора. Тот был так высок, что чтобы пройти в дверь ему приходилось пригнуться и накрениться в бок – так широк в плечах он был.

- Как видишь, Виктор.

Саша тепло пожал его бездонную ладонь. Казалось, в ней можно было утонуть.

- Чего бледный-то такой? Не заболел часом? – Виктор отточенным движением поддел тугой шпингалет и распахнул боковую створку.

Из всех обслуживавших Сашино отделение «труповозов» Виктор был единственным, кто сам отворял двери. Саша расценивал это как жест вежливости. И где-то в глубине души лелеял мысль, что Виктор так предусмотрителен только с ним, что Виктор через каких-нибудь тайных общих коллег знаком с его «секретным секретом» и этим и некоторыми другими «добрыми» действиями лишь пытается выразить своё преклонение перед его, Саши, талантом. Хочет обозначить свою посвящённость в его тайну.

При мысли об этом, у Саши, как и во все предыдущие разы, пробежали по спине благодарственные мурашки.

- Есть н-немного. – Саша почувствовал, как наливается краской стеснения. – З-знобит чего-то, может, простыл. Пройдёт. Ты не беспокойся – всё хорошо.

Желая ускорить процесс, Саша потянулся за свободной каталкой. Неловкость неконтролируемо накрыла его с головой. Его буквально расплющивал груз ощущения того, как лебезит перед ним этот великан. Великан, который мог бы его убить одним ударом.

- Да буде. – широко улыбнулся Виктор и жестом остановил его. – Ребята сами. Три часа на базе просидели – уже забухать собрались. А тут как попёрло. Школоту какую-то неустановленную с трассы подобрали. Проститутка, наверно. – он кивнул на прицеп. – Держи бумагу. – протянул он постановление Саше. – Составлено, правда, криво, но следак на словах просил передать, что завтра с утра нормальную постанову привезёт.

- Девочку на стол. – не сам произнёс Саша и испугался собственной самостоятельности.

- На стол её. – зычно повторил Виктор, явно бывший у них за внегласного бригадира.

Двое рослых ребят в форме, чьи имена Саша помнил лишь приблизительно и один суточник, настолько крепкий, что сразу стало ясно, почему он один, ловко подхватили носилки, скинули труп на каталку и молча утолкали по коридору, к секционному залу. Суточник зачем-то сразу направился к умывальнику и принялся мыть руки. Саша подметил, что тот совсем не был похож на обычных в этих делах «помощников». Как правили их брали из обезьянника: бомжи, дебоширы, загремевшие на пятнадцать суток за пьяные выходки неблагополучные обыватели. Польстившись на скощение срока, пайку или просто из праздного интереса, они катались в труповозке с милицией и делали за тех всю черновую работу. Обычно измождённые и опустившиеся, суточники всегда вызывали у Саши неприкрытый интерес, хотя бы только потому, что как никто были потенциальными его клиентами в недалёком будущем. Этот же совершенно не походил на эту побитую жизнью братию – крепкий, молодой, скорее всего спортсмен, единственно, что портило его безупречный вид, это оторванный, примотанный скотчем рукав рубахи.

- Из ресторана приехал. – Виктор заметил Сашин интерес. – За драку. Ты чего руки-то моешь?! Эй! – окликнул он так увлечённого

помывкой парня, что тот даже не отреагировал на его слова. – Чего полоскаешься? Там ещё два трупа. После, после будешь мыться, иди давай второго выгружай.

Не закрыв воду, парень флегматично поплёлся к машинам.

- Потом на стройку, за этим. – Виктор кивнул в сторону прицепа и жестом изобразил траекторию движения автомобиля. – Не то он на плиту свалился. Не то плита на него. – продолжал говорить Виктор. – Ты носилки вытаскивай. – приказал он парню. – Да, одной стороной на край крыльца ставь, во-от, правильно.

Саша слушал его и, больше для вида, участливо разглядывал укутанный в белую от бетонной пыли тряпку труп с торчавшими на улицу напитавшимися кровью кирзовыми сапогами.

– Работяги сами плиту краном оттащили, его зачем-то на проспект вытащили – видно же что мёртвый. Короче мутят чего-то. Кабанович Илья Трофимович. Держи. – сунул он Саше в руку второе постановление. – Та-ак, в той машине профессор, какой-то, кафедрой, говорят, заведовал. Дня три, походу, в квартире пролежал. Не перепутаешь? – юморно подмигнул он Саше. – Там неизвестная, вон – строитель, а третий профессор.

- Профессор, строитель, неизвестная. – как-то потерянно повторил за ним Саша.

Сунув ему в руки постановления, Виктор прошёл в секционную, Саша последовал за ним.

- Ну, ты Саш, и вправду хреново выглядишь. Ты б таблетки какие выпил что ли.

- Да, это так. – Саша с вождением глядел, как молчаливые коллеги Виктора, перетаскивают с каталки на стол труп девочки, как судорожно дёргается её, слегка тронутое окоченением тело, как беспомощно откинулась белая головка.

Кишечник сладостно сократился и Саша вспомнил о боли.

Ребята тем временем вернулись с каталкой и принялись грузить «строителя».

- А как вообще жизнь? – Виктор, сощурившись, затянулся сигаретой. Выпустил в подбородок густой сизый дым.

- М-м-м так. – по крупичам собирая остатки самообладания, Саша заскользил глазами по прокатившемуся только что перед ними раздавленному строителю.

Какой же болтливый, однако, этот Виктор, думал он с досадой. Хотя, сам виноват – приручил его, как пса лаской – своим талантом.

Частенько, насладившись за целую смену телами, опустошённый, доведший себя едва ли не до разрушения и, боясь лишь одного, – остаться дома одному в одинокой постели одному одного одному одинокой одному одному. Саша едва ли не силой удерживал тогда Виктора, лишь бы только оттянуть начало того, что, несомненно, рано или поздно послужит концом его Земного существования.

Сейчас же он желал одного – побыстрее избавиться от нежелательных гостей: эти безымянные, гадкие, спортсмен этот ресторанный, гадкий, Виктор, гадкий.

Гадкиегадеегадкие!!
!!

- Ты б к врачу, что ли сходил бы. – раздался, словно коридорное эхо, страшный Витин голос.

- Ага-ага. – едва не теряя сознание Саша глядел на подгузник профессора, который, как и пять минут назад строитель, проплыл сейчас перед его глазами.

- Витька, поехали. – крикнули с улицы и этот крик опять показался Саше коридором.

Хлопнула дверь УАЗ-ика. Саша увидел себя пожимающим всё такую же бездонную ладонь Виктора

- Слава богу.

Ещё десять минут назад он знал, что

Всё будет грязно

Как никогда

Как в стихах про цветы

первой настрёт, навалит, в трусы неустановленной девушке, молоденькой и искалеченной, скорее всего фурой – Саша сразу разглядел разрушительное действие бампера у той на грудном отделе, затем профессору, а если останется, то, самому недостойному – строителю.

Едва закрыв за «труповозами» дверь, Саша бросился к ней. Как наполненный говном коршун. На всякий случай, прикрыл выкрашенные зелёной краской створки окна. Кишечник снова дал о себе знать. Колким сокращением.

Вот она.

Девушка оказалась хоть и стройной, но плотненькой, сбитой.

Вот она, игра чёрта, подумалось Саше, – плотно сбитая девочка лежит сбитая фурой.

Как ни старался Саша подлезть пальцами к пуговицам на джинсах – тщетно – кант туго впился в мякоть живота девочки, к тому же тот, видимо, от травмы, несколько отёк.

- Да как ты в них ходила!?! – в сердцах выругался он, попытался не расстёгивая, стянуть тугой джинс. – Так ж ш задохнуться можно. – снова рванул он. – Ой, бля.

Саша облокотился о стол, закрыл глаза, осторожно, не делая резких движений, расстегнул свои штаны, пуговка за пуговкой – ширинку. Снова попробовал расстегнуть джинсы на девушке. Те не поддавались. Саша перевалил девочку на живот, и на него взглянули натянутые до поясницы бордовые колготы.

- А-а!

Издав вопль Саша и, не имея в себе больше сил терпеть, уложил лежавшего рядом, на каталке, рабочего на бок, тот едва не грохнулся на пол, Саша приткнул каталку к стене, поставил на фиксатор, в одно движение стянул с него просторную робу, семейные трусы, не влазя на каталку – раскорячившись, оставил ему 150 грамм кала, затем, выбежав в коридор, тем же макаром, – профессору в пустой памперс – 170, навалил навалил навалил!!!!, затем, скovyрнув пуговицу джинсов ножом, навалил девочке прямо поверх стрингов.

- А теперь можно и попечатать.

5

- Не понимаю, что за херня. – Слава, безгливо морща седло носа, покрутил перед собой изгаженные стринги.

- Чего ты, Слав?

- Да снова обосранный. О-бо-сран-на-я. – по слогам произнёс он, повесил трусы на край секционного стола и стал проталкивать колодку девушке под лопатки. – Ненавижу, когда бабы срут, да ещё такие молодые. – недовольно заключил он.

- Ну, срут люди, когда их машинами давит. Чего тут такого? – невысокий, несколько широковатый в бёдрах Паша говорил, а сам вертел в руках выдавший виды фотоаппарат.

- Да того, Паша, что не всегда срут.

Слава приставил острие рёберного ножа девушке к кадыку и плавно рассёк плоть до лобка.

- Ну и что? Ну, попался тебе обосранный, обосранный, – ты что первый день работаешь? – Паша вынул батарейку из фотоаппарата и, смешно скорчившись, придавил её зубами. – Ты что её уже вскрывать собрался?

Слава в недоумении застыл над разрезанной девушкой.

- Давай раздевай этого мужика быстрее. – он кивнул на распластавшегося на каталке старика в памперсе. – Мне ещё сегодня в прокуратуру ехать. А травму эту, сам понимаешь, хрен успеем вскрыть. Ты ж опытный, соображалку включай иногда.

- Тут вон тоже обосравшийся. – сказал работавший за соседним столом Гена. – Хотя с чего? Скорее всего, сердечная недостаточность будет.

Он, морщась, покрутил перед собой пропитавшиеся калом семейники неопределённого возраста мужчины.

Паша вставил батарейку в фотоаппарат, нажал пуск.

- Улыбочку? – ёрно осклабился Гена.

- Пизда батареем. – Паша, ещё раз нажал на спуск. – Пойду новые поищу. Короче, деда этого мне режь пока, девку оставь, после обеда, если успею, может опознавать ещё придут...

Вытряхнув на ладонь батарейки, он вышел из секционного зала.

- А ну-ка. Ген, отвлекитесь на минуту.– выражение Славиного лица сделалось таким серьёзным, словно бы он догадался о чём-то чрезвычайно важном.

- Ну? – тот опёрся о труп обеими руками.

- Сколько у нас сегодня трупов?

- Вообще, или только сегодняшних?

- Вообще.

- Э-э-э. Одиннадцать, ну, с этими. – Гена кивнул на лежавших на столах. – Четырнадцать.

- Хочешь, забьёмся один к четырнадцати.

- В смысле?

- Берёшь любой труп из этих четырнадцати. Смотришь ему в трусы. Я готов биться об заклад, что там будет говно.

- А тебе в трусы не нужно заглянуть? – щербато рассмеялся Гена.

- Хорош ржать, я серьёзно.

- Я вижу, что серьёзно. Ха-ха. Куда уж серьёзней? По лицу твоему в-вижу. – Гена не переставал смеяться. – У тебя сейчас такое лицо, как у Левитана, ну, диктора.

- А ты видел его лицо?

- Ну, представляю, что вот именно такое выражение лица и должно было у него быть, когда он говорил: «Внимание, внимание. Говорит гермаа-ния». – он раскатисто рассмеялся.

- Хорошо ржать – родственники услышат. – Слава подошёл к окну и прикрыл фрамугу. – Я серьёзно. Я давно уже заметил, что какая-то херня нездоровая здесь творится. Сначала я заметил, что пару раз в неделю все трупы обосранные попадают. Прямо наваждение какое-то. Стал отслеживать. И-и, понимаешь... Вот скажи, кто вчера дежурил, ну, сегодня в ночь?

- Саша, вроде. Я его встречал сегодня с утра.

Слава вернулся к трупу девочки и сел на край стола.

- Вот я и установил такую закономерность. – задумчиво произнёс он. – Как Саша дежурит, так трупы обосранные привозят. Что к чему?

- Мистика какая-то. – наморщил лоб вмиг сделавшийся серьёзным Гена. – И что всегда именно в его смену?

- Честно, не стану подгонять факты. Два раза в его смену не было такого. А один раз в смену Петра Ивановича. А когда он в отпуске был, две недели, помнишь, – только несколько обосранных было.

- Мне кажется, ты что-то путаешь. – Гена принялся работать с трупом. – Напридумал себе всякой ерунды. – навалившись, он разжал успевшие окоченеть в суставах руки. – Ну, срутся люди, когда их машиной сбивает или там с крыши ляпаются. Это нормально.

- Давай, говорю, забьёмся. Ты сам убедишься.

- Так что, любой труп что ли?

- 50 баксов ставлю. – не унимался Слава.

Гена обвёл глазами поступивших за ночь: несколько явно не криминальных пенсионера, женщина с разбитым в кровь лицом, деревенского вида парень с петлёй из куска проволоки на шее, весь пропитавшийся со спины кровью не меткий огнестрел, несколько пешеходов от тридцати до пятидесяти, и замыкающая, эксклюзив – задушенная беременная баба в резиновых сапогах.

- Да, пёстрая сегодня компашка подобралась. – Гена, уже совсем забыв о работе, почесал затылок. – Ладно, спорим. – наконец энергично сказал он и прошёлся между каталками. – Кого же выбрать?

- А ты логически подумай, от обратного. – Слава шёл рядом с ним, то и дело заглядывая Гене через плечо. – Кто из них с наименьшей долей вероятности мог обосраться – висельник? – мог, будущая мамаша? – могла, у них там во время беременности чёрти что в организме творится, «кегли»⁵? – могли, старики-и-и...

- О, старики. – включился в игру Гена. – Вот этот. – он указал на субличного седовласого пенсионера лежавшего в позе зародыша. – Или эта? – пепельная старушка в ночной рубашке.

- Ну, выбрал? – гыгыкнул Слава. – Вот увидишь, они все обосранные.

- Так что, только одного можно выбрать?

- Блядь, хорош тупить. Я говорю, что они все будут обосранными. Просто выбирай с кого начать.

- Ладно, бабку эту беру. – Гена ткнул пальцем в тощий, явно не криминальный, труп пожилой женщины. – Она, походу, неделю уже не жрала. Помоги мне.

Ребята перевалил бабку на бок, Гена задрал ночную рубаху, хотя по характерному мутному пятну на ней уже всё было понятно.

- Ну что?! – ликующе произнёс Слава.

- Я думаю, трусы можно не снимать.

5 «кегли» - сбитые пешеходы (сленг)

Терпеть Саша начал ещё с ночи. К 8-ми часам утра прошли две волны и появилась ровная даже не пытавшаяся пульсировать боль. Саша ждал хоть каких бы то ни было изменений. И, когда уже совсем отчаялся, внизу живота что-то щёлкнуло, в малом тазу похолодело и где-то глубоко в анусе кольнуло.

11-27 – записал он в свой журнал.

Пошла третья волна. В 15-38 стали отходить газы. К половине шестого вечера каждое сокращение кишечника стало отдаваться в шейном отделе позвоночника.

Саша переступил порог морга и, стараясь не попасться никому на глаза, пробрался в санитарскую. Разувшись, он лёг на диван и высвободил раздувшийся, словно шар живот из-под ремня.

- Куплю подтяжки. – тяжело дыша, пробормотал он. – С первой же зарплаты куплю. Видит бо...

Его стоны оборвал вошедший в комнату Слава. Он опешил.

- Саш? А когда ты пришёл?

- Да вот только что. – как можно более непринуждённо, что постепенно уже стало входить в привычку, ответил он.

- Как это я тебя проглядел? – в недоумении пожал плечами Слава.

Тут следом за ним шумно ввалился Гена. Не заметив Сашу, он озорно и довольно громко зашептал Славе:

- Всё ушёл Глинский. Доставай, чего там осталось. О! – он заметил Сашу. – А вы уже на дежурстве. – и вдруг, вспомнив вчерашний разговор, замер лицом. – Э-э-э, Саша... тут такое дело... - начал было он, старательно подбирая слова, но Слава ткнул его локтём.

- Саш, давай по маленькой. С обеда осталось. – он извлёк со шкафа початую бутылку водки и выразительно посмотрел Гене в глаза.

Гена, в свою очередь, недобро уставился на Сашу.

- Можно. – как можно приветливее ответил тот, стараясь удержать напряжённый Генин взгляд. Неужели и он знает о моём таланте, с ужасом и одновременно с тщеславной радостью подумал Саша, неужели он агрессивен к моему таланту. Неужели... - М-можно. – словно бы силясь ещё больше замаскироваться под простака буквально выдавил он.

- Ну, тогда садись.

Решив, что проще будет повиноваться, нежели объясняться в своём самочувствии, Саша сел за стол, что бы живот не так сильно пережимало, он отвёл правую ногу, а сам несколько небрежно развалился.

- Саш. – заговорил Слава, в перерыве между залпом выпитым стаканом и закусыванием. – Ух-х. Хороша.

- Ф-ух. – выдохнул Гена.

- Саш. А вот ты давно вообще в морге работаешь? Ну, у нас ты, по моему, уже почти год.

- Семь месяцев. – кивнул Саша всё больше убеждаясь в том что разоблачён.

- Да-а. – Слава шумно втянул носом воздух. – А до этого ты где работал?

Нужно срочно отвести подозрения, решил Саша. Если Виктор явно восхищается мной. Просто пышет восхищением, то... То, эти двое, особенно Гена, похоже, ненавидят меня. Может образы, созданные мной, кажутся им слишком личными. Как светлокожему человеку чёрные образы кажутся чёрными, гетеросексуалисту голубые – голубыми, а русскому немецкие – фашистскими, какие несуразные мысли у меня для меня, с испугом подумалось Саше, я не владею собой, что же мне делать с этой дуростью? А, может, может, их оскорбляют мои ситуации или мотивы. Или они просто ненавидят

литературу. А Гена. Гена вообще, по-моему, слабоумный. Для своих сорока он очень неразвит. Что делать?

- Я, ребята. – начал как можно более непринуждённо Саша. – До того как прийти к вам работал во многих моргах. Как вышел на пенсию, так и начал работать. В Мурманске трупы принимал. – Саша бывало сделал ударение на второй слог – МурмАнске. – В Тольяттинской патанатомии, в Белоруссии, маленький такой городок на тридцать тысяч рыл – Марьина горка называется, там полтора года оттрубил, у вас вот сейчас.

- А чего это тебя так с места на место кидало? – подозрительно сощурился Гена.

- Так женщины. – вдруг неожиданно для себя выпалил первое, что пришло на ум Саша. – Всё горе от них. Не могу, понимаете, с одной бабой больше года пепёхаться.

Гена, забыв уже о цели беседы, захлебнулся смехом.

- Пеп-пёх-хаться? – смеялся он. – Это у вас Мурманске так что ли – пепёхаются?

Слава взглядом приказал другу не отвлекаться.

- Любишь женщин, говоришь. – он разлил оставшуюся водку по стаканам. – А как ты относишься к тому, что они какают?

Гена ещё пуще зашёлся, было видно, что его неплохо «накрыло».

- Ну-у. – аж растерялся Саша, определив, наконец, вектор вопроса и окончательно убедившись в том, что пойман. – Ну, к-какают и какают... Э-э-э, моя первая жена как-к-ала, сам видел, как после неё калдэхи в унитазе плавали, вторая точно какала, мама моя к-какала. Что значит отношусь? Отношусь, как отношусь.

Сердце Саши отчаянно забилося.

Он отчётливо, всеми страхами и стыдами, ощутил, что вектор, который он обнаружил секунду назад, неумолимо ведёт в морг. И значит талант его тут не причём. И обидно и больно и страшно. Ни

Гена, ни Слава ничего не знают о его таланте. И вектор более того, что ведёт в морг, целится прямо в него, в Сашу. Меня сейчас бить будут, мелькнуло у него в голове. Будут бить. Как били в Марьиной горке, как били в Мурманске. А как били в Тольятти – вообще вспоминать не хочется. Нужно срочно что-то делать. А может открыться им. Открыть бутон свой, свой секрет. Сказать им что я...

- Хотя и вправду. – заметив его замешательство, Славе сделалось неловко. А вдруг зря на человека подумал. – Что это я. Ну срут и срут. Что ж теперь убивать их, что ли за это.

Тут раздался дребезг звонка.

Саша был так напряжён, что невольно сократился мышечным аппаратом и подскочил на месте.

- Кого это ещё? – Слава пальцем отодвинул шторку. – Трактор. – удивлённо произнёс он.

- Трактор? – переспросил Гена, и они переглянулись. – Эй, чувак, здесь не стройка!!! – развязно, невпопад выкрикнул он и попытался высунуться в окно.

- Дя сядь ты! – Слава грубо рванул его за халат. – Пили ж вроде одинаково. Сядь, я тебе говорю.

- Пойдём-ка, глянем. – радый, что появилась возможность переменить тему, предложил Саша.

Тут с улицы, словно бы призванный довершить картину, долетел отчаянный женский плач, а с порога на Сашу буквально обрушился заплаканный мелово-бледный парень. Он сбивчиво, больше жестами, нежели речевым аппаратом поведал историю о том, что только что на тракторе сбил собственную дочь. Что та ехала со школы, вышла из-за автобуса, а он в это время проезжал на тракторе мимо и сбил. Что у ментов труповозка на ремонте, и они предложили ему самому завести в прицепе трактора дочь в морг. Что она сейчас лежит там, в прицепе, в сене и в покрывале, которое дал водитель автобуса. Что все эти

люди, он указал на толпившуюся у прицепа взволнованную кучку – родственники. Что он виноват и больше не будет жить. Что дочку нужно похоронить красивую как куколку, а сразу после похорон он повесится. Что родственники никаких денег не пожалеют и, что недавно корову продали. На этом этапе разговор прервали забравшие его в машину сотрудники милиции.

- История. – глухо выдохнул стоявший рядом, ещё не до конца впитавший информацию Гена.

Слава в это время беседовал с солидным крупным мужчиной, что держался несколько в стороне от остальных родственников.

7

Девочка сразу понравилась Саше. Понравилась так, что он за секунду испытал сразу четыре сокращения в кишечнике. Каждое отдалось уколом в паху.

Вернулся Слава. О чём-то пошептался с Геной и тот, взяв в помощь молодого, видимо бывшего свидетелем происшествия парня, снял девочку с прицепа и водрузил на каталку. Слава тем временем направился к родне.

На каталке девочка понравилась Саше ещё больше. Вся переломанная, в нескольких местах открытая, эффектная! Слипшиеся пучки бурого кровяного сена облепили её буквально с ног до головы, бывшая некогда детски-крупной головка теперь молчала алым черепным зёвом с тонкими-тонкими костяшками, почти скорлупой, глазки застыли с полу прикрытой хитрецей, сломанные ножки трогательно закрутились плетью под разодранное платьице,

оторванная ручка ранца страдальчески застыла в мёртвом кулачке чем-то незавершённым.

- Кровьспермакал. – пробормотал Саша, не в силах оторвать глаз от ребёнка, в уголках его губ появилась слюна.

- Всё в ажуре. Работаем. – краем уха услышал он оброненную Славой фразу.

Гена, уже одетый: перчатки, нарукавники, фартук – кивнул в ответ.

- Что, будете вскрывать? – с трудом сдерживая волнение и предчувствуя худшее, сказал Саша, глядя, как Слава пристраивает каталку с девочкой к столу. – Вскрывать, говорю, будешь? – дрожащим голосом повторил Саша. – Время... вроде ж...

Слава кивнул, привычным движением водрузил тело девочки на стол, без паузы, даже чисто ритуальной, стащил с неё колготы и трусики, колготы зацепились за торчавшую в открытом переломе кость голени, и Гене пришлось помочь себе ножницами, справившись с одеждой, он расправил едва державшиеся в суставных сумках ножки.

- Кристину. – Слава кивнул на труп. – Сегодня хотят забрать, кровь из носа. Там, я так понял, дядька у неё богатый, а папаша мудака, ну тот, что на тракторе её ёбнул.

- А эксперт? Уже ж все разбежались. – призрачная, но всё же надежда ещё теплилась в Сашином сердце.

- Слава, короче, Жанке позвонил. Она как раз на кольце застряла. Семейный бюджет, сам понимаешь. – он нервно улыбнулся. – А время... его всегда не хватает...

- Да-а. – не менее нервно протянул Саша, с каждой секундой принимая в себя мысль о том, что не сможет насрать этой замечательной маленькой школьнице в трусы.

Навалитнавлить. Маленькой-маленькой. Школьнице.

аварию. Может, обманом заманить её в лес и удушить там и насрать там да насрать и удушить удушить и насрать проклятойшкольницепрямо в трусы глубокоглубокоглубоко. А пока нужно отвлечь Гену, отвлечь любыми путями. Что же делать?

- Да, повезло Славке – жена судмедэксперт. – ляпнул он первое, что пришло в голову. – Работают вместе, совместный бюджет. Вот, помню, работал я в Марьиной горке, ну, помнишь, я рассказывал. Так там работали мама с сыном. Причём оба санитары. Помню, зашёл раз в зал, так от нечего делать. И аж залюбовался: мама голову пилит, а сын корпус зашивает. Так вот...

- Прости Саша, прослушал. – натужно просопел Гена. – Не могу решить, как с головой быть. Тут подбородок оторван, лба, видишь, нет, а голову нужно так собрать, чтоб «как куколка была». – он умело спародировал говор «богатого дяди» Кристины. – А как я ему из говна. – он грубо дёрнул девочку за державшуюся где-то на затылке косу так, что голова глухо стукнулась о стол. – Конфетку состряпаю? А?

- Подбородок? – Саша участливо наклонился Кристине к лицу.

- Может, из воска слепить? – Гена, подбоченившись, застыл в раздумье.

- Постой, не кипеши. Помнится в Мурманске. – Саша уже отработанным приёмом деловито сделал ударение на втором слоге. – Крысы съели одной женщине подбородок. Почти, как здесь. – он потрогал кромку раны. – Так умелец у нас там один был. Тоже, конечно, не бесплатно, извернулся – срезал кусок кожи с ампутированной руки и пришил на подбородок. А ещё немного мяса срезал и тоже в подбородок запихнул, хотели сразу бумагу запихнуть, да он отказался, сказал, лучше естественным материалом. Нормально получилось. Только он хирургической иглой шил.

- Мн-д-аа? – задумчиво промычал Гена.

- А чего это у вас трактор во дворе делает? Это что ментам новую технику выдали? – стремительно вошла Жанна и в зале на мгновение запахло улицей . – Привет, Саша.

- Здравствуйте, Жанна Петровна. – он уважительно поклонился.

Следом за ней появился и Слава, без фартука, только с перчатками.

- У-у-у, какая малышка. – Жанна с профессиональным интересом прошлась по девочке пытливым взглядом.

- С трактора... упала. – усмехнулся Слава.

- А-а, ты уже здесь? – криво ухмыльнулась она в ответ мужу. – Вижу, что упала. А ты уверен, что ей никто не помог? – продолжала разглядывать девочку она.

- Да, долбануло её трактором. Шутки что ли не понимаешь?

- Это ты не понимаешь. Шутки. – Жанна зачем-то приподняла со стола окровавленный краешек платья. – У трактора бампер в крови – я сразу всё поняла. Ладно, пойду, переоденусь. А ты. – она властно посмотрела на мужа. – Пока режь. Генка, ты за фельдшера побудешь. Кстати. – она замерла вполоборота. – Даже не знаю, как к этому относиться. Только что была магазине. Гляжу, рыба красная. Ну, такая охренительная, но такая дорогая. А мне так захотелось, ну, как никогда. И, что бы ты думал. Я мысленно попросила Космос дать мне денег на эту рыбу. Представь. Это было сорок минут назад. А когда девочку... того?

- Только что. – не скрывая досады, сказал Слава. – Жан, иди, одевайся. Мне ещё лицо ей собирать, а уже темнеет вон. А ты. – он исподлобья взглянул на Гену. – Фартук мне дай, нарукавники нахрен не нужны, только мешают.

Гена охотно снял перчатки.

- С ног валюсь. – войдя в санитарскую спустя два часа сказал Слава и протяжно зевнул. – Вся, блядь, переломанная, как будто её не трактором, а бульдозером, нахуй, укатало. Кости, как глина, блядь, долбоёбы, детей понарожают, а кормить нормально не могут, витамины, там, ка-а-а-а-альций. – он снова протяжно зевнул.

Он устало плюхнулся в кресло. Следом за ним вошла Жанна, раскрасневшаяся, несколько растрёпанная.

- Тяжёлаядевочка. – одним словом на выдохе произнесла она.

- Родственники тяжёлые. – недовольно буркнул Слава. – В говно лицо разбито – они хотят, чтоб как при жизни была. Нет, нормально? Девочка тяжёлая. Ты сейчас как хирург говоришь.

Жанна хмыкнула:

- А что – два часа провозились, как с первым аппендицитом.

- Но собрали-то хорошо? – спросил Слава у растянувшегося на кушетке Саши. – Твоё, так сказать, постороннее мнение.

- Хорошо. – утвердительно кивнул тот. – Я б не знал, подумал бы, что она не механически умерла.

- А технически. – слабо засмеялась она. – Будешь с нами? – Жанна вынула из пакета две бутылки водки и замотанную в жирную газету закуску. – За рыбой мы всё равно уже не успеваем.

- ? – изобразил недоумение Саша.

- Да рыбу я хотела купить, красную. Помнишь?

- Она ещё подумала, что девочка из-за этого погибла. – одними краешками губ улыбнулся Слава.

- А-а, точно-точно, помню эту «красную» историю.

- Красную историю? Какой интересный оборот.

Жанна произнесла эту фразу так отстранённо и потусторонне, как если бы она произнесла её, витая над собственным телом. Вот её тело достают из пруда. А она витает над водолазами и повторяет: «красная история», «красная история»...

Саша подметил это, и что-то благодное колыхнулось в нём.

Слава тем временем разливал водку по стаканам.

- «Берёзовая». – довольно произнёс он. – Родственники передали. Генка!? – гаркнул он. – Скоро ты там!? Водка стынет!

- Кстати, о родственниках. – перебила его Жанна и, демонстративно сощурившись, протянула раскрытую ладонь мужу.

- Инквизиция, твою мать. – недовольно буркнул тот и вложил ей в руку аккуратно сложенные вдвое купюры.

- У меня всё не выходит из головы этот твой оборот, Саша. «Красная история», красная рыба, кровь на бампере тррракторра. – прорычала она и едва заметно взвизгнула.

- О-о-о, началось. Куда, тебя, мать, понесло? – недовольно протянул Слава. – Никак своёго поэтического прошлого не забудет. Всё, Жанна, вон твои стихи по каталкам лежат и в кармане, там, похрустывают. – он головой указал на карман, в который она минуту назад убрала деньги. – Ту-ту, уехал твой паровоз. – злорадствовал он, явно демонстрируя своё недовольство таким «домашним рэкетом». – Ты врач. – не унимался он. – А не поэтесса. Пора бы уже...

- Так ребята, это всё очень интересно, и мы об этом обязательно поговорим, но... – решившись, наконец, вступить за симпатичную ему Жанну, Саша широким жестом указал на налитые почти под горло стаканы.

- Всё, кончил, где штрафная? – в санитарскую ввалился Гена.

- Сашка. Прсти. Можно я тбя буду так называть?

Не прошло и полчаса, как все трое были уже изрядно пьяны.

- Угу.

- Ты, конечно, извини, из-звини. – Слава, словно лошадь, помотал головой. – Из-з-звини. Ты мутный тип. Ты тол-лк не обижайся. Ты хороший парень, но м-мутный.

- Да, Саша. – Жанна обворожительно улыбнулась. – Сколько времени уже работаешь, а никто о тебе ничего не знает.

- Я знаю! – противоестественно бурно встрял Слава.

–Саш-а у нас очень э-э-э, цен-нит жнщин. – он, как ему самому показалось, незаметно для жены, подмигнул Саше. – А щё он раньше в ражзных моргах там-м пчти по всему миру рботал. – он снова подмигнул, только теперь ещё и дублировав это движение мимикой рта.

- О-о-о, эва тебя с трёх стаканов-то разнесло. – на распев сказала Жанна, всё это время, не мигая, рассматривавшая мужа. - Слав, ты б прилёт, поспал. Чего так быстро отъехал-то? Устал?

– Тш-ш, тш-ш, нрмально всё, не перебивай. Женщины любят дерзких м-жчин. Что не боялись, что б по миру ездить не б-ялись, б-боялись, не б-ялись, в общем. А что этот морг? А Сашка во-т-т. Сашк. Давай ещё по дной выпьем и ты расссскажешь о-о-о, ну, о своих моргах.

- Да Саша расскажи о своей жизни. Это так интересно проникать в чужую жизнь, подключаться к ней.

Саша откинулся на спинку дивана и стал неспешно говорить:

- Родился я 12 апреля, года какого не скажу – секрет, в семье судебного служащего, проживал в Замоскворечье. Отец мой Николай Фёдорович хотя и окончил Костромскую семинарию и Московскую духовную академию, но работал судебным стряпчим по имущественным и коммерческим делам. Мать Любовь Ивановна в девичестве Саввина, родом была из низшего духовенства, дочь пономаря, умерла рано, мне было семь лет, оставив четверых детей.

- Какой интересный, однако у вас слог, Александр Николаевич. – моментально подтянув осанку и подстроившись под его манеру разговора, вторила Жанна.

- А я писатель. – неожиданно выпалил Саша, явно огорошив этим заявлением присутствующих.

- Правда!? – аж припрыгнула на диване Жанна. – А я тоже писала. Правда в юности и стихи.

- Стихи она! Да забудь ты уж...

- Хотите, почитаю? – Перебила мужа Жанна. – Я тогда была жутко влюблена в учителя географии, но тот оказался декадентом и вскоре покончил собой, демонстративно выкинувшись из окна. Для меня это был удар. – она таинственно помолчала. – Сколько лет уж прошло. Тогда я и начала писать стихи. Вот, послушайте, из раннего. Посвящается моему учителю.

- О-о-офф. – Слава демонстративно закрыл лицо ладонью.

Ты Блок

Ты граф

Судьбы иг-гр-рок ты

Феафафина ты моя

Бесполая утроба дня

И ночи...

Ты скот

Ты дрянь

Ты ритуальный бубен

Дрезина брошенная ты моя

Иван Иванович Зарубин.

- Недурственно. Очень недурственно. – Саша, вдруг неожиданно для себя приняв роль литературного гуру, значительно покачал головой. – У вас определённо был талант. Но талант, вы понимаете, это такой требовательный господин – ему нужно служить, как Богу. А

я вот прозой занимаюсь. Вот уже как 37 лет. Ну, обо всём по порядку. С 1965 по 1970 годы я учился в 1-ой московской гимназии, в 1970 году поступил на юридическое отделение Московского университета. В эти годы я очень увлекся театром. Знаете – Большой театр, Малый театр – сколько незабываемых часов восторга провёл я там, сколько мгновений откровения испытал! Будучи на третьем курсе университета я повздорил с одним из педагогов, он, знаете ли, утверждал, что Иисус Христос был немцем. Нет, ну вы представляете? Немцем. И это при советской власти! В общем, мне пришлось уйти из университета. Я сразу же поступил в Московский совестный суд канцелярским служащим. Основными делами в суде в то время были имущественные тяжбы между родителями и детьми. Жизнь в Замоскворечье, адвокатская практика отца, работа в суде послужила мне хорошим подспорьем по сбору сюжетов для моих произведений. Если ваш творческий путь, дорогая Жанна, начался с трагедии, то мой, как вы можете догадаться, в противоположность вашему – с комедии. Наглядевшись на полчища олухов посещавших суд, я написал комедию под названием «Свои люди – сочтемся!». В 1988 году я вступил в кружок писателей и критиков славянофильского журнала «Москвитянин» и уже через месяц стал у них предводителем. Они прозвали меня певцом «нетронутой фальшью цивилизации». Немного пафосно, но сами понимаете, какая публика – восторженные мальчишки, потерявшие от проскипидаренного кокаина головы байронисты.

- Какую интересную жизнь вы прожили Александр Николаевич. – Жанна в такт ему покачивала головой и глядела, не моргая.

- Почему же прожил. – несколько обиделся Саша. – Я ещё и издаться при жизни намерен. Или вы думали, что я всю жизнь трупы принимал? В 1991 году я попал в число постоянных сотрудников журнала «Современник» и отправился вместе с другими литераторами

в литературно-этнографическую экспедицию, которую организовало Морское министерство. Целью экспедиции было описание жизни, быта, занятий промыслом населения, которое проживает по «берегам морей, озер и рек России». Мне лично было доверено заниматься исследованием верховьев Волги. Какого только люду я там ни повидал! Жизни не хватит описать. Тогда я перестал заниматься комедией и переключился на научно исследовательскую литературу. По результатам экспедиции я напечатал статью «Путешествие по Волге от истоков до Нижнего Новгорода». В ней я, используя весь свой литературный дар, отразил быт, условия жизни и труда жителей этих мест. Параллельно я занимался сбором материалов об обычаях, нравах, языке жителей верховьев Волги. Эти материалы я планирую в максимальном объёме использовать в своём новом произведении. Названия, даже рабочего, я вам, по понятным причинам, называть не стану. Это будет луч света в тёмном царстве современной России, вот увидите. Ух, и продёрну ж я кой кого! – он в возбуждении постучал кулаком по столу.

- А личная жизнь? Александр Николаевич. Личная нам интересна.

- Личная. – Саша потемнел в лице. – Мне не хотелось бы. В нескольких словах – двух жён похоронил, четырёх сыновей, двух дочерей. И это, заметьте, в мирное время, мать твою. Об этом и пишу. Ух, и продёрну ж я!..

- А неплохая водка. – Слава озадаченно крутил перед глазами пустую бутылку. - Нужно запомнить.

- А давайте помянем девочку. – вдруг неожиданно, не в меру оживлённо произнесла Жанна. – Что мы, правда? Человек умер, а мы об искусстве. О, так сказать, великом.

- Великом немом. – вдруг, как гром средь ясного неба раздался голос Гены, что всё это время проспал. Сказал он это с таким видом, будто изрёк одиннадцатую заповедь.

Саша замер, затем на мгновение утонул в простом Генином лице, сейчас к тому же имевшим совсем не товарный вид, и тут же вынырнул из него не успев погрузиться, осознав, что Слава просто ляпнул нечто, случайно впорхнувшее к нему в голову из информационного поля.

О великом. – уже с некоторой грустью произнёс Саша. – О Кристине. О её жизни. О её смерти. Я обязательно о ней напишу. Напишу комедию, но со слезами. Обязательно со слезами. Чтобы не было смешно. За тебя Кристина, за твою маленькую жизнь и большую смерть.

- И за морг. – голос Жанны дрогнул. – За то чёрненькое и неуютное, с маковое зёрнышко, спрятанное от посторонних глаз место, где мы встретили и проводили её.

- За тебя Кристина.

- За тебя.

- За тебя, морг...

9

- А-а! – Саша сел в постели.

Свет не горел. Лишь унылое свечение уличного фонаря вырывало бледно синий треугольник на стене. Саша ощупал себя - одет. Пахнет санитарской комнатой и недавней попойкой. Глаза быстро привыкли к темноте, и он увидел неподалёку на кушетке чью-то белую плавно покачивающуюся от дыхания спину. Наверное, Жанна, подумал он, и сердце его сжалось. В голове мигом пронеслись события вчерашнего вечера. Вот они разговаривали о литературе. Я им всё рассказал. Зачем? Теперь придётся выкручиваться. Жанна читала какие-то ужасные стихи. Причём поначалу она стеснялась. А чем дальше

заходила вечеринка, тем больше она читала, даже завывала местами. Я за чем-то хлопал в ладоши и называл её «несчастно великой» и «неродившейся Никой». Она так напилась, что даже стихотворение Бродского выдала за своё. Как же завтра ей будет стыдно. Слава два раза засыпал. Потом пошёл к приятелю в БСМП за спиртом и так и не вернулся. Наверное, у него ещё выпил и заночевал там. Потом Жанна принимала два трупа с пожара, пыталась читать стихи суточникам, менты как-то тактично отсиделись в машине. Но стихи не шли, забывались, она несколько раз начинала сначала. Шутила про шашлыки. Стоп, а почему она принимала? Я сижу... машинка.

Саша так дёрнулся, что едва не развернул стол. Пустая водочная бутылка покатила и глухо ткнулась о ковровую дорожку. Машинка, ч-чёрт, она видела мою машинку. Я что-то печатал. Она с восторгом наблюдала за тем, как я работаю. Говорила, что через пятьдесят лет будет с гордостью рассказывать журналистам о том, что видела, как работает такой великий писатель. Затем в дверь позвонили, и она, опасаясь спугнуть мою музу, сама пошла к «труповозам», со словами: «Творите, творите, вам зачтётся».

У Саши на спине проступил пот. И стыдно и страшно. Воспоминания о вчерашней попойке препаратией раскрывались в его мозгу, веером. Препарацией без анестезии.

Потом был ещё один труп, я сам принимал и сам же пригласил ментов к нам, «труповозы» пили с нами водку. Я печатал. Демонстративно. Демонстративно гениально. Чтобы все видели насколько я выше. Боже, как стыдно. Я печатал. Твёрдо уверовав в то, что все в этой комнате наслаждаются моей гениальностью и красотой моего гения. Как мне после этого жить? Холодея от ужаса, Саша поводил ладонями по кровати вокруг себя. Наткнулся на что-то холодное и острое. Ощупал. То была машинка.

- Ум-м-м. – Жанна скрипуче потянулась, перевалилась на живот и часто задышала.

Саше вдруг вспомнился его первый труп: как-то, ещё во времена, когда он работал на севере, привезли мёртвую медсестру – скорая помощь попала в аварию. Молоденькая такая медсестра. Она совсем не разбилась, только сильно ударилась виском обо что-то тупое. Мурманские менты тогда, почему-то бросили её на каталку лицом вниз. Пьяные, может, были.

Саша снова взглянул на Жанну.

Похожа-то как, подумал он. Та же комплекция, те же волосы. Только на той полу ботиночки такие были, ну, такие... лоснящиеся, модные по тем временам.

Саша тихонько поднялся с дивана, подошёл к Жанне. Прислушался. Та глубоко, по-пьяному беспокойно и часто дышала. Задрал халатик и просторную юбку, Саша приспустил колготки с трусами, согнулся над ней и сильно, яростно, много, полноценно, не сдерживая себя ни на йоту, испражнился.

Ничего вам не оставил. Без сокрушения, а даже с некоторым облегчением подумал он о двух «угольках», которых привезли ночью и том третьем, которого он даже не помнил. Ничего. Вам.

Он аккуратно, чтобы не размазать, надел ей обратно трусики, образовав мешочек, колготы, юбку и полу халата решил не накидывать. Пусть попа будет читаться.

Когда уже под утро Саша проснулся, в санитарской никого не было. Окна настежь распахнуты, на столе прибрано, ковровая дорожка подметена, пахло хвойным лесом, свежестью, и крепко-крепко дезодорантом, которым санитары поливают уже готовые к выдаче

родственникам трупы, даже мусорное ведро было вынесено и застлано газетой. С улицы долетало задорное чирикание птиц и шелест листвы. Складывалось впечатление, что это всё: и сбитая трактором Кристина, и мечтавшая о красной рыбе несостоявшаяся поэтесса Жанна, и прозревший вдруг «великий немой» Гена и, наконец, два ночных «угля» и третий, не запомнившийся – просто приснились. И эту мысль, долю секунды ласкавшую мозг Саши, ужасно, механически, можно сказать, машиной разорвал холод печатной машинки, что предательски упиралась ему в плечо.

Саша схватил машинку в руки, буквально выдрал испещрённый мелкими буквами лист и впился в него глазами:

«Гроза»

«ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ»

Общественный сад на высоком берегу Волги, за Волгой сельский вид. На сцене две скамейки и несколько кустов.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ Кулигин сидит на скамье и смотрит за реку. Кудряш и Шапкин прогуливаются.

Кулигин (поет). "Среди долины ровныя, на гладкой высоте..."

(Перестает петь.) Чудеса, истинно надобно сказать, что чудеса! Кудряш! Вот, братец ты мой, пятьдесят лет я каждый день гляжу за Волгу и все наглядеться не могу.

Кудряш. А что?

Кулигин. Вид необыкновенный! Красота! Душа радуется.

Кудряш. Нешто!

Кулигин. Восторг! А ты "нешто"! Пригляделись вы либо не понимаете, какая красота в природе разлита.

Кудряш. Ну, да ведь с тобой что толковать! Ты у нас антик, химик.

Кулигин. Механик, самоучка-механик. Кудряш. Все одно.

Молчание.

Кулигин (показывает в сторону). Посмотри-ка, брат Кудряш, кто это там так руками размахивает?

Кудряш. Это? Это Дикой племянника ругает.

Кулигин. Нашел место!

Кудряш. Ему везде место. Бойтся, что ль, он кого! Достался ему на жертву Борис Григорьич, вот он на нем и ездит.

Шапкин. Уж такого-то ругателя, как у нас Савел Прокофьич, поискать еще! Ни за что человека оборвет.

Кудряш. Пронзительный мужик!

Шапкин. Хороша тоже и Кабаниха.

Кудряш. Ну, да та хоть, по крайности, все под видом благочестия, а этот как с цепи сорвался!

Шапкин. Унять-то его некому, вот он и воюет!

Кудряш. Мало у нас парней-то на мою статью, а то бы мы его озорничать-то отучили.

Шапкин. А что бы вы сделали?

Кудряш. Постращали бы хорошенько.

Шапкин. Как это?

Кудряш. Вчетвером этак, впятером в переулке где-нибудь поговорили бы с ним с глазу на глаз, так он бы шелковый сделался. А про нашу науку-то и не пикнул бы никому, только бы ходил да оглядывался.

Шапкин. Недаром он хотел тебя в солдаты-то отдать.

Кудряш. Хотел, да не отдал, так это все одно, что ничего. Не отдаст он

меня: он чует носом-то своим, что я свою голову дешево не продам. Это он вам страшен-то, а я с ним разговаривать умею.

Шапкин. Ой ли?

Кудряш. Что тут: ой ли! Я грубиян считаюсь; за что ж он меня держит? Стало быть, я ему нужен. Ну, значит, я его и не боюсь, а пуцай же он меня боится.

Шапкин. Уж будто он тебя и не ругает?

Кудряш. Как не ругать! Он без этого дышать не может. Да не спускаю и я: он слово, а я десять; плюнет, да и пойдет. Нет, уж я перед ним рабствовать не стану.

Кулигин. С него, что ль, пример брать! Лучшие уж стерпеть.

Кудряш. Ну вот, коль ты умен, так ты его прежде учливостито выучи, да потом и нас учи. Жаль, что дочери-то у него подростки, больших-то ни одной нет.

Шапкин. А то что бы?

Кудряш. Я б его уважил. Больно лих я на девок-то! Проходят Дикой и Борис, Кулигин снимает шапку.

Шапкин (Кудряшу). Отойдем к сторонке: еще привяжется, пожалуй.

Отходят.

ЯВЛЕНИЕ В

Лисья бухта

*Вспомнилось мне прошлое, и вдруг мои плечи задрожали,
голова склонилась, и я горько заплакала. Мне стало невыносимо
жаль самоё себя и этого человека и страстно захотелось того,
что прошло и в чем теперь отказывает нам жизнь.*

(А.П.Чехов)

пососи мне

Лиза разомкнула веки. Напряжённо вгляделась в темноту тесной, аккуратно обставленной комнатки. Что-то потревожило её сон, но что... Перевела взгляд на палевую в точечках штору. Та смугло

подсвечивалась, то ли луной, то ли торчащими вдоль дороги фонарными столбами, то ли редкими в этот поздний час проносящимися по шоссе автомобилями. Лиза постаралась понять, что её разбудило. Точно не сон – снился шеф, пухлый нетребовательный добряк, он часто являлся ей в образе мамы. Лиза напрягла сонный мозг – завтра, точнее уже сегодня выходной, суббота, за ней воскресенье, значит тоже выходной... хорошо. Можно смело спать дальше. Рядом, уткнувшись носом в стенку, посапывает Сашка, му-у-уж, уже полтора месяца как му-у-уж. Именно му-у-уж. Смешной такой... Но что же всё-таки?..

- А! – Лиза непроизвольно дёрнулась, жар стыда залил её.

В комнате несносно пахло калом.

Лиза окончательно проснулась. Теперь стало уже совершенно ясным, что потревожило её сон. А Сашка спит. Смешной... Лиза принялась. Пахло крепко, даже не пахло, а... воняло, воняло прямо здесь в комнате, даже больше того – в кровати. Лиза, холодея от ужаса, потрогала себя в промежности. Сухо. С последней надеждой глянула на окно – фрамуга была плотно заперта.

- Саш. – незаметно для себя она тронула мужа за плечо.

- М-м-м. – Саша нехотя перевалился на спину и, как и минуту назад Лиза, дёрнулся, сжал ноги и замер.

Уже десять минут, как Лиза, молча сидя в постели, глядела в ковёр на стене. Она уже пожалела, что разбудила Сашу. Уже мысленно избивала себя за это. Насекомым роем кружились в голове простейшие схемы того, как могли разворачиваться события, не сотвори она такой глупости. Она ведь могла просто выйти в ванную, громко включить воду, благо смеситель ревет как раненый лев, Сашка бы проснулся, заметил бы, что обо... боже, что, ну, что наделал в кровать, выбросил бы простынь в окно, а потом что-нибудь соврал. Хотя и этого бы не пришлось делать – Лиза сделала бы вид, что ничего не заметила. Или

пошла бы на кухню, ну, дескать, перекусить. А Сашка бы тем временем замочил бы простынь, побрызгал бы в комнате освежителем, подмылся и, как ни в чём не бывало, пришёл бы к ней на кухню. А что бы успело выветриться, они бы устроили миленький ночной ужин, который, чего греха таить мог бы даже плавно перерасти в секс. «Бы». Коварное и несбыточное уже «бы».

Но... сейчас всё было кончено. Сашка лежал, словно солдат на плацу – по струнке, не моргал и, скорее всего, умирал со стыда.

- Саш. – как можно нежнее произнесла Лиза. – Ну, чего ты?

Тот молчал.

- Са-аш. Это ерунда.

- Не ерунда. – не задумываясь отчеканил он.

- Ну, помнишь, я пукнула, ну, тогда на карусели. Ну, помнишь?

- Не помню.

- Са-аш. – склонилась над его лбом Лиза. – Ну, это такая ерунда с каждым может...

- Мне не пять лет.

-Ну, что теперь вешаться что ли!? – Лиза нервно ткнула его кулачком в грудь. – Я когда в пионерском лагере была, тоже так. Так воспитательница тогда всё с юмором так, и девочки... ну, похихикали и всё. А то уже десятый класс был. Давай-ка лучше я всё уберу.

Лиза стала стаскивать с него одеяло.

- Я сам. Уйди, уйди в кухню. – вцепился в одеяло Саша.

- Сашка! Ну, прекрати. – Лиза делано рассмеялась. – Ну, не вредничай же.

Разжав мужнину хватку, она сбросила одеяло на пол.

- Где тут у тебя? – Лиза пошарила рукой по простыне. – Да тут совсем ерунда, вот я в лагере навалила. – она снова рассмеялась. – Хорошо, что ты ещё без трусов. А я – дура, новенькие кружевные нацепила, родители на день рождения комплект подарили. И я так

хотела его обновить, что в новых трусиках спать легла. Потом запах раз на пятый только отстирался.

- Зачем ты мне это рассказываешь!? – вспылил Саша.

- Нужно свет зажечь. – словно бы не услышала его Лиза. – Хм. Включи ты, я уже руку вымазала.

- А тебе в правду не противно? – Саша дотянулся до торшера, повернул выключатель.

- Хм. – Лиза уставилась на охристое жидкое пятно. – На песок похоже. – она сморщила бровки, словно бы задумалась о чём-то крайне серьёзном. – Морской. Мокрый. А, что ты сказал?

- Тебе в правду не противно? – Саша поджал под себя ноги, опёрся о стенку.

- Это же твоё, а я тебя люблю и люблю всё твоё, глупышка. Ты, лучше, смотри, и вправду на песок похоже. – она размазала ладошкой жижу по простыни. – Точь-в-точь как в Лисьей бухте. Ну, ведь так?

Саша всё ещё смущённо усмехнулся и внимательно всмотрелся в свой кал.

- Только моря не хватает. – ёрно произнёс он.

- А вот и хватает. – задорно подхватила Лиза, вскочила на корточки, ловким движением задрала ночную рубашку и стала мочиться рядом с жижей.

- Что ты делаешь?! Лиза! Какого чёрта!? – Саша испуганно следил за действиями жены.

- Море, смотри теперь и море есть. – Лиза ладошкой подгрестила кал к моментально впитавшейся в простынь жёлтой лужице. – Прямо как тогда в Лисьей бухте.

Тут простыня окончательно пропиталась, и сквозь её девственный хлопок проступил синий в неровные полосы велюр дивана.

- Смотри – оно синее. Ш-ш-ш. ш-ш-ш. – Лиза прижалась щекой к мокрому пятну. – Помню, всё помню. Ш-ш-ш-ш... Помню, Саша,

каждый твой стон, каждое слово. Ка-ак в первый раз сказал : «Пососи мне». Ш-ш-ш... Как покраснелся сразу. А-аха-ха. – она залилась смехом. – Да ты и сейчас пунцовый. Стыднуля мой. Пососи мне, пососи мне, пососи мне пососимнепососимнепососимне...

Саша спрятал лицо ладонями.

Помнил и он, помнил всё и даже больше. Десять сахарных дней медового месяца. Десять медовых долей сахарной дыни. Пососи мне. Как заклинание. Как мантра. Пососимне. Черноморский залив Лисья бухта. Нереально ультрамариновая вода. Влажный шелест её. Стенание волн. Стенания альбатросов. Влажный Лизин шёпот. Пососи мне.

Саша не заметил, как коснулся Лизиного бедра, сдавил упругую кожу, ощутил жар мощной молодой плоти скрывавшейся под ней. Не двигая ничем, кроме руки он рывком задрал ночную рубашку до лопаток. Лиза прогнула спинку. Встала «кошечкой». Коленки её и локти привычно упёрлись в мягкость дивана.

- По-по-по. – шептал Саша, всовывая член в раскрывшееся влагалище.

- По. – замерла Лиза, чувствуя как член медленно приближается к матке.

- По-по. – словно в бреду бормотал Саша.

- Пососи мне. – выдохнула Лиза и, не отдавая себе отчёта, окунула лицо в жижу.

какое далёкое детское чувство...

Проснулись они далеко за полдень. Лиза лежала на боку, прикрыв лицо руками – она часто так делала. Мятая, в прозрачных охристых разводах рубашка по-прежнему оставалась задранной до лопаток.

Круглая белая без единой морщины попа, осиная талия, лёгкий едва уловимый пушок у крестца. Саше нравилась фигура жены, можно даже сказать, что фигура это первое что бросилось ему в глаза в первые секунды знакомства, затем были неприлично розовые щёчки, серые распахнутые на всё лицо глаза, вздёрнутый носик и, конечно же, голос – задорный, словно бы готовый каждую секунду пуститься в пляс.

Среднего роста, в чём-то даже миниатюрная, но одновременно и крепкая – Лиза в школьные годы занималась чем-то вроде спортивного ориентирования. А если Лиза принимала душ, Саша всякий раз вспоминал Эдгара Дэга и его знаменитое полотно «Женщина с кувшином». Её грация, белизна кожи, достойная каррарского мрамора, скрытая сила – всё потрясало Сашу.

В комнате стойко пахло их вчерашним, таким неожиданным приключением. Саша потрогал простыни – те были перепачканы, но сухи.

- Лиз. – шепнул он, вдруг испугавшись ждать пробуждения жены.

Словно бы он мальчик, затаил двойку в дневнике и жаждет побыстрее показать её строгой маме. Раньше мама узнает – раньше закончится наказание.

Лиза, закряхтев, перевалилась на другой бок, лениво потянулась.

- Хм. – сонно усмехнулась она и покрутила в пальчиках засохшую калом прядь. Правая щека её так же оказалась перепачканной. – Ты смотришь на меня? – скупоче произнесла она, не открывая глаз. – А-а? Признавайся. Ты смотришь на меня. – она за чем-то потрогала свою грудь, словно бы взвешивая её. – Мне снова снился этот Иван Иванович, и снова он был моей мамой и снова водил меня на карусели. Сон, конечно, хороший, но он начинает мне надоедать. Надо будет к психологу сходить. У нас на заводе есть психолог. Нормальный мужик, говорят... Са-а-аш.

- Ум?

- Саш, я хочу. – она вяло рассмеялась, по-прежнему оставляя глаза закрытыми. – У меня сейчас такое странное состояние. Я словно бы не отпускаю сон. Легонько так его держу. Я даже сейчас себя кем-то другим ощущаю. Я точно знаю, что у меня русые прямые волосы, ниже попы, о каких я мечтала в одиннадцатом классе. Прямо не знаю, откуда такая мечта взялась. Я просто бредила этими волосами. Са-аш.

Лиза нащупала член, легонько его погладила.

Саше нравился голос жены, а особенно в моменты пробуждения, нравилось, как она говорила, словно бы поскрипывая, иногда растягивая гласные.

- Ни-иче-его се-ебе. – растянула слова Лиза, как раз так, как он любил. – Так у нас тут полная боевая готовность. – она крепко обхватила окрепший уже член ладонью и резко задрочила, «в ладошку».

Подожди, подожди. – часто задышал Саша. – Я в туалет сбегая. – рванулся было он.

- Стой.– Лиза открыла глаза. Те сверкали таким огоньком, какого Саша доселе в глазах жены не наблюдал. – Давай здесь. Давай! – едва не взвизгнула она.

Саша замер в нерешительности.

- Ну же!

- .

- Ну!!!

- Стесняюсь. – скривился Саша. – Н-не получается.

- А ты не стесняйся. – порочно и решительно произнесла Лиза, приблизилась к члену мужа и взяла рот. Нежно облизала его.

Член стал обмякать, Саша задрожал, схватился за борт кровати, Лиза издала какой-то утробный звук и моча брызнула ей в рот.

- А-а-а. – закричал Саша – семя вышло тут же, вслед за мочой. – Какого чёрта!? А-аэ-э!!! К-как... Как-кого чёрта!? – прерывисто дыша, кричал он.

- Хорошо. Хорошо. – словно в бреду бормотала Лиза глотая.

Повалившись на кровати, Саша вцепился в волосы жене, которая в порыве неконтролируемой страсти припала к его губам.

- Са-а-ашка, Са-ашка, мой Са-ашка. – скулила она. – Хорошо-о...

Не веря в происходящее, Саша бешено вдыхал аромат своей парной мочи, своей спермы, что вытекала сейчас изо рта жены прямо ему на язык, вдыхал аромат вчерашнего кала, сегодняшнего пота, его несло в копро карусели по копро рельсам в копро коляске, «с тычками», в маленькой коляске, коляске над которой звенят-переливаются погремушки, время от времени возникает огромное в красных губах лицо мамы, появляется просто гигантская и оттого невероятно желанная сильная и всемогущая рука её, обжигающая ягодицы горячая моча, жидкий младенческий кал, и снова звон погремушки, уже другой, уже любимой. Уже отобранной из всех остальных, такой с жёлтым ободком и глухим тяжёлым звуком. Дбгху-дбгху. Словно в колокол бьют. Где-то там, на краю земли...

Очнулся Саша от собственного крика. Лиза спала спиной к нему, между ног её расплывалась бесцветная лужица.

какое далёкое детское чувство. Тёплая моча струится между стиснутых ног сон с-о-о-он из самых недр детства из самой утробы

палка говна

- Что ты делаешь?

Лиза стояла в дверях с подносом в руках и смотрела, как Саша сворачивает простынь.

- В стирку... д-думаю.

- Оставь. – нежно произнесла она. Поставила поднос с завтраком на край кровати. - Пускай пока так остаётся. Мне нравится, как она пахнет. Она пахнет тобой и мной. На-а-ми... - молитвенно выдохнула она.

Саша устало посмотрел на жену, казалось, на секунду замешкался, но тут же даже с некоторым рвением, так словно бы только и делал, что ждал приказания, расправил простыню обратно.

- Глу-упенький. – Лиза прильнула к Саше. – Ты мой му-уж. Мой Любимый Му-уж. Помнишь. – она указала на бледное рыженькое пятнышко посреди простыни. – Это наш первый раз.

Саша сдержанно усмехнулся:

- А это ты р-разбавила.

Они рассмеялись, глядя на зеленоватые разводы мочи.

- Девственность наша сокра-а-альная. – пропела Лиза.

– А вот и поддала. – Саша указал на маленькое с видеокассету буро-коричневое пятнышко.

- Пастозно, пастозно. – с интонацией профессора произнесла Лиза и поправила воображаемые очки.

- Сразу видно, недаром в художественную школу ходила. Талант на лицо.

- На простыню. Аха-х-аха.

Саша с нескрываемым восхищением посмотрел на жену.

- Кстати. – Лиза заговорщески сощурила глазки, приподняв указательным пальцем Сашин подбородок. – На лицо.

Они встретились глазами.

- На лицо. – причмокнул тот.

- Прямо сейчас. А?... – Лизины глаза горели азартом.

Саша вопросительно скривился.

- Рассольник, пюре с морской капустой, куриная котлета – две, м-м-м, полторы...

Пока Лиза перечисляла блюда, что она ела вчера, будучи в гостях у приболевшей бабушки, Саша опустил поднос на пол, ближе к середине комнаты, расставил приборы с едой по правую и левую стороны от подноса на расстоянии, примерно, двадцати пяти-тридцати сантиметров и лёг головой на поднос, лицом вниз.

- ... салат из крабовых палочек, персиковое варенье, гуляш, торт «кучерявый мальчик», компот из сухофруктов.

- Саша истошно замычал.

- Пирог лимонник, варенье смородиновое...

Проговаривая меню, Лиза неспешно срала ему на затылок. Срала, помогая себе руками. Срала, размазывая парной, источающий сок кал себе по лицу, коленям, груди. Встав в позу отдалённо напоминавшую мостик, она взяла с тарелки банан, аккуратно неглубоко ввела его себе в ещё не успевший закрыться анус. Уткнулась его мягким кончиком в сужение и... замерла. Видела она внутренним зрением, как сопротивляется кольцо сужения, как нежными стенками своими обнимает кишка податливое тельце банана, как готовится к прыжку её каловый монстр. Мучительно долго и одновременно сладостно бесконечно сопротивляясь позыву, она, наконец, вытолкнула из себя новой порцией кала «начало своё и конец», очистилась и преобразилась в ангела небесного, непорочного и вечного. Фрикция – и кал рванулся в мир необузданной прозой акефала, фрикция – и рухнул он школьником с высоты на газон, фрикция – и кровью девственницы обогрил он жертвенную траву выпускного вечера. Кровьспермакал!

Песня – и Лиза откусила испачканный кончик анального банана.

- Копчёная куриная ножка, горошек, соус «серый», мороженое...

- Умр-р-р-р. – неистово рычал Саша, молотя руками в пол.

- Насри в меня. – Лиза размазывала кал ему по затылку задом.

- Насру в тебя! – прокричал в поднос Саша. – Насру в тебя!!! – он лежал без движения, словно бы изготавливаясь к важному прыжку, а вопль его больше походил на молитвенное вопрошение, нежели на призыв о дефекации. – Насру в тебя! Насру в тебя.

Лиза затаилась в ожидании.

- Насру в тебя! – издал, наконец, последний, показавшийся особенно жалким выкрик Саша и приспустил трико.

Приподнял попку. Лбом упёрся в поднос. Создал дугу.

Лиза, обхватив его бока руками и прижавшись животиком к спине его, припала ртом к анусу. Получилась некая невиданная доселе вариация позы 69. Первыми из Сашиного зада вышли газы, сладкие, гнилостные.

- Суп харчо, хлеб с отрубями, шпроты, вермишель, томатная паста...

- Затирка, зелень, перчик красный, какао, гренки, сырок плавленый. Я ведь готовила. Я готовила для тебя пищу. А ты приготовил для меня наслаждение.

Саша снова выпустил газ. Лиза втянула ноздрями аромат, тот стал ещё слаще, слаще любви и оргазма, легла на спину мужу поудобнее, распласталась, развела ему ягодицы и стала наблюдать. После нескольких конвульсивных волнообразных движений сфинктер Саши выгнулся, образовав нечто вроде кожаной горки, замер в таком состоянии и стал плавно раскрываться, края его делались тонкими, проступили венки. Мышца всё раскрывалась под давлением, как казалось Лизе чего-то грандиозного, всё выразительнее становился Сашин кожаный бугор. И вот показался острый, похожий на банановый, кончик кала. Лиза склонилась к нему на расстояние

нескольких сантиметров. Она сразу заметила некоторую странность – кончик был насыщенно тёмно-коричневый и, на ощупь, очень твёрдый, противоестественно твёрдый. Лизе подумалось, что если бы Саше вздумалось посрать в трусы где-нибудь в общественном месте, например в метро, то он, несомненно, проткнул бы себе трусы и штаны, и все увидели бы его палку говна. Мутнеющими от возбуждения глазами видела она, как завождедали бы Сашу все, моего Сашу, завизжали бы от возбуждения и припали бы к палке трепещущими губами, к палке моего Саши, как к руке владыки с покаянными слезами и мольбами припали бы и брали бы её в рот и сосали. И зачалась бы драка и бесчинства. Бесчинство в метро, бесчинство в школе, бесчинство в маминой кровати, бесчинство в кровати бабушки, бесчинство в голове юной учительницы, пожилого педагога, бесчинство в прокладке, бесчинство в зачётке, бесчинство в аттестате зрелости, бесчинство в коляске с младенцем, во младенце бесчинство в метро молодого педагога кровати ба

Каловая палка всё выдвигалась из ануса Саши. Она уже сделалась длиной с член. Саша стонал. Как самая настоящая женщина стонал.

- Она уже больше чем член. – прошептала Лиза.

- Что? – сквозь стоны выдавил Саша.

- Она уже больше чем член. Он. Он уже больше чем член. Больше чем член. Что может быть больше чем член. – Лиза рывками облизывала всё выпрастывающийся наружу кал. – Больше чем член. – словно заклинание бубнила она. – Он уже как два члена. Больше чем член может быть только два члена, три члена, четыре члена, сто сорок четыре члена. Говно может быть больше члена. Я обожаю твоё говно, Сашка. Ты слышишь, Сашка! Я! Обожаю! Твоё! Говно!

Лиза уже спрыгнула с Сашиной спины и, сев на коленки сосала торчавший из зада кал. Она сосала его словно член, даже несколько раз, забывшись, пыталась отодвинуть воображаемую крайнюю плоть с

воображаемой головки. Когда кал, наконец, выпал, Лиза схватила его, перевалилась на спину и ввела себе во влагалище. Неожиданно Саша ухватил её за бока, буквально водрузил на диван раком, выхватил из рук её свой кал, в остервенении бросил его о стену, как врага, встал раком сам, анусом пристроился к влагалищу жены и стал снова миллиметр за миллиметром выдавливать каловую палку. Кал плавно погрузился Лизе во влагалище,

неспешно раскрыл стенки преддверия

заполнил «карман желания»

уткнулся в матку

обволок её

оплодотворил её говном

В полузабытьи Лиза уже видела, как напишет заявление, по собственному желанию, как Иван Иванович не станет его подписывать, поскольку совершенно серьёзно уверен в том, что уже совсем скоро ему удастся затащить Лизу к себе в постель, как всё-таки уволившись, Лиза сделает визиты ко всем своим родственникам и друзьям, как закончит все свои земные дела с одной лишь целью – запереться в этой комнате с Сашкой и трахаться с его говном ВЕЧНО. Вечновечновечновечновечно трахатьсятрахатьсятрахаться

- Сашка, что это было?..

Лиза лежала на ковре в полуобморочном состоянии, в ладони её хранилось то, что осталось от Сашиного говна, когда тот вырвал его у неё из рук и бросил в стену, влагалище, рот, волосы... всё было перепачкано испражнениями.

- Ты кричала. – увлечённо и сбивчиво тараторил Саша. – Я никогда не слышал, что бы ты так кричала.

- Сашка, что ты ел? – немо одними губами, но железно твёрдо вдруг произнесла Лиза. Словно бы она пронесла этот вопрос через всю свою жизнь, как генная мудрость полученная дочерью от матери, и вот именно сейчас настало время озвучить его, этот вопрос, чтобы разрешилось нечто вечное. – Ответь мне только на один единственный земной вопрос – что ты ел?

- Суп харчо, хлеб с отрубями, шпроты, вермишель, томатная паста, затирка, зелень, перчик красный, какао, гренки, сырок плавленый.

- Мы часто это едим. – Лиза нахмурила бровки. – Я хочу понять, как твой кал смог превратиться из «жидкой дряни» в «моего господина». Вспомни, может, ты ел что-нибудь ещё? Кроме этого.

- Вспомнил.

Лизу тряхнуло от этих слов, как от удара лопатой.

- Что с тобой? – Саша испуганно посмотрел на жену.

- Говориговори. – судорожно скороговоркой выпалила она.

- Хлеб. – Саша не сводил глаз с жены. – Я ночью ел хлеб. Полбуханки съел. Ржаной, тёплый ещё. Ты тогда принесла из магазина очень свежий хлеб. Ночью мне захотелось есть, я пошёл на кухню и...

- Подай мне с тумбочки телефон. – не дослушав, перебила его Лиза.

- Что ты собираешься делать? – испугался Саша.

- Вызову такси. Мы едем на хлебозавод.

хлеб

- Саш? В чём дело?

Лиза стояла в дверях с подносом в руках. Обнажённая и коричневая. На наголо бритой голове её лежала, словно порция крем-брюле, давно засохшая куча говна. На подносе – хлеб. Заполняя и дробя пространство комнатки, словно бы рассыпанный на простынь мак, мерно жужжали навозные мухи. Это жужжание напоминало

урчание холодильника. Лиза тихо прошла к тумбочке, поставила поднос.

- Саш?

Саша сидел на краю кровати со сложенной конвертом простынёй на коленях.

- У нас мухи. – как-то немо произнёс он, проследив взглядом за полётом одной особенно безобразно жирной особи.

- Они наши друзья. – Лиза глупо пожала плечами и пусто добавила. – Летают.

- У тебя говно на голове. – Сашин взгляд застыл где-то на полпути от кровати к двери. Там не было абсолютно ничего. Заваленная мухами и вонью пустота.

- А у тебя – в прямой кишке... а ещё в тонкой. И в сигмовидной и в желудке и в лёгких и в сердце...

- И в голове. – устало улыбнулся Саша.

- Нет, Саша – на голове. Беда, если ты этого не понимаешь.

- А ты знаешь. – поле долгого молчания произнёс он. – Что таракан может жить без головы несколько недель, а умирает... от голода.

Саша вяло обвёл комнату взглядом: три слоя штор на заваленном книгами окне, шторы покрывали друг друга настом, так плотно, что у дневного света не оставалось ни единого шанса, чтобы проникнуть в это Царство Уныния и Вонь, заросший калом сервант, больше походивший на горную породу, чем на предмет мебели, он лежал на полу, фанерной спинкой покрывая проссанный ковёр – этот «секс-узел» в семье Красницких носил название «подвальчики», рядом с сервантом много хаотично топорщащихся клеёнок, вёдер и тазов, шлангов, полотенец, клизм, грелок – всё бесконечно испачкано,

снова эта безобразно жуткая муха, летит, мух много, но эта особая, сумевшая вырасти лишь в этой семье, в этой удивительной семье. В. Нашей. Семье.

- Хм. – усмехнулся Саша нечаянно посетившей его мысли.

Прямо, муха-урод.

Возле кровати – тумбочка, но тумбочка не обычная – это «сексузел» под названием «мама-папа туалет», в крышке тумбочки лобзиком выпиленная дырка, как в деревенских выгребных туалетах, створка снята, а внутреннее пространство обито бежевым от бесконечных испражнений матрасом с миниатюрной подушечкой под ним, чтобы за долгие часы лежания в тесном пространстве «туалета» не затекала шея, кровать кишела червями, которых не было видно под простынёй, но было слышно и даже ощутимо. Особенно по ночам. Они толкались. Дальше голая в седых обоях стена. Сваленная скирдой гора заплесневелого хлеба. Снова Лиза. Безликая. Куча засохшего говна на её гладко выбритой голове. Поднос. Взгляд у неё такой... тревожный. Саша зачем-то погладил аккуратно сложенную простыню у себя на коленях.

Как собаку. Как мёртвого друга и спасителя.

- Лиз. – тихо сказал он.

- Да, милый.

- А сколько сейчас времени?

Лиза усмехнулась.

- Когда я выглядывала за штору, там было темно. Непонятно только рассветно темно или закатно... почему-то мне кажется, что закатно.

- А день?

Лиза глупо пожала плечами.

- Мне кажется, мы уже месяц не выходили из квартиры. В последний раз вон за этим. – Саша кивком головы указал на грудку заплесневелого хлеба сваленного в углу комнаты.

- А мне кажется, за хлебом ты ходил месяцев шесть назад. Погляди, какая у тебя борода вымахала.

Саша ощупал бороду.

- Действительно – шесть. А-а... как оно у тебя держится? – он так же, кивком, указал Лизе на голову.

- Что?

- Ну, говно. Как?

Лиза потрясла головой. Усмехнулась.

- Я уже даже не замечаю. – она аккуратно коснулась пальцами кучи.

– Присохло, видимо. Что с тобой, Сашка? Ты пугаешь меня.

- Й-я п-побреюсь, д-да?

з.д.

Саша проснулся от крика. Кричала Лиза. Ужасно кричала, взхлёб. Ей больше не снился Иван Иванович. Всё чаще с недавних пор ей снилась война. Это всё Михалков виноват, шутила она. Наснимает жести, а ты живи потом с этим – она имела в виду продолжение фильма «Утомлённые солнцем». Как посмотрела, так и стала кричать. Саша незаметно поцеловал её в плечо. Редкие чёрные топорщащиеся ёжиком волосы с трудом скрывали гнойники и нарывы, воспалённые превратившиеся в шарики мочки – жёлтые, даже почти зелёные, веки, крылья носа, уголки губ, смешная в одуванчиках пижама – Сашина мама подарила, – казалось, вросла Лизе в кожу, черви, личинки, мухи, мокрицы – это давно уже перестало беспокоить супругов. Ножки поджаты, бурые в сукровице ладони, как эхо из прошлого трогательно прикрывают лицо.

- А-а! Ввыы!!!

Лиза на секунду замерла и снова закричала.

Саша осторожно, чтобы не скрипнуть кроватью потянулся, потёр глаза. Комнату беспощадно заливал рябой осенний свет. Утро. Новое. Нескончаемое. Впереди распад и вечность. Саша проскользил глазами по седой стене, той, что прерывалась окном, таким манящим и

одновременно пугающим, по другой стене, с дверным проёмом, у которой раньше стоял «секс-узел» под названием «подвальчики» и, бывший некогда тумбочкой, «секс-узел» – «папа-мама туалет», чёрно-сизая гора плесени и тараканов вместо хлеба, кое-где из кучи проглядывали островки штор

вонь

смрад

газовая копоть

слизь

насекомый гул

Лисья бухта, подумал Саша и сходил под себя поносом. Вспомнилось ему, как два года назад в своё свадебное путешествие отправились они с Лизой в Крым. В Лисью бухту.

Саша незаметно для себя прижался лбом к затылку Лизы.

Удивительнейшее место. Удивительной чистоты и литературной глубины. Саша тогда первый год отработал на кафедре русской классической литературы и славистики Литературном институте им. Горького и жутко был увлечён Чеховым. И всё он видел, словно бы через его пенсне, его глазами, его истинами. «Погода была великолепная», - вспоминал он нетленные строки, глядя на необъятную, словно бы зажатую с двух сторон марину бухты. – «но на обратном пути слышались раскаты грома, и мы увидели сердитую чёрную тучу, которая шла прямо на нас. Туча приближалась к нам, а мы к ней».

- У-у-у-у! В-в-в-в. – жутко закричала Лиза, так и не проснувшись, и заплакала.

Слёзный комок подступил Саше к горлу. Ядерные те дни с новой силой атаковали память. Неопишуемой ядерной чистоты дни.

- Точь-в-точь как у Антона Палыча. – с восхищением говорил он тогда Лизе, указывая на гигантскую бесконечно высокую тучу. Прекрасной Лизе, хрупкой и прозрачной, как хрусталь.

«Но вот по ржи и по овсяному полю пробежала первая волна, рванул ветер, и в воздухе закружилась пыль. Петр Сергеич рассмеялся и пришпорил лошадь».

- Лошадь! – крикнул я тогда в тучу, и эхо разбило мою лошадь на десятки долей.

-Какая лошадь? Сашка ты о чём?

- Чеховская! Чеховская лошадь, Лизочка! Не лошадь – движение души. Хорошо-о-о!!! Хорошо-о-о!! – вопил тогда он и наслаждался собственным восторгом.

А туча тем временем накрыла бухту и гроыхнула.

Лиза взвизгнула.

«Я, заражённая его веселостью». – продолжал декламировать он. – «и от мысли, что сейчас промокну до костей и могу быть убита молнией, тоже стала смеяться».

- Сашка, и в правду страшно. – Лиза прижалась к его плечу.

Эта стихия, рождение катастрофы, когда задыхаешься от разрежённости воздуха, чувствуешь себя пылинкой, которую в любую секунду может подхватить вечность и забросить в самый дальний свой мир

«волнуют и щекочут грудь».

- Сашка, пойдём. – прохныкала Лиза испуганно и одновременно заморожено глядя в небо.

Саша ещё тогда понял, что этот взгляд останется с ним на всю жизнь. Всю его оставшуюся... жизнь. В нём было всё: юность, неопытность, трепет, страх и одновременно ожидание катастрофы – то, за что он и полюбил. Полюбил Лизу. Лизу. Этот удивительный хрусталь.

Саша понимал, что Лиза глядела тогда не на тучу, и не в тучу, с затаившимися там тоннами воды, а сквозь, через километры влаги, через невесомый разряжённый до состояния Света воздух... на Солнце; в надежде, что оно обязательно победит, прорвёт тучу и разразится, словно в детском рисунке золотым дождём.

- Золотым дождём. – плакал Саша.

Он больше не боялся разбудить Лизу, она кричала всё сильнее, заходясь, словно бы чувствуя, что именно сейчас именно в эти секунды рушится их Мир, беспощадно рассыпается морским песком, превращается в радугу или в пустынный мираж, что ещё мгновение, и прольётся она этим пресловутым золотым дождём, разломается на доли забредшим в южные воды айсбергом, чайкой попадёт меж бортов.

Попала чайка меж бортами,
Меж кранцами и бурунами...

Боже, сколько же в ней было моря и солнца! Десять дней. Десять вечностей! Бесконечность моря и солнца и песка и чаек и... бескрайние южные воды... Южные воды их с Сашей Лисьей бухты...

- А-а-аа-! Уввввы! – редела Лиза, мечась по кровати.

Саша обхватил её голову руками, с хрустом рванул на себя, прижался взбухшими губами, всем собой прижался! к холодному липкому лбу.

Противоестественно явно увидел он в это мгновение голубые купола крымских гор, незатейливые нити троп, рябь кустарника, огненную полосу горизонта на краю мира, песок и... тот самый, тот единственный и ядерный, как первая кровь, золотой дождь

з.д. в грозном небе над Лисьей бухтой.

Умирающей рыбы
Разинут рот,
Словно в ужасе
орёт.

В руках трепещется,
Бьёт хвостом
Чешуйки блещутся,
Хватает ртом.

А если б рыба
Могла кричать?
Немая глыба
На помощь звать?

То рвались тралы бы
Об этот крик.
И может жалости
Пришёл к нам миг...

(Александр Красницкий)

Коричневый мальчик

Какой садовод ни мечтает иметь у себя в саду яблоню, которая бы не боялась трескучих морозов, морозобоин, солнечных ожогов, падучей. Для этого у яблони должны быть мощная зимостойкая корневая система и крепкий скелет-ствол с основными скелетными ветвями. Я в сотый раз окинул взглядом свою «сибирку», свою красавицу. Невысокая она у меня, разлапистая, зайти я в чужой сад – не обратил бы и внимания. Ан нет – у меня она на своём месте,

коронном. Слева от неё сидит пучками и собирает солнце кустарник жимолоти, справа – юная грушка-«бере», причём на ценнике так и было написано с маленькой буквы – «бере», в прошлый сезон купил её на стихийном рынке, о чём сразу же и пожалел – ведь знал что саженцы надёжнее брать в питомнике. А позади, ежели от входа глядеть, притаился хмурый орех. Хмурым я его именую за неуживчивость. В каких только углах моего сада не пожил он – всё недоволен. А вот с яблонькой подружился, не даром что породистая!

Налюбовавшись, я притянул стремянку, пристроил её под свою «сибирку» и, перекинув ведро за шею, нырнул в крону. Плоды засеменили у меня перед глазами.

Тут у меня за спиной раздался пронзительный шелест. Я тут же подумал о попавшей между бортами чайке, привет из романтического литературного прошлого – Новиков-Прибой, Стивенсон, Жюль-Верн... Страшная бурая картина обогрившегося каплей крови океана предстала перед глазами бородатой матерью. Шелест прервался тупым шлепком в траве. Я осмотрелся – прямо у ствола яблони лежал новенький футбольный мяч. Новенький... Не такой, каким я гордился в детстве – белый с чёрными, несколько взбухшими ромбиками, а серебристый, гладкий с ровными стильными надписями.

- Простите.

Услышал я тихий писк у калитки.

- Простите, пожалуйста. Он случайно залетел.

У калитки стоял мальчик лет двенадцати. Смуглый, белобрысый с пышными выгоревшими ресницами, массивными коленями на тощих телячьих ножках, на шее поблёскивала дешёвая цепочка с распятым – идеальный. Я посмотрел на мяч, затем снова на него. Его белёсая свежая футболка буквально таяла в белизне увивавшего забор климатиса, оставляя лишь безумно голубые огромные *на всё лицо* глаза.

- Входи. – сказал я и стал аккуратно спускаться по разболтанной стремянке.

Мальчик, видимо, очень воспитанный мальчик, оставался стоять у калитки.

- Да входи же. – я как мог дружелюбно улыбнулся, где то в глубине головы тут же вспомнив, что улыбка – это эквивалент оскала животного – я показываю тебе свои клыки, мальчик, я сильный, я не боюсь тебя. – Входи, не бойся. Там открыто.

Он с трудом отворил калитку и подошёл к стремянке.

- Ну-ка прими. – я подал ему ведро с яблоками. – Ставь на землю. Только аккуратно, присядь. Не нагибайся, можешь порвать спину. Порвать спину – как звучит. – сам себе сказал я и улыбнулся, теперь уже непроизвольно.

- Мы там в футбол играем. – неожиданно бойко сказал он, и я тут же до боли в груди увидел *какой же он ещё мальчик.* Мальчикмальчикмальчик.

– Славка сильно ударил, а он. – он указал на мяч, почему-то всё ещё не решаясь его взять. – Рикошетом от штанги, потом в берёзу и к в-вам. – он запнулся, заметив, что я его рассматриваю.

- У меня есть водка. – сказал я как можно небрежнее. – Бери же мяч. Чего тушуешься? Вы долго ещё будете играть?

- Арту-у-ур! – послышался крик из-за забора.

- Твой?

- Ага. – кивнул Артур. – Зовут.

- А долго?.. – я кивнул за забор.

- Это мячик Сашки Андросова, он болеет, и его мать всегда в обед спать укладывает.

- Э-э-э, значит, через час?

- ?

- Приходи, как доиграете. Я тебя водкой угощать буду.

Артур взял мяч и, не прощаясь, вышел.

Пришёл он только через четыре часа, когда я в пятый раз уже совсем перестал его ждать. Он вошёл сразу же, не мешкаясь у калитки. Даже как-то истерично. Так входит молодая женщина к своему любовнику – опально, трепеща лошадию, взволнованно, почти теряя сознание...

Я сидел в беседке и перебирал калину.

- Какие у вас руки красные. – сказал он и зачем-то показал мне свои ладоши.

Гладенькие и белые, на них почти не было линий, а если и были, то короткие и неглубокие.

- Это калина. Я из неё настойку делать буду. А ты что будешь настойку или водку?

- Водку. – выпалил он, не дав мне закончить.

- Пойдём, польёшь мне на руки. – я отставил чан с калиной в сторону и направился к колодцу. Артур проследовал за мной. – Меня Геннадием зовут, это моя дача.

Артур слегка накренил ведро и нагретая за день, присыпанная опавшими пережжёнными листьями и зазевавшимися мошками вода плеснула мне на ладони. Красный местами закоревший сок калины стал сползать с моих ладоней. На мгновение наши руки оказались предельно близко, и я почувствовал исходившее от них тепло. Тепло юноши.

- Интересная у вас конструкция. – произнёс он.

Я с удивлением рассмотрел свои руки.

- Да нет. – с улыбкой заметил он. – Я про это.

От колодца по валам отходили самодельные желоба, с борта свисал электронасос.

- А-а... Это «лиманка», оросительная система. Понимаешь, Артур, вода является одним из основных условий жизнедеятельности

растений. Она входит составной частью во все органы плодовых и ростовых образований. В листьях и ветвях растений содержится примерно семьдесят процентов воды, в плодах восемьдесят, а то и больше, в корнях где-то столько же. Вода необходима – она участвует в образовании органического вещества, в процессе фотосинтеза.

- А-а. – понятливо закивал он, рассматривая мою «лиманку».

- Я люблю ухаживать за растениями. – говорил я. – Вот тут у меня две грушки – «Любимица Яковлева» и «Детская», честно говоря, и одна и другая разочаровали, вон там прямо у беседки слива – «Скороспелка красная», по периметру участка – георгины, скоро они войдут в пик своего цветения, вон та треть, с запада, засажена у меня красными георгинами, видишь, у них бронзовые рассечённые листья, вся южная сторона оранжевыми и малиновыми, пурпурная клумба – это центр сада, здесь – желтые с белыми, а ближе к калитке и двухцветные – так наряднее. Там у меня ещё и декоративный табак посажен.

- А бывают чёрные георгины?

- Нет. – зачем-то пожал плечами я, словно бы сомневаясь. – Я обожаю георгины, хотя и понимаю, что в этом отношении являюсь старомодным, в современных цветниках их почти не используют, считают, что они чересчур крупные и яркие, чтобы вписываться в миксбордеры. По забору у меня вьётся климатис. Там у меня прострел-трава, перед ней эхинацея, видишь, с овальными листьями – сейчас у неё пик цветения. Я её в чай добавляю, беру цветочную корзинку и завариваю – для желчного пузыря полезно очень. Это лимон, довольно редкое и капризное растение, ива, для красоты. Тебе нравится здесь, Артур?

- Да. – кивнул тот, окинув взглядом участок. – У вас уютно. Я сразу это заметил.

- Я – хозяин, Артур. Прирождённый хозяин. Всю жизнь за кем-нибудь ухаживаю. В детском садике за Мариной, в школе за Аней, в институте за Ниной, потом за Инной, на ней и женился, работая в Институте животноводства, ухаживал за свиньями, я их разводил – довольно увлекательное занятие, да, их разводил. А вот ухаживал уже за Петей и Сашей – это мои сыновья, сейчас мне сорок восемь и я таксист, а ухаживаю вот за ними. – я картинно обвёл руками свой сад.

– Ну что ж. – я отёр руки и лицо висевшим на борту колодца полотенцем. – Пойдём пить водку.

Время было около пяти вечера. Начало конца августовского зноя. Самое любимое моё время.

- И моё. – словно бы подслушав мои мысли, сказал Артур.

- Прости? – скривился я.

- Я каждый день жду пяти часов. – Артур сидел напротив меня в беседке. На разделявшем нас аккуратно застеленном скатертью столике поблёскивал графин с водкой, литровая коробка абрикосового сока и открытая банка со скумбрией. – В это время мне как-то особенно хорошо. – Артур говорил тихо и ровно, совершенно не боясь глядеть мне в глаза. – Я даже пришёл к вам именно так, чтобы... ну чтобы в это время, как раз. Вот.

- А я уж и ждать тебя перестал.

- А вы ждали?

- Угу. – я едва заметно улыбнулся.

- Ден-дро-ба-цил-лин. – прочитал он по слогам надпись на этикетке, стоявшей на полке банки.

- Это микробиологический препарат. Я убиваю им листогрызущих гусениц, молей, пилильщиков, борюсь с яблонной плодовой жоркой.

- А сколько вашим сыновьям лет?

- Пете двадцать, саше двадцать четыре. А сколько тебе?

- Четырнадцать.

- Это какой класс?
- Шестой.
- Ты знаешь, а я помню себя в шестом классе.

Анус у Артура оказался предельно мальчуковый: тугой, не знавший тысяч дефекаций и ректальных перверсий. Я уже четверть часа находился в нём и только сейчас разрешил себе коснуться губами его затылка. Твёрдый, жаркий, как у телёнка, между сбившимися в змейки мокрыми волосиками проглядывали розовые островки лоскута. Невзирая на юность, затылок был плоский и могучий.

- У моего отца был такой затылок. – простонал я, вылизывая потные волосы. – Широкий и седой. И талия...

Я с силой вонзился своими сильными руками ему в бока, те провалились, и я явно ощутил холод тазовой кости. Подвздошные гребни, лонное сращение, передняя ость, задняя – всё сейчас ходило под моими руками.

- А-а-а! – тихо, но взрывно прокричал Артур.

Так обычно кричал Петенька, мой младший сын. И бился так же, извилисто, словно бы он запутавшийся в стеблях лилий уж. Я взял ушную раковину Артура в рот, целиком и сдавил её зубами. Артур зарычал, анус его плотно обхватил сфинктером мой член почти у самого основания. Я чувствовал, что он чувствовал, что я почувствовал, что он испугался. И это понравилось ему.

- Ам-ам-м-м. – Артур хватал воздух пересохшими губами, медленно и всем телом... словно брошенная в костёр рыба. Губами! Губбами!..

Так обычно делала Катенька, моя племянница и дочь моего старшего брата, пока ей не исполнилось двенадцать, и она ни стала избегать меня.

- Катенька. – произнёс я так, словно скатился с ледяной горки.

Артур затрясся. Тогда я резко схватил его за член и залупил. Не то от боли, не то от наслаждения он заорал. Сад вздохнул. Я снова припал к его затылку, шее, пальцы стали липкими, его юркий член повесенному скользкий и быстрый, я два раза толкнул корпусом что было мочи... и замер. Семя медленно поползло к нему в норку. Кишечник Артура панически сокращался. Раз! Р-раз!.. Раз!

- А-а-а. Как всё похоже. – чуть не разрыдался я. – Как всё похоже.

- Больно.

Сквозь мой оргазм едва слышно, словно дыхание школьницы, долетел шёпот Артура. Я ждал. Кишечник его уже перестал сокращаться. Хорошо, что я не постеснялся и предложил ему поставить клизму, думал я. Клизма это хорошо. Клизма это для любви.

- Вот... снова. – кольцо сокращения полоснуло по моему члену.

- ...льно. – едва слышно коснулось моего слуха.

Я открыл глаза. Артур глядел на меня с мольбой, стиснув мою впившуюся ему в бок кисть своими карандашными пальчиками. Из носа его свисали белые сопли. Раздался самый гадкий для моего уха вакуумный звук и член выпал.

- Обычно я стараюсь, чтобы в эту минуту играла музыка. – произнёс я.

- Я буду знать. – тихо вторил Артур, стоя раком и всё ещё продолжая сжимать мне кисть.

Я посмотрел на его анус – он был огромен... как третий глаз, как воронка от взрыва, как шахта метро, как лицо террориста. Он был открыт и являл моему взору свой красный зёв.

- Закрой срамоту. – я постарался произнести это так, как произносит все свои фразы любимый актёр Андрея Звягинцева Лавроненко. – И что ты будешь знать?

- Знать, что вы любите музыку на острие...

- На острие чего?

- На острие...

- На острие твоей педерастии!?

Артур рванулся, словно бы на уроке физкультуры собрался бежать стометровку, но не двинулся с места, оставаясь стоять раком. Я понял – ему это доставляло удовольствие, очень мокрое и смрадное удовольствие, как мастурбация на забытую мамой в ванне использованную прокладку, как запах бабушкиного платка, потного платка, пахнущего бабушкой, любимой и доброй бабушкой платка, Ирина Ивановна, Серафима Сергеевна, Маргарита Максимовна, Светлана Сергеевна... платка и прокладки Артур стоял я лизал глазами его всё не закрывающийся анус в него сейчас запросто мог поместиться молодой кабачок. Он стоял. Я полу нависал над ним, уже старый, сорокавосемилетний старый. Нависал. Белая новая рубашечка его прилипла к мокрой спине и торчала остистыми отростками, шортики лежали на столе рядом с выпивкой, трусики он, придя ко мне не надел...

- Вы же сами. – тихо произнёс он.

- Я? – я сел на стол и поставил свой выпачканный землёй рабочий ботинок ему на ягодицу. Безумно бледной показалась она мне тогда. – Это не я. Это ты. – я качнул его ногой.

- Что я?

- Ты вонючий! Вонючий гомосек! Пиздовонючий пиздогомосек! Пидор! Педрилапедераст! Опущенное педерастическое чмо! Голубоглазый голубожоп! Содомит ебанный! Чтоб ты угорел, а после захлебнулся собственной спермой! А!А!А!А! Ты! Ты! Ты! – я

увлечённо шлепал себя по ягодицам и раскачивал мальчика ногой. – Ты! Ты! Ты! Поганый школьник! Чего ты пришёл? Чего тебе не хватало? Я в твои годы даже не думал об этом, пидараст! Да-да, именно, пидараст. Тыв! Тыв! Ты, бль! Это ты сорок восемь лет изучал и исследовал вопрос и убедил, наконец, сука, свою женщину, что гомос-ть не представляет из себя ничего безнравственного, что, как всякая другая страсть, пропаханная, духовно прожаренная, закольцованная гомос-ть направлена на заклятие физическому и нравственному здоровью, и только ее уклонения - безнравственны. Поганый школяр. Поверил? Поверил? Пидарская рожа. Ты щенок – тебе ещё нужен начальник, как сортиру вантус, ты без него забьёшься с восьмого этажа и рожей своей прыщавой в землю на девять футов и горкой песка венки покроют твою грязную память, православный гомопидор! Афинянин! – я схватил с лавки аккуратно сложенный старушечий платок и взмахнул им наподобие тоги. – *Ни* в серьёзных занятиях. – я всунул ему носок ботинка в зад и на «ни» ткнул. – *Ни* в играх. – я повторил ритуал. – *Никто не* должен приучать себя действовать по собственному усмотрению: *нет!* – я с особым пиететом погрузил носок ботинка в анал. – Всегда – и на войне и в мирное время – *надо*. – толчок. – *Жить*. – толчок. – *С постоянной*. – толчок. – *Оглядкой*. – толчок. Артур не срываясь, застонал. – *На начальника и следовать*. – толчок. – *Его*. – толчок. – *Указаниям*. – толчок. – Видел бы нас Платон. – криво ухмыльнулся я.

Артур стоял на четвереньках и уже сам скользил мне по ботинку, словно бы ел его задом.

- Ты, Артур, пидераст, молоденький и гадкий. Признайся, ведь ты не имел секса с женщиной, ты, падаль, кроме влагалища своей матери ни касался ни единого влагалища, ни драл его, ни пердолил, ни втапывал, ни выпаливал, ни укатывал, ни мочалил, ни драл. Ты, сука, гомосек. Тебя сегодня мужик в жопу поёб, а захотел бы, ещё и в рот

бы покатал. Сука. Но у тебя есть бонус, ты, как настоящий пидарас, можешь теперь рассказывать его поймавшим тебя в тёмном переулке фрезеровщикам вместе со стропольщиками. Я знавал множество лиц, скажешь ты, более или менее подверженных гомо страсти и большинство из них были людьми чрезвычайно развитыми: прямые, утонченные натуры и, скажешь так и лицо постарайся сделать примерно такое, как сейчас у меня, отличались, между прочим, вполне ясным умом. Я думаю, сразу после этого последует сокрушительный гетеросексуальный удар. Только не вздумай произносить при них это слово – оно тебя убьёт. А ты такой гладкозаденький ещё пригодишься своим говночленным недогомочеловекам-друзьям. Пойми сладкозадый, половая страсть возбуждается раздражителями, присутствующими, как в мужчине, так и в женщине. Оба пути одинаково натуральны для человека не развращенного. Но тебя это не касается. Понимаешь, чмо голубое. Это любовь одного какого-нибудь пола – явление развращающее. Нормальный человек любит оба пола. Так что ты голубое чмо – развратник и извращенец и нет тебе прощения гори в аду, цыпа. Ты голубой тормоз, тормоз прогресса. Ведь прогресс именно в том и заключается, чтобы животность заняла подчиненное положение в отношении психики. Во завернул, самому не разогнуть.

Артур продолжал терроризировать мой ботинок. Какой удивительный мальчик, только и успел я подумать, как тот вдруг выдал:

- Нежелающий, чтобы дурные люди заблуждались, подобен тому, кто не желает, чтобы плоды смоковницы получали сок из нее, чтобы малые дети плакали, конь ржал, чтобы совершалось вообще все необходимое. Что делать человеку такого склада? Если у тебя хватит смелости, то попытайся исцелить его.

- Наедине с собой... – промычал я. – Ты ласковый, я это сразу заметил, но... не смелый... я не хочу больше оскорблять тебя... Просто я хочу, чтобы ты жизнь свою выстроил крестиком, понимаешь? Чтобы ты жил, и тебе не было стыдно, чтобы ты понял, что исконно в человеке заложена не сексуальная ориентация, а только способность к половой тяге, к сексуальной любви. Ведь любовь изначально сексуальна – это-то ты понимаешь? Зачем же себя в столь юном возрасте кастрировать педерастией? У тебя сейчас всё есть: ты пластичен, способен любить любого привлекательного партнера – мужчину ли, женщину ли, животное ли, дерево ли!.. Ты гибок и бесконечен – не позволяй делать из себя раба своего же тела, которое с возрастом, трансформируемое социальной средой и прессом культуры, мутирует в своих половых симпатиях и сосредоточится на общепринятом «противоположном поле». Но ты будешь не таким, я это понял по запаху твоего затылка и вкусу левого уха, ты – пират – ты не позволишь себе застрять на этой дегенеративной стадии развития и пронесёшь свою юношескую широту вкусов через весь свой век!

- Какая частица безмерного и беспредельного времени уделена каждому из нас? Еще немного – и она исчезнет в вечности. А какая частица всей сущности? Какая – мировой души? На каком клочке земли мы пресмыкаемся? Раздумав над всем этим, не считай важным ничего кроме одного: действовать так, как предписывает твоя природа, и мириться со всем, что создаст общая природа. Ты будешь относиться с презрением к веселой песне, к танцам, ко всем видам борьбы, если разделишь всю мелодию на отдельные звуки и относительно каждого задашь себе вопрос: "Не перед ним ли я не могу устоять?" Ведь. – Артур потуже насадился анусом мне на ботинок. – Ты. – он повторил движение. – Постыдишься. – носок ботинка снова исчез в его прожорливом зёве. – Ответить. – застонал он. – Утвердительно. – Артур так крепко «сел» мне на ботинок, что я почувствовал, как жар

его нутра окатил мои пальцы. – Поступай соответственно этому с танцами, относительно отдельных движений и положений, равно как и с борьбой во всех ее видах. Помни, что во всем, за исключением добродетели и её действий, следует переходить к рассмотрению частей и из их анализа черпать презрение к целому. Примени то же самое и ко всей жизни.

- Прекрати мне цитировать Марка Аврелия – он давно умер!

-Насколько же очевидно. – он заговорил голосом моей матери. – Что нет условий, более благоприятных для философствования, нежели те, в которых ты теперь находишься!

- Закрой пасть, содомит! Закрой пасть! Закрой пасть! Закрой пасть! Закрой пасть! Я не философствую, философствовать это всё равно, что испражняться – так же бессмысленно – всё равно рано или поздно умрёшь. Не гневи меня! Не гневи! Не гневи! Не гневи, человек без стержня! Человек суть эрогенная точка, одна большая эрогенная, тело, разум, космическое электричество – всё суть эрогенно, всё нужно трогать, почаще и поизощрённей, тогда человеку будет радость, древняя радость, самая древняя. Самая человечья – эрогенная радость, радость сокращений. Это ясно из того факта, что эрогенные зоны мужчин хорошо развиты, а генитальные зоны женщин совершенны также. При оргазме у них происходят вагинальные сокращения. И как мужчины, так и женщины, все без исключения, имеют анальные сокращения во время оргазма, даже если у них регулярные гетеросексуальные сношения. Слушай, мальчик, и мотай на ус. Это тебе не Марк Аврелий. Тем более, что он давно умер. Пойми мой пидарастический мальчик – анальный секс был столь же обычным в ранние времена, как и пенисно-вагинальные сношения. В те времена человеческое либидо было столь всемогущим, что никто не замечал, да и не заботился о том, кто его партнер - мужчина или женщина. После преисторического периода человечество натолкнулось на зверя

по имени «эволюционная сублимация» и со страшной силой стало калечить свою сексуальность – сексуальность стала делиться, большинство людей становилось гетеросексуальными, а некоторые – гомосексуальными. Но не мне тебе рассказывать, пидерастическая рожа, что бисексуальный век длился миллионы лет, а гетеросексуальный – лишь несколько тысяч. Поэтому, мой голубой друг, ты должен помнить, как твой еврейский отче наш, что гомосексуальность открывает очень архаичную природу души. Я надеюсь, что благодаря таким педикам как ты человечество еще вернется к бисексуальности в будущем, и его либидо станет в десять тысяч миллионов раз сильнее, чем теперь. Спасай планету, голубой рыцарь! Виват бисексуальность! Виват гомосексуальность! Виват гетеросексуальность! Виват гиперсексуальность! Все извращенцы в один вагон в одну коричневую яму! Виват! Виват Александр Македонский! Виват Юлий Цезарь «муж всех жен в Риме и жена всех мужей»! Гор Видал, Пьетро Аретино, Оскар Уайлд – виват! Виват Поль Верлен! Фрэнсис Бэкон – виват! Андре Жид, Теннесси Уильямс! Сомерсет Моэм – был женат, имел множество романов с прекраснейшими женщинами, в то же время через заднюю дверь его верный домоправитель Джералд пропускал к нему мальчиков на ночь. Ты же хочешь, пидерастическая сучка, влиться в их кишковые ряды!? А!?

Когда Артур ушёл, я первым делом выпил водку, к которой мы так и не притронулись. Гадкая и тёплая, осталось у меня. Как голова школьника третьего июля. А первого сентября она будет холоднее и твёрже. Её стянут косы и банты. Будет свежее бельё. Резинки на волосах, резинки в трусах, крахмальный шелест из-под юбок, фа-а-а-а-артуки...

Кутаясь в мысли, я прошёл к туалету. Сдвинул в сторону влажную от зноя клеёнку. В лицо пахнуло прелостью. Я решил не зашториваться, всё равно мой мини сад стал уже непроглядно чёрен, на ощупь подсунул под стульчак выварку

- Коричневый мальчик мой... м-мальчик... коричневый м-мальчик
м-мой

ЧАСТЬ 3

СЛАДОСТИ ДЛ МАЛЕНЬКОЙ ГАДОСТИ

Трупная вонь

Конфеты сладкой аромат

Мамина боль

Её упругий красный зад

(Миша С. 7 лет)

ГРУБОЕ ГОВНО

У девушки есть рот. Я цылую её в губы и думаю а члене. Она сасёт мой рот, и я думаю а пизде. У каждой девушки есть пизда. Я цылую её в губы и думаю а члене

Улыбка матери

Звонок я услышал не сразу – громко работал телевизор.

- Как поясняет заведующая отделом общественного здоровья Республиканского центра гигиены, эпидемиологии и общественного здоровья Лидия Воронова, шокирующие картинки явно отпугнут большинство тех, кто только собирается закурить. – вещал диктор.

Я убрал звук и поспешил в прихожую. В дверях стояла низенькая, как мне показалось, прозрачная женщина пенсионного возраста в солнцезащитных очках.

- Зина. – представилась она. – Я могу видеть Татьяну Сергеевну?

- Э-э-э. – я не мог сообразить, что ей ответить, и поэтому сказал первое, что пришло в голову. – Мама ушла в лес за черникой... ей там н-нравится. В смысле, маме.

- А-а. – разочарованно протянула она, озадачившись. – А вы не могли бы ей передать, что-о... Зина приходила и хотела ей хорошую новость о своём сыне рассказать. Э-э-э, ну, в общем, передайте, что у Алёшки всё получилось.

Уже четверть часа спустя, по-прежнему сидя перед телевизором, я вспомнил эту Зину – мама иногда рассказывала о ней.

- Настораживает одно обстоятельство: сегодня на законопроект наложили гриф «для служебного пользования». – вещал телевизор.

Снова раздался звонок. Я напрягся... я всегда делаю это на звонок в мою квартиру. Он тревожен... как набат.

- Нужно с общего балкона весь ваш мусор убрать. Мы за вами убирать не будем. – в дверях стояла пугающе рабочего вида женщина со скрученной словно пергамент ковровой дорожкой под мышкой. Мне сразу вспомнился замечательный советский фильм «Сладкая

женщина». Химия, литые бока, отсутствующий агрессивный взгляд – не человек, а потребитель... То была соседка по блоку. – Весь балкон захламили. Я тягаю этот ваш ящик чёрти с чем туда сюда. Пройти по балкону невозможно. Во, все ноги в синяках.

- Мамы сейчас нет дома. Я ей передам.

- Бермана, лично принимавшего участие в пытках, в декабре 1937 наградили орденом Ленина, в 1939 году расстреляли. – диктор сделал внушительную паузу.

Зазвонил телефон. Я не стал убавлять у телевизора громкость.

Это оказалась мамина младшая сестра из Мурманска.

- Мамы сейчас нет дома. Я ей передам.

- Передай, что я позвоню. Около девяти, н-нет, десяти. А как у тебя дела?

- Хорошо. Работаю грузчиком на Заводе Тяжёлых Штамповок. Скоро отпуск.

Я положил трубку и прошёл в кухню. Всё оставалось без изменений. Труп мамы по-прежнему лежал на полу у распахнутого настежь окна. Без лица. Её полные ноги покрывали мешковатые неопределённого материала трико, розовая в крапинку рубашка топорщилась на плоской груди, волосы и шея были перепачканы запёкшейся кровью. Однажды мой попугай неудачно засунул голову в дверную щель. Дверь закрылась, отхватив ему львиную часть лица. Львиную с клювом. Львиную с правым глазом. Львиная с левым – осталась на изумрудном в пёрышках теле. Львиный попугай. Лев-попугай. Попугай-лев. Эта кровь на воздушно-мариновых перьях, этот оскал, красный закатный оскал маленького летающего льва. Эта смерть смертей.

Как счастлив я, что не видел этого никогда.

Открыв холодильник, я вынул тарелку с маминым лицом. Поставил на стол. Изжелта пепельное, кажущееся резиновым, вогнутое. Оно молчало. Холодом холодильника. Молчало прорезями синюшных век, искривлённым в дыру сфинктером рта, плоским подбородком без кости и лоскутом лба. Сквозь носовые отверстия можно было разглядеть незамысловатую заводскую роспись украшавшую тарелку.

Я стал готовиться. Аккуратно, чтобы не повредить упаковку, насадил вилкой кусок свиного жира. Размазал его по быстро накалившейся сковородке. Сладковатая вонь и скворчание быстро наполнили тесное пространство нашей с мамой кухоньки. Я движениями пахаря рассредоточил жир по сковороде.

Воспоминание о Милле возбудило меня...

Дождавшись, когда жир растопится, положил туда мамино лицо. То тут же зашевелилось, словно бы его затолкали сразу тысячи пальчиков, и заволновалось. Помнится очень давно, мне ещё и десяти не было, мы всё лето жили с мамой в Феодосии. У неё были прекрасные каштановые волосы и апельсинового цвета платье. Меня тогда интересовали две вещи: ракушки и чайки. А ещё крепость на горе. Помню, всё помню, каждую чайку, каждую ракушку, каждую песчинку с того необратимого пляжа... Как вываривались эти самые ракушки, воняя на всю кухню. Как злилась хозяйка...

Лицо приподнялось в своём центре. Я придержал его вилкой. Аутовосторг захватил меня.

Я возбудился на Альберта Уотсона...

Уже заметно стемнело, и я вынужден был включить свет. Я сделал это, не отходя от сковороды. Просто. Протянув. Руку. При искусственном освещении мамино лицо показалось мне старше своих лет: незаметные ещё вчера рытвины морщин – от правой брови к левой, на седле носа, вдоль височной линии, между подбородочных

бугров; редкие выцветшие брови, заметно прожарившиеся губы и глазные щели, пушок на щеках, выжженные перекисью усики...

Я надавил вилкой маме на лоб: тот как-то противоестественно вздулся, словно бы яичный белок, тот самый белок, который набухал на этой кухне много лет назад, когда я школьником чистил в ванной комнате зубки. «Миша, умывайся быстрее, яичница остынет!» - кричала тогда мама. И я испугался, что лоб может лопнуть. Как тот школьный белок. Шкгваркч-чвоск!

«Миша, умывайся быстрее...»

Сейчас мы вымоем ушки, вымоем носик... А чей это такой носик?..

Хи-хи-хи

А чьи это такие ушки?.. Вымоем сейчас эти ушки...

Хи-хи

Эти пальчики и пупок

Я помню и люблю. А так же знаю и понимаю. Каждую песчинку, каждую чайку... Я способен к анализу. Моё сознание огромно, как Космос. «Чьи это такие ручки, чьи пальчики?..»

- Мои, мама.

Мама у меня хорошая с широким и большим лбом.

Постепенно жир стал выпариваться, лицо расправляться по сковороде и, пригорая, усыхать.

Я взялся отсчитывать секунды:

8 секунд: лобная мышца прожарилась и смешно сморщила лобик.

- Лобик моей мамы.

10 секунд: прожарились круговые мышцы глаз, самые жёсткие – мама забавно сощурилась.

- Моя мама.

16 секунд: одновременно носовая и сморщивающая брови мышцы поджарились, и носик моей мамы сделался на сорок пять лет моложе.

- Мамин носик.

Со сковороды повалила едкая угарная копоть. У меня проступили слёзы.

К 40-вой секунде у мамы подёрнулись уголки рта, так, чуть-чуть, еле уловимо, так играет малёк в дождь, затем нервно вздрогнула и вывернулась верхняя губа, щёки запеклись и обострились. Моя мама... улыбалась. В чаду улыбалась, в угаре! Улыбалась в последний раз. Улыбалась так, как улыбалась только мне и только до шести лет. Слёзы брызнули у меня из глаз. В дыму мне примерещилось, что это не я склонился над сковородкой с маминым лицом, а мама склонилась над моей колыбелью и бесконечно лучезарно улыбается мне, только мне, своей неповторимой улыбкой...

Лицо вспыхнуло, опалив мне брови

К/У/М/

ЧМП

Комарина Дарья Михайловна, Страхов Илюша, Корзун Татьяна Игоревна, Адвокат Максим Петрович

На Адвокате я споткнулась о больной палец, ноготь вросстал. Мешок с землёй едва не выскользнул из моих рук. Я покрепче вцепилась в него. Вспомнилось как лет двенадцать назад, когда мы с папой отдыхали в Ялте, мне в руки попала ласточка – их в изобилие гнездились на крутом склоне. Тогда я также как сейчас мешок сдавила её, и давила, пока она не лопнула. Лопнувшие рёбрышки впились мне в левую ладонь и несильно, но ощутимо поранили. ЧМП. Чёртова маленькая птица! Но мешок не ласточка – в нём песок.

ПП

Голуб Фёдор Терентьевич, Измайлов Михаил Михайлович, Сыч Светлана Ивановна, Сыч Иван Иванович, Сыч Николай

Я сменила плечо, ПП, так как ляжка лифа стала втираться в кожу, и продолжила путь.

Самсонов Александр Геннадьевич, Машкова Юлия Ста...

ТПМ

- Ну, где ты так долго?

Это кричал мой отец. Он уже оборвал с могил прабабушки, Барабановой Зои Ивановны, прадедушки Барабанова Иллариона Кузьмича, сестры, Колёсовой Тамары Васильевны и мамы, Савиной Веры Михайловны, своей, и моей, Труновой Ольги Валерьевны, траву и теперь поджидал меня. ТПМ. Я несла ему песок.

- Иду я! Тяжело! – крикнула я в ответ и прибавила ходу.

НЕД

Комарина Дарья Михайловна, Страхов Илюша, Корзун Татьяна Игоревна, Адвокат Максим Петрович, Голуб Фёдор Терентьевич, Измайлов Михаил Михайлович, Сыч Светлана Ивановна, Сыч Иван Иванович, Сыч Николай, Самсонов Александр Геннадьевич, Машкова Юлия Станиславовна.

- Пап, я больше не могу.

- Ты всего два мешка принесла, НЕД, нужно ещё два.

- Пап, тяжёлые очень. – я задыхалась под тяжестью земли.

- Меньше нагружай. Четыре раза сходишь, вместо трёх.

- Ходить далеко.

- Давай высыпай и дуй ещё за одним, может и хватит.

СС

Комарина Дарья Михайловна, Страхов Илюша, Корзун Татьяна Игоревна, Адвокат Максим Петрович, Голуб Фёдор Терентьевич, Измайлов Михаил Михайлович, Сыч Светлана Ивановна, Сыч Иван Иванович, Сыч Николай, Самсонов Александр Геннадьевич, Машкова Юлия Станиславовна.

Отец сидел на прежнем месте, под сосной. Я шумно сбросила мешок с плеча на траву, натруженным предплечьем убрала прилипшую к взмокшему лбу чёлку. Могилка перед отцом была аккуратно присыпана песком и разглажена. Казалось, он забыл обо мне. Так глубок был его взгляд. Я чувствовала это через его уже тронутый первой сединой затылок.

- Па...

- А, принес... – несколько потерянным голосом, запнувшись, произнёс он. – ла... А я вот тут тётку Фросю вспомнил. На стройке у меня работала. Старушка-поскакушка. В-о-он её могилка. – он указал рукой на заросшую бурьяном «грядку», теснившуюся между двумя богато убранными, похожими на праздничный букет.

А мне вспомнился попугай. СС. Светло синий. Мама раздавила его, когда мне было девять. Он любил гулять по полу, гладенький такой... залез в тапок... Мне не нравится об этом вспоминать. Я не люблю.

- Давай ещё раз. – отец головой указал на карьер. – Половину от этого нагружай.

ПН

Комарина Дарья Михайловна, Страхов Илюша, Корзун Татьяна Игоревна, Адвокат Максим Петрович, Голуб Фёдор Терентьевич, Измайлов Михаил Михайлович, Сыч Светлана Ивановна, Сыч Иван Иванович, Сыч Николай, Самсонов Александр Геннадьевич, Машкова Юлия Станиславовна

Я скинула мешок с песком на землю, стёрла пот со лба.

- Тяжело?

Я кивнула.

- Высыпай его вот сюда. – он указал на нечто миниатюрное, затоптанное, ютившееся у самой ограды. – Я не знаю кто здесь похоронен. – многозначительно произнёс он. – Может аборт моей мамы. Может котёнок. Не знаю. Сыпь.

Я вывалила песок на могилу.

- Последний носи. ПН. И можешь быть свободна.

- Как я могу быть свободна от тебя...

ММП

Комарина Дарья Михайловна, Страхов Илюша, Корзун Татьяна Игоревна, Адвокат Максим Петрович, Голуб Фёдор Терентьевич, Измайлов Михаил Михайлович, Сыч Светлана Ивановна, Сыч Иван Иванович, Сыч Николай, Самсонов Александр Геннадьевич, Машкова Юлия Станиславовна, Воробьёв Леонид Максимович

Я остановилась. Погружённая в свои мысли я прошла поворот. ММП. Могила молодого парня улыбалась мне из тупика лучистой фотографией головы с частью плечевого пояса и глазами. Парню не было двадцати. «Память родителей, сестры и тётки».

«Тёти-моти». - подумала я и улыбнулась.

- Ну, где ты? – послышался сердитый голос отца.

- Иду. Поворот вот прошла.

Лямки лифа жутко натёрли вспотевшие плечи, я скинула мешок с землёй на тропинку и потянула волоком.

- Я уж заждался – тебя только за смертью посылать. – отец не глядел на меня.

- Всё хорошо, пап.

- Я вижу. Присядь-ка.

Мы сели на скамеечку, я устало, отец умиротворённо.

- Больше песок носить не нужно. – папа словно бы невзначай потрогал меня через оттопырившиеся шорты за пизду.

Я, глядя на могилу, поцеловала его в губы.

Домой мы вернулись глубоко за полночь. С ног до головы перепачканные землёй и спермой. Папа как обычно первым делом

отправился в ванну. А я, дежурно поцеловав парализованную тётю Свету в щёку, написала стих:

К\Л\А\Д\Б\И\Щ\Е У\Д\И\В\И\Т\Е\Л\Ь\Н\О\Е М\Е\С\Т\О

Чёртова маленькая птица
КУМКУМКУМ
Продолжил путь
КУМКУМКУМ
Теперь поджидал меня
КУМКУМКУМ
нужно ещё два
КУМКУМКУМ
Светло синий
КУМКУМКУМ
Последний неси
КУМКУМКУМ
Могила молодого парня
КУМКУМКУМ
Кладбище удивительное место

Кристи (12 лет).

Одинокая постель

«ОДИНОКАЯ ПОСТЕЛЬ»⁶

Едва ли ни по слогам набрал на ноутбуке Славка.

- Будет проза. – самодовольно произнёс он.

Покончить со стихами его сподвиг случай, стыдный и унижительный. Чёрт дёрнул Славку поделиться своим секретом, а именно, что он пишет стихи, со своим другом. Нет, тот не посмеялся над ним и даже не предал. Он предложил Славке выступить.

По давно сложившейся традиции празднование восьмого марта, в отличие от двадцать третьего февраля производилось с размахом. За несколько месяцев готовилась торжественная программа, задействовались силы... Словно в мясорубке перемалывались молодые тела и души всевозможных школьных коллективов, творческих и около творческих: кружки бальных танцев сменялись кружками современных, кружки хорового пения кружками эстрадного вокала . Ключевое слово и в первом и во втором случаях – кружок. Кружок – это, прежде всего, энное количество людей объединённых одним досуговым занятием. Славке же пришлось выступать одному. Именно это и посоветовал ему друг. Не сложно догадаться какая участь ждала Славку после прочтения со сцены этих строк:

Ребёнок, девочка, девушка, мать!

Вышел я всех вас здесь поздравлять.

С праздником вашим, с вашим днём

Что б знали вы – мы помним о нём!

О ваших бессонных ночах над колыской

Рабочих буднях без сна и ваших глазах

Без дна⁷...

В общем, с поэзией было решено покончить и перейти к прозе.

⁶ Текст Славки приведён автором (А.Р.Ч.) без корректировок.

- Э-э-э, Кате было двенадцать. – от первой же фразы Славка испытал лёгкий прилив возбуждения и восторженно застучал по клавиатуре.

Кате 12, рост 167 сантиметров, вес 41 килограмм, размер ступни 26.

Не став дожидаться пока будильник издаст свой разрушительный утренний рёв, Катя нащупала его на тумбочке и, не открывая глаз, отключила. Тот мягко пикнул и залил бледным неоном потолок детской. Шумно потянувшись в кровати, Катя столкнула одеяло ногой на пол.

Покончив со всеми ритуальными перверсиями цивилизованного человека: туалет, д

- Нет. – Славка сморщил брови. – Ритуальные перверсии цивилизованного человека. Пафосно и претенциозно. О! Точно, претенциозно. Нужно бы как-то попроще писать.

Сходя в туалет

- Нет, покакав, так острее. Блин, круто выходит. Это ж я теперь всё что угодно смогу с ней сделать. И так...

Покакав и пописяв, приняв душ, почистив зубы и помыв голову, Катя, всё ещё засыпая на ходу, принялась одеваться.

Дежурно покрутившись перед зеркалом, она вдруг заметила то, что заставило её, наконец, проснуться. Катя внимательнее посмотрела на своё отражение. Ещё вчера она была: «телёнком»,

7 «Без дна» и «бездна» (игра слов: по задумке Славы, это должно было считаться всеми присутствовавшими, он даже приготовил для этого соответствующую паузу и интонацию)

как шутливо окрестил её однажды отец, лопатки торчали подростковым клином, грудина топорщилась узелками, где рёбра срастались с хрящами, а главное - колени, такие своеобразные маленькие головы на тонких палках, головы-булавы, болючие и невероятно «стыдные» завязи сосков... Катя приподняла коленку и повертела ступнёй перед зеркалом – гладенькая, розовая – хоть водку из неё пей. А что было прошлым летом: какая-то наковальня, неуклюжая и отчего-то постоянно синюшная, словно бы на ней кто-то долго спал, либо изжелта белая, как у старухи. Толи дело сейчас, Катя с нескрываемым восторгом взирала на себя: спинка выпрямилась, лопатки спрятались в изящных мышцах, грудь расцвела размазанными молочными сосками, ягодицы округлились, густой лобок спрятал под собой практически невидимые губки.

Катя принялась одеваться. Хлопчатобумажные трусики – кружевные мама пока наотрез отказывается покупать, хотя Зинка уже давно носит, белый лиф, неудобный, натирает по рёбрам, чёрно-коричневые колготы с кое-где висящими нитками,

Не в силах сдержать возбуждения, Славка подрочил.

ноги в них по каким-то неведомым Кате законам становятся в двое, а то и в трое стройнее, платице цвета какао, передник – достала уже эта форма – портфель, сандалии с подъёмом.

- Мда-а, как то вяло после дрочки пишется. – Славка устало посмотрел в окно. Неуютный московский осенний дворик со всеми вытекающими отсюда последствиями. – Да уж, лаконично, нечего и добавить.

Но... но, как сказал бы американец : «Катя имеет тайну». И имя этой тайне – каучуковые гольфы. И тем эта тайна становилась страшнее, что гольфы эти были сворованы. Сворованы Катей у заезжих пражских циркачей. Так случилось, что Катя тогда волей

случая оказалась за кулисами, одурманенная таинственным амбре циркового закулисы и поплутав вдоль вольеров с мелкими хищниками, она забрела в гримёрку. Та была пуста, а на самом видном месте, словно бы их сам дьявол подбросил, лежали источавшие весь радужный спектр не то чулки, не то гольфы. После часового обсуждения с подружками, кстати, было решено причислить находку к семейству гольф.

Убедившись, что платье нигде не задрано, а опостылевшие коричневые колготы одеты не наизнанку, Катя в волнении вышла в прихожую. Заранее обувшись и причесавшись, она бегом показала маме. Та одобрительно кивнула. Но едва Катя переступила порог квартиры, как мама окликнула её.

- Катюша, Ка-а-ть.

Катя в оцепенении замерла.

«Только не портфель, только не портфель». Заклинательно в мыслях проговаривала она.

- Портфель. – произнесла мама и сердце Кати оборвалось. – Портфель застегни, потеряешь ещё чего тетрадку.

- Уф-ф-ф. – сбежав по лестнице на пролёт ниже, Катя спиной опёрлась о холодную стену. Сердце её бешено сокращалось.

Отдышавшись, она надела спрятанные на самое дно портфеля «радужные» гольфы, надела их, достала карманное зеркальце, посмотрела ровные ли края.

- Ровно. – выдохнула она, решив больше не брать гольфы домой, а спрятать их где-нибудь в подъезде.

Катя шагала по улице. Да-да, именно, шагала. То подгоняемая тёплым сентябрьским ветерком, и тогда густые от природы волосы окутывали её кукольную фигурку и щекотали щёки, то обдувая, выгибая каштановый волосяной хвост её в электрическую, как ей казалось, дугу. И главное... все смотрели, все любовались и хотели её.

Во всяком случае, ей так казалось, нет, она была уверена. А это новое, подхваченное только этим летом слово «хотели» и вовсе было в новинку.

Катя шагала, волосы всей своей каштановой массой развивались на ветру, коротенькая юбочка откровенно показывала линию лобка, плавно перетекающую в свободное пространство между бёдер, ветер волнующе поглаживал бёдра.

Вдруг Славку поразила догадка – сам того не подозревая, он с таким упоением описывал сейчас свою бывшую одноклассницу Катюшу Громову. Видная была девчонка, дочь командующего дивизией. Её обычно в школу привозил водитель на чёрной волге с «номерами». Шёл с ней до двери и уезжал только после того, как прозвенит звонок на урок. Но однажды, вот в именно в такой великолепный раннесентябрьский денёк, по какой-то неустановленной причине, в школу она пришла сама. Волосы каштановой массой развивались на ветру, коротенькая юбочка откровенно показывала линию лобка и едва ли ни «верблюжье копытце»... , ну, в общем, всё по тексту, а на следующий день в школе она не появилась и на следующий и на следующий... больше никогда. Славка глубоко вздохнул.

Мимо пробежала шумная компания второкурсниц. Они пёстрым косяком обогнули Катю, оставив после себя стойкий аромат геля для душа.

Катя шагала. Взгляд её был туманен и таинственен. Волосы гривой резвились у неё за спиной. Катя решила представить себя со стороны, так, слегка сверху и справа, но едва она стала проделывать это уже ставшее привычным занятие, как заметила «его».

«Он» - так гимназистки называли вахтёра, дежурившего в гимназии. Катя не знала его точного имени, как и никто из учениц.

Ни-то Иван Игнатович, толи Игнат Иванович. Катя с настороженностью взглянула на его чернеющую в залитом светом воздухе фигуру. Похож на жука клубничного, мелькнуло у Кати в голове.

Вахтёр стоял у ведущей в гимназию лестнице и зачем-то тёр ладони о штаны. Он заметно нервничал, то и дело снимал свои гигантские, на пол лица очки, с линзами толщиной с черепаший панцирь, протирал их тряпкой отдалённо напоминавшей носовой платок, затем зачем-то эту тряпку нюхал. Катя уже приближалась к клумбе. Игнат Игнатович, так на самом деле его звали, пошатнулся.

Катя ощутила на себе его пристальный, практически бесстыжий взгляд. Она сжалась в комок и опрометью бросилась к дверям, и уже было переступила порог, как вдруг услышала за спиной сначала плавно перетёкший из хрипа сип, а затем и кашель. Жуткий кашель. Утробный. Катя оглянулась – кашлял вахтёр. Он тянул к ней узловатую похожую на корень кисть, тряся и кашлял. Кате этот кашель напомнил лай больного и очень старого пса. Такое бгфу-бгфу, вместо кашля. Глубокое и безнадёжно больное.

Он продолжал кашлять, на глазах у него проступили слёзы.

- Блин, Настоящая проза получается. – удивился собственным успехам Славка. – Даже побольше описания, побольше.

- Вы в порядке? – Катя в приливе необъяснимой жалости наклонила к нему лицо. Порыв ветра перекинул её волосы через плечо, они на долю секунды замешкались в кружавчиках фартучка и коснулись бордового, словно печёное яблоко лица вахтёра. – А?.. – только и успела открыть рот Катя, как вахтёр в каком-то ужасе вдруг замахал руками и, не разгибаясь, помчался к двери.

Четыре урока пролетели незаметно. Пара физики, английский и алгебра. Осталась ещё одна алгебра и бассейн. Катя любила плавать. Любила атмосферу бассейна: эхо, запах хлорки, пестрота купальников. Если бы ещё мальчишки не донимали своими щипками. Но сегодня особый бассейн. Первый бассейн после целого показавшегося невероятно длинным лета. «По длине это лето могло сравниться лишь с уже прожитой жизнью». – даже записала Катя в своём дневнике. Мурашки тревоги пробежали по её телу. Сегодня все явственно увидят её грудь. Даже слишком крупную для двенадцати грудь. А новый купальник. Катю снова бросило в дрожь. Новый купальник такой откровенный, такой откровенный!

- Грибанова.

Откуда-то из тумана вдруг прорезался ледяной женский голос.

- Грибанова, в окне ты новых знаний не получишь. Смотри на доску.

Катя покорно уставилась в черноту доски.

И тут же её мечты снова отправили в бассейн. В раздевалку, где девочки будут с завистью коситься на её бёдра и грудь, в бортик бассейна, где все они, и мальчики и девочки, будут стоять в линейку, втянув животы и... выпятив грудь. Мальчики... сердце Кати так сжалось, что она невольно застонала. Катя испуганно покосилась по сторонам так, словно бы случайно выпустила газы и сейчас высматривала, не заметил ли кто. Сердце и стыдливо и одновременно испуганно ныло. Да-да, это была боль страха. Именно он заставил Катину сердце сократиться в груди, упасть в малый таз, растреможить кишки и матку и вернуться обратно, встав «не на место». И дело было вовсе не в мальчишках. Интерес к ним Катя пока ощущала довольно абстрактный. Они были ей интересны скорее как наблюдатели, наблюдатели её, задиристые и грубые. Причина её

страха таилась в письме, которое она нашла у себя в портфеле первого сентября. Неизвестный подкинул его в портфель.

- Портфель – портфель. Нет, не катит.

Неизвестный подкинул его ей. У Кати участилось дыхание. Она один за другим стала обводить взглядом мальчишек. Сидящий на последней парте Аркаша Морозов, большеголов, неряшлив, «придурок», цепляется постоянно ко всем девчонкам, перед ним – Саков Вася, «дылда», высокий и сутулый, но он чем-то нравился Кате, она подозревала, что бровями и взглядом, у открытого окна Гена Голубев, весёлый и наглый, он чаще остальных щипал Катю в бассейне, то за попу ущипнёт, то на внутренней стороне бедра, Катя улыбнулась течению своей мысли, точнее её построению – словно бы из медицинского атласа – Катя собиралась в дальнейшем посвятить свою жизнь медицине и даже уже начала изучать анатомию – тут её сердце предательски заныло – Слава Маслов, настоящий красавчик, смелый и отстранённый, именно ему приписывала Катя авторство этого загадочного и до того из ряда вон письма, что она до сих пор не решилась показать его ни одной из подруг. Только у него могло хватить таланта и ума и смелости, чтобы написать это, а ещё Кате очень хотелось, что бы этим инкогнито оказался именно он. Слава сидел сейчас к Кате в пол оборота, как обычно, он сидел развалясь, но при этом спина его была словно бы стальной прут, брови давидовски сведены, как у подростков из советских кинофильмов, он внимательно глядел на доску, и даже делал вид, что записывает, но Катя-то знала, что ничего за учительницей он не записывает, а вот именно сейчас сочиняет новое не менее таинственное письмо для неё, для Кати...

А Славка писал девочкам в записках стихи.

- Дурак. – буркнул он себе под нос. – Кому нужны были эти стихи.

- *Что, Грибанова?* – с недовольством произнесла откуда-то из глубины класса учительница.

Катя вздрогнула и тут же заметила свою собственную руку, торчавшую перед лицом в самом школьном жесте на свете.

- *А-а-э-э.* – растерялась она, глядя то на свою руку, то на учительницу. – *М-можно выйти.* – выпалила она.

- *Выйди.*

«Дорогая Катя, Катёночек моего сознания. Извёлся весь, издёргался. Пшеничный мой колосок. Всего год прошёл с того момента, когда я полюбил тебя, а кажется, прошла целая вечность. Это моё первое письмо тебе, моя непорочная, да и первое моё письмо о любви. Проплыви угрём сквозь эти строки, заклинаю; проведи по ним своим розовым язычком, погрейся бархатной щёчкой. Люблю. Люблю. Люблю. И слов других подобрать не могу, чтобы выразить все те конвульсии, в которых прибывает мой маленький мозг. Полюби моё письмо, прежде чем узнаешь, кто Я, прежде чем увидишь, кто Я, прежде чем примешь меня в своё жаркое царство».

Вечно у твоих ног – волк-одиночка.

Катя исступлённо тёрла ладонью себя между ног, перечитывая и перечитывая письмо.

- *Слава, Сла-а-ава. Вечно у твоих ног. Сла... А-ах.*

Не в силах понять, что происходит, да, и не пытаясь сделать этого, Катя, до онемения впилась в ручку двери туалета, привстала

с корточек, с остервенением стала тереть себя через платье между ног, чувствуя, как всё жарче разгорается жар там, между ног, там, где его ещё никогда не было. Жар всё нарастал, разливаясь шире и гуще. Катя выронила письмо и задвигалась всем телом над своей ладонью, над сидящим за партой Славой. Жар накрыл её и ознобом покатился по ногам, словно селевой поток.

Пришла в себя Катя только в коридоре. Урок ещё не закончился и тот был пустынен, лишь эхом доносился с первого этажа чей-то бесполой далёкий смех. Сколько времени она пробыла в туалете, Катя не знала, как выходила из него Катя не помнила. Помнило одно – пламя родившееся в ней не только не сожгло её письмо, но окрасило его в доселе неведанные неземные, как ей показалось, краски...

За окном плетью щёлкнула хлопушка. Катя вздрогнула, но не остановилась. Катя лежала, раскинувшись на полу, на индийском покрывале и неспешно мастурбировала, то и дело, прислушиваясь к ходившей в соседней комнате маме. Катя старательно ласкала клитор, ожидая того момента, когда жар проторенной уже тропой поднимется к солнечному сплетению, и, прежде, чем тот лавиной обрушится к ногам, успеть распечатать полученное сегодня утром письмо. Письмо было подброшено тем же способом, что и первое и, более того, было запечатано в такой же конверт. Это говорило о том, что автор его ни кто иной, как Слава.

При мысли о Славе жар молниеносно перекинулся к солнечному сплетению и там закрутился каруселью.

«Бутончик, Бутончик, Бутончик, Бутончик, Бутончик. Истончённое мной деревце страсти и возжеления. Твой ВР (волк-резатель) и ЛЛ (лебедь-ласкатель) кончает тобой ежесекундно. Любовь моя к тебе безгранично космична Дэви Катя. Девочка

***целочка. Цветочек пропахший смазкой и кровью. Я мечтаю
вонзиться в тебя своей саблей и совершить в тебе революцию.***

Пока, тайный волк-сабля воздыхатель».

*Мама за стенкой перестала ходить. Катя, как и все предыдущие
разы не могла вспомнить кричала она или нет. Только сломанный
ноготь острой болью говорил о том, что оргазм был бурным. Сейчас
она стояла у двери, часто и шумно дышала и растеряно глядела на
мятое индийское покрывало с лежавшими по обе стороны одинаково
исписанными театрально-каллиграфическим почерком бумажками.
Катя потрогала себя между ног. Липко и ледяно. Поднесла ладонь к
лицу. Пальцы были в крови.*

*Катя перевела взгляд на укутавшееся в тюль окно. Оно гляделось в
интимный бардак приближающимся спокойствием ночи, словно в
зеркало реальности и лишь слегка суетилось в узкой щёлочке
приоткрытой форточки.*

*- Во-во-о-о. – промычал Славка. – Больше прозы, больше прозы.
Это тебе не порнуха.*

*Катя заметила это и с некоторой досадой представила себя
точно таким же прикрытым тюлем окном с космическим
спокойствием ночи и маленькой кровоточащей трепыхающейся на
ветру щёлкой, которая портила весь Космос её существования, вносила
смуту и грязь в её жизнь. Катя снова взглянула на письма. Теперь они
казались ей плохими. Да-да, именно плохими. Самое простое и
всеобъемлющее определение, которое в контексте этой мысли таило
под собой такие понятия как – грязные, похотливые, склизкие,
несвежие, мастурбационные, кровавые, месячные, небритые, потные*

- Яйца. – закончила цепочку Катя.

- Яйца. – выдохнул Слава и с удвоенной силой задолбил по клавишам.

Слава – яйца, пол – яйца, внешность – яйца, смелость – яйца, мальчики – яйца, яйца – кровь

Катя ощутила, как тонкая холодная мёртвая тяжёлая струйка заскользила по бедру, вниз к коленке.

Гадкие письма для вечно одинокой постели. Эти слова медленно предстали перед ней. Словно памятники. В строгой последовательности. Гадкие. Письма. Для. Вечно. Одинокой. Постели.

P.S. спрячь саблю в кожаные ножны, волк, Катя-о.п.

Кате понравилась эта мысль с написанием письма Славе. Нужно было раз и навсегда расставить точки над «и».

«Яйца-кровь. Вечная пещерная немь и крово-каловая каша. Слава, я обращ...»

Катя подумала, что если уж и соблюдать стилистику Славиных писем, то до конца. А значит никаких имён. И она замазала зелёным фломастером «Слава, я обращ».

«Космос рождённого во мне жара принадлежит Тебе, но не Твоей сабле. Полезай в ножны вместе со своей саблей и ржи. Ржать нужно вечно! Жить нужно ржачно! Ржить нужно вачно! Аминь. Аминь. Аминь. Деревя в голове моей и над головой вьются и развиваются воронами, ограды сковали заключённое в гроб тело-жар, кличут и перешёптываются незнакомые мне люди, солнце высоко-высоко и одновременно близко-близко и вот лежу

я сейчас одна в одинокой постели, и надо мной висится крест с табличкой Грибанова Катерина Игоревна 07.04.2001»

Катя взглянула на висевший над столом отрывной календарь.

« 13. (сентябрь) 2013г.

Помним скорбим любим.

Катя-одинокая пизда»

- Ч-чёрт. – Катя выругалась и тем же фломастером энергично замазала своё имя.

Затем из вороха старых тетрадей достала анкету, которую два года назад по её просьбе заполняли все одноклассники, ну... почти все – Даник Сытин, самый надменный из мальчишек, отличник и выскочка, демонстративно отказался от этого.

- Та-а-ак. – протянула Катя, перелистывая разрисованные цветными карандашами, маркерами и ручками, а так же пестрящие наклейками и фантиками из-под жвачек страницы. - Маслов Слава. – Катя уткнулась ногтем в строчку с Его Именем. Неспешно стала опускаться вниз, как по телу: губы, подбородок, соски, пупок, член, яички, мениски, ступни...

Маслов Слава, 18 октября 1999 г.д., Весы, чёрный и белый, 9, суббота, вечер, солнечная, лето, Новый год, пюре с жареной курицей, Фанта, чтение, плавание, Хонда, русская литература, Аврил Лавин, коммуникаيتد, «Жестокие игры», ул. Ванеева, д.5, кв 69.

В конце приклеен фантик из жвачки Лав ис... «Любовь это... стать для кого-то именно тем человеком».

Катя заполнила на конверте графу «адрес», смазала кромку своей кровью, что всё струилась у неё между ног, и сдавила письмо в ладошках.

Одевшись на скорую руку в свою обычную уличную слегка малую ей одежду, Катя щёлкнула выключателем и вышла в прихожую. В эту же секунду отворилась дверь в мамину комнату и та появилась на пороге.

Катя остановилась у трюмо и, щурясь, стала выдирать массажной колтуны в волосах.

- Да! Да!!!! Теперь мама и – катарсис!!!!

На фоне жирного, похожего на неопрятного толстяка шкафа она казалась бесполой. Прямые, в чёрных просвечивающих на менисках и изгибе ягодич колготах ноги, едва прикрывающий пирамидки груди неоновосалатовый топ, нарочитый макияж на мальчишечьем лице, впадины рёбер в открытой груди.

- Блин, что же дальше? Дальше что!? Переливаю из пустого в порожнее. Педик, блин, ебанный. Ну! Ну! Мама, подключайся, дерьмо. – Славик коршуном взмыл над клавиатурой. – Катя! Катка! Похотливая девственница! Розвальни-губы. Что!? Что с тобой!? Куда тебя вести убивать?!

- Ма. Я пойду, погуляю. – Катя небрежно взглянула на настенные часы и, уже на ходу добавила: - В лесополосу.

Входная дверь захлопнулась, и эхо от удара поскользило перед стремительно помчавшейся Катей по ступеням вниз. Минувя один за другим дурно пахнувшие пролёты, она выпорхнула на улицу, вызвав недовольное шипение умиравших у подъезда стариков.

- Ишь, понеслася на ночь глядя.

- К хахелю, небось.

- Конечно, к хахелю. Куда ж ей ещё, еблищ-ще?

Катя дошла до мусорных контейнеров и свернула на асфальтированную дорогу, ведущую к почтовой будке. Опустив письмо, она направилась к гаражам. С пригорка уже были видны силуэты их поросших худыми берёзками крыши и мерцающий где-то в глубине вечернего сумрака алый огонёк. Чем ближе подходила Катя к лесополосе, тем явственней проступал душный майский дух, пропитанный, как губка: густотой хвои, прелостью мха и, таким обязательным, соком живой почвы.

- Устал. – Славка прикрыл глаза ладонью. – Как взрослый. Не текст – набросок. Ладно, сейчас накидаю, а завтра с новыми силами отредактирую. Главное, Катю сегодня убить.

Выйдя к гаражам, Катя собиралась уже было нырнуть в зелень, как вдруг чуть не напоролась на грузовик, что мёртвой железякой стоял в абсолютной темноте, припаркованный носом в кустах так, что на обочине торчала лишь треть кузова.

- Блядь! – выругалась Катя и, одной рукой прощупывая машину с боку, стала пробираться к кустам.

Как она и рассчитывала, сразу же за кустарником оказалась довольно широкая тропинка. Изрезанная тёмно синими остриями теней, что, падая от изящных корабельных сосен, словно воткнутые спицы торчавших по ту сторону железнодорожных путей, тропинка мерно мерцала в фиолетовом свете прожекторов далёкого мясокомбината.

- Устал писать. Перегружаю, перегружаю.

Катя, сняла босоножки и, ступила на ещё тёплую почву. Не спеша, словно танцуя, она шла по дороге. То исчезая в тени, то лоснясь на свету, она представляла себя кораблём, который раскачивается на волнах так сильно, что волны, то и дело скрывают его от луны, превращая на мгновение в пустое чёрное пятно, в котором не отражаются даже звёзды. А ещё она вспомнила шёлк, с его мерцанием и таинственным запахом – некое месиво из молодой пчелы и свежей влажной пыли – очень сложный аромат. Но мерцание, перелив... Это важнее, а ещё глаза Славы...

- Извините.

Ворвавшийся в свет голос оборвал поток её мыслей.

- Простите меня, пожалуйста. – голос звучал ровно и внятно.

Из кустов вышел молодой мужчина, поклонился, и сразу постарался стать так, что бы его было легче рассмотреть. Катя отметила про себя его щуплость и несколько не шедшую к голому лицу зальсину. А ещё он, так же как и она держал свои туфли в руках.

- П-простите. – он снова поклонился. – У вас есть что-то для меня.

Катя замешкалась и сделала шаг назад:

- Нет.

- Вы не поняли. – он протянул ей руку с башмаком. – У вас для меня что-то есть. Зачем вы уходите? Не бойтесь меня, пожалуйста, я верующий, семипринятель, я не причиню вам вреда. Нам нельзя даже касаться женицин.

Это несколько успокоило Катю, но она всё же, на случай если придётся бежать, одела босоножки.

- Позвольте, я тоже одену. Мы ведь с вами совершенно одинаковые. Вы ведь тоже так считаете. – он говорил и одновременно натягивал ботинки. – А иначе, для чего бы нас на одну

планету поместили и завещали любить, если б мы один другим погоняли. Ведь так.

- Я, й-а н-незнаю. – Катя пожала плечами и неопределённо скривила нижнюю губу.

- То-то, не знаете, и не стараетесь узнать.

- Н-не знаю. – она снова пожала плечами.

- А как вас зовут?

- Катя.

- Катерина. Есть в неге поставленная привечная сфоя Катерна. Мы считаем, что имя Катерина произошло от привилегий этой привечной. И означает оно «носящий память».

- Да?

- Да. – он нервно улыбнулся.

- Моя церковь отправила меня к тебе как раз за такой тайной. Ты должна мне... э-э-э, у тебя есть что-то для меня. Я должен у тебя забрать.

- Но-о... вы, наверно, что-то путаете... у меня ничего нет, я просто вышла прогуляться... подумать... и-и-и...

- Нет-нет, не говорите так, прекрасная Катерна, вы должны настаивать, что бы вас называли Катерна. Так правильно. А как ваша мать вас называет?

- Катенька, Катюша. – неопределённо ответила она.

- А отец.

- Катька.

- Они убивают вас! – жарко произнёс мужчина. – Они вас калечат. И страдает при этом в первую очередь душа. И я, знаете, сам, на своей же шкуре это испытал. Величают меня Перисвет, этому имени не один миллиард лет. А мои достопочтенные, хоть и неверные прародители сократили меня до Перика. Представляете – Перик. И я болел. И слава деве Адах за её милость, что послала она

мне на жизненном пути отца-настоятеля Око Семиседьмого, что открыл мне глаза. – он вскинул взгляд в небо и семью отточенными движениями хлопнул себя вокруг головы.

- Вы п-простите, Перисвет, но я... п-пойду. М-меня ждут.

- Постой! – не то испугался тот, не то возбудился. – Постой. Я всё же спрашиваю и, видит создатель, не понимаю, почему ты медлишь. А, кстати, ты какой веры?

- У нас в четырёх поколениях а-ксенизм, был, правда, один отступник к двубожцам в Сербию сбежал, но потом вернулся, покался...

- У тебя что-то есть для меня. – перебил её Перисвет и взял её за локоть.

- Нет. Вам нельзя, вы забыли?

- Я не знаю, почему ты этого ждёшь, но... твоё право. – он схватил Катю за горло и, душа, несколько раз ударил коленом в грудь. Девочка высунула язык, прикусила его и, харкая кровью, затихла. – Дура. – выругался Перисвет и стал обыскивать её. Он снял топ, осмотрел складки, прощупал воротничок, юбку, трусики с колготами, брезгливо констатировал, что та обмочилась, – тщетно, при ней ничего не было. – Странно. – сам себе сказал Перисвет и зачем-то обнюхал пахнувшие теперь ссаками пальцы. – А в письме сказано – при ней. При ней. – повторил он, хмурясь. – Что б это значило? Вот она. – он перевернул тело девочки навзничь. – Вот она, и при ней, то есть с ней, а может?..

Он вернул тело обратно на живот, достал из кармана нож и, приговаривая, стал разделочными движениями рассекать кожу и ткани вокруг позвоночника:

- Докуд я тебя, раба божия Катерна, режу, девственница-матушка, ты стой стоячи, стой горой высокой, теки кровью рудою

рекою глубокой, стой не шелохнись, копчиком не махнись, с ноги на ногу не переступывай...

Мешавшие волосы он срезал. Углубившись, он поддел атлант. Раскачал и, вывернув голову, отсоединил её, обнажил атлант. Ощупав черепное отверстие, он, насколько мог, лезвием выдавил мозговое вещество, развернул отверстие к свету и, убедившись, что там нет того, что он ищет, приступил к седьмому шейному позвонку. Оголив его, он, глубоко вгрызаясь по линии капюшонной мышцы, отделил лопатки, посмотрел под ними и, не найдя, отделил подлопаточные и круглые мышцы. Нужно было торопиться, они с Катей не успели отойти достаточно глубоко в лесополосу, и теперь за кустами слышались совсем близкие голоса автолюбителей, что, невзирая на поздний час, не желали уходить из гаражей домой. Перисвет нервничал. Вернувшись к шее, желая подробнее её изучить, он удалил шейный отдел позвоночника и извлёк сухожильное кольцо, рассмотрел на свету – и там ничего не оказалось. На всякий случай ощупал и подъязычную кость. Затем перевалил тело на спину достал глазное яблоко и, вскрыв склеру, ощупал дно. То же повторил со вторым глазом. Вспоров брюшину, уже уверовав в свой просчёт, он простриг кишечник и, совершенно случайно наткнулся на уплотнение в малом тазу. Пальпировав, он вырвал окутанный жировой тканью сгусток и поднёс его к свету.

- Матка. Похоже, оплодотворённая. – прошептал он и, словно вспоминая заклинание проговорил: - По праву Катерны званая при себе письмо иметь буде. Как мать не любившая самой не судьба матку яйцом схожую опорожнить да послуже она. Да послуже она! – дрожа, прокричал Перисвет.

Едва он разрезал матку, как на землю выпали паспорт, удостоверение и небрежно смятая не то справка, не то написанное на казённом

- Казённом, э-э-э, ну, как его, э-э-э, ну, формуляре, во!

формуляре письмо.

- *А тама жди двоих с императрицей да укажут их. – прошептал он и, не став рассматривать находку, оттащил тело в кусты, бросился к оставленному у гаражей ЗИЛ-у.*

Заведясь, он включил заднюю передачу, рванул назад, вспахал тормозами гравий и, вспыхнув фарами, помчался прочь.

- Уф-ф-ф, устал. – Славик устало откинулся в кресле. – Мда-а, это тебе не стихи. Хм, стихи. – хмыкнул он. – Это ж нужно было так опозориться. Восьмое марта, ёбть. Жрать хочу. – он аккуратно, словно бы боясь навредить, ощупал большим пальцем свои голые в рытвинах дёсна. Убедился, что помазанная гепариновой мазью ранка на верхнем нёбе больше не кровит, примостил вставную челюсть. – Онанизм этот ещё. – пробурчал он. – Падла, все силы выжрал. Когда уже ты меня оставишь. – прокряхтел он и бегло перечитал последний абзац. – Сыровато, нужно будет завтра свежим глазом. Да и концовки явно недостаёт. Что это? – «вспыхнув фарами, помчался прочь»? Где художественное обобщение. Проза должна заканчиваться на вдохе, как говорил... а-а, хоть бы и никто не говорил, и так понятно. А всё-таки Иван Демьяныч знатно меня тогда подставил с этим восьмым марта. С-сука. Уж седой с ног до головы, а на улицу всё стыдно выйти. Мнда-а. Что б тебе ноги отнялись, да бородавки тебе в рот, старая кляча, что б ты один помирал в одинокой постели и что б... О-о! – Славка аж привстал. – А вот и концовка... и название заодно.

и вот лежу я сейчас одна в одинокой постели, и надо мной висится крест с табличкой Грибанова Катерина Игоревна 07.04.2001 – 13. 09. 2013г.

Оладка

*Как вскормила меня мама, воспитала и убила
Как полено в чёрной топке догорело и пропало
Как собаку от дороги сухой веткой оттянули
Так срубили и забыли, в одиноком поле дождь...*

Семён в восемнадцатый раз посмотрел на часы – минутная стрелка едва описала два круга. Окинул взглядом хату: красный угол, сундук под окном, переломанная надвое прялка на нём – ждёт ремонта, лава, полотенца, пустой кошель, печь. Невзрачная молотилка. Семён отёр вспотевшую ладонь о рубаху. Ещё с утра припрятал он бутылку сивухи в молотилку, да за печь подале втиснул. Он снова взглянул на часы. Без четверти восемь – скоро начнёт темнеть. Хотя в августе и долгие дни, но в Урьме, по местным меркам, большом северном посёлке, смеркалось рано.

- Пора. – тревожно выдохнул Семён, поднялся из-за приземистого затёртого рукавами стола и решительно в одно движение оправил новую холщёвую рубаху.

- Не иначе, коромысло.

Семён вздрогнул, услышав гортанное бабушкино оканье. В дверях возникла Айля Трофимовна, простоволосая, белая с головы до пят, в неприлично прозрачной ночной рубахе и босая. Словно бы из только вымытой печи выползла, подумал Семён.

- На отца похож. Тот также ш потолок подпирал. – шаркая узловатыми ногами, Айля Трофимовна приблизилась к внуку.

Больше всего Семён боялся, что бабушка обнаружила его заначку и сейчас станет куражиться, а самое страшное – не отдаст. Не отдаст и

всё. А Семён не знал, где в это время можно раздобыть ещё вина. Конечно, в деревне были самогонщики, но... Семён не был своим в Урьми. Его даже недолюбливали, считали городским мажором.

- Я думал, ты спишь. Старался не шуметь. – глядел в окно Семён и всё пытался понять, как молчит бабушка – напряжённо, зло или никак, просто молчит. Нашла ли она бутылку. Прознала ли чего...

- Легла да не спится – молодость вспомнилась, отец твой, царствие ему небесное, королевичу. Каким бледненьким он родился. Такими бледными не рождаются. Аки лён белый. Как его шука за ухо укусила, как в кадке медовой залип. – она едва заметно, одними глазами, усмехнулась. – Как мамку твою привёл в хату... Знаешь, Сёма, жизнь прожила, а дня без него не помню. Всё с ним. В солдаты ушёл – как словно и не жила...

Она говорила, говорила много, монотонно, почти не останавливаясь. Семён подумал тогда, что люди так дышат, как она говорит – ровно, слегка сипло, боясь, что их остановят. Она всё говорила, а Семён смотрел в окно и считал удары своего сердца – секунды на часах.

«Оладка», - невольно качнулось в нём.

Вот уже стали сгущаться сумеречные, кажущиеся дырами на золотистом теле неба тучи. Они стягивались к горизонту, громоздясь и слипаясь, оставляя лишь тонкую алую зазубренную еловыми шпильями полосу. Вот уже пропала с глаз кромка поля, медная, увесистая, северная; едва брезжат лохматые спины скирд, да балясины на заливном лугу, скоро и их не останется. А когда в доме погасят свет, до утра пропадут и прутья притаившегося в зарослях лопуха овина.

Семён направился к дверям, решив воротиться за бутылкой позже.

- Куда это ты на ночь глядя? – застыла бабушка, сгорбившись, на фоне печи, словно призрак из прошлого.

- Мне надо, ба.

Семён боялся этого вопроса. Боялся на столько, что готов был убежать. Боялся кем-то в глубине себя...

- Мне надо. – тихо повторил он, стараясь не глядеть на её остистое выжатое годами и трудом тело – неясное чувство стыда рождало оно в его изнеженном и бесконечно погрязшем в чувственности сознании.

Айля Трофимовна подошла к кадке с водой, трясущейся рукой погрузила в неё ковш. Резной ковш, дедовский...

- Тебе надо. – бесцветно прошелестела она кончиками сухих губ и, помолчав, добавила: - Ставни затвори. Я воров боюсь.

Когда, справившись со ставнями, Семён вернулся в избу, Айли Трофимовны у стола уже не было. О её недавнем присутствии говорил лишь ритмично покачивавшийся в кадке с водой ковш да убранная со стола тарелка с рыбными костями.

Убедившись, что бабушка улеглась, Семён забрал вино и вышел из хаты. На ощупь пробрался до калитки, скинул петлю, затворил за собой. В лицо торжественно пахло густым, словно бульон на косточке деревенским варевом: кислый суглинок, травостой вперемешку с пряной ольхой – терпкий, с сосённика приторно тянуло пострелом – дюже буйствовал в этих местах их аянский брат, слащавый рододендрон, ядрёная хортица, кричащий можжевельник, тинный компот пруда, кислота слюды, навозный шлейф с белевшей на пригорке фермы. Ферма. При мысли о ней сердце Семёна сжалось.

Ферма.

Семён свернул с большака в аллею. Остерегаясь раздавить улитку, он буравил носками ботинок уже остывший с дневного солнцепёка песок – ступал кротко и одновременно торжественно.

Прокричал потревоженный его шагами кулик.

- Оладка. – теряя над собой контроль, произнёс Семён.

Вот уже и полуразрушенная мельница раскинула дубовые культы своих израненных крыльев и посвистывает на ветру, белый, каменный,

построенный ещё в русско-турецкую компанию амбар, тоже изрядно развалившийся и теперь пугающий прохожих своими чёрными ранами; облюбовавшие его сырое холодное тело летучие мыши...

Семён знал, что сейчас из-за его белёсой стены вырастут арматуры брошенного тепличного комплекса ЗАО РоПЛ и он услышит...

- И-го-о-о-о-о-о-о-о.

Раздалось протяжное, долгожданное, оттого тёплое и близкое, словно связанный мамой свитер ржание.

- Оладка. – незаметно для себя самого выдохнул Семён и втянул растревоженными ноздрями сладковатый невероятно насыщенный скотный воздух.

Ферма.

Словно первый глоток, первый крик, словно первый вдох

Кажущиеся пигмеями, с пригорка раскинулись серебряными нитями по земле низкорослые ангары, выстроились перед глазами Семёна в букву «П», обнажились. Он уже мог разглядеть чёрные щели окон, загоны, с поилками и дренажами, с копытным месивом, – стоящий на приколе полу разобранный трактор: балбес и местный петрушка Виктор с полгода уже чинит, пять ЗИЛ-овских прицепов, словно плитки домино, горка шин, крытый ангар для дров – зимой топить, чёрная кучка...

- Иг-о-о-обр-р-р-р, фр-р-р.

- Оладка, я здесь! – гаркнул Семён и прислушался к эху.

Эхо показалось ему крымским.

Огромными шажищами промчалось оно через луг, ухнуло где-то за горизонтом, ударилось в стены фермы и вернулось к Семёну.

- Эге-ге-ге-е-е-е-е!!! – закричал он в восторге, чувствуя, как тело становится полым, словно бы пронизанным десятками сквозных дыр, с кулак. – Оладка-а-а-а!!!

- Иго-о-о-о!!

- Здорово, ребят. – Семён неуклюже вошёл в тесную каптёрку.

Его не слышали, поскольку кто-то отчаянно кашлял.

- О! Семён! Чего мнёшься в дверях? Заходи.

Полулежавший на лавке мужичок помахал ему рукой. Мужичок был из тех, кого презирают даже в деревне и вид имел приомерзительный: фосолеголовый, похожий на недельного телёнка, с красной шеей и глазами мелкими, впавшими. В свои тридцать-тридцать пять он уже казался нежилецом.

- Да заебал ты кашлять! – он зло гаркнул на заливавшегося не то кашлем не то безжизной рвотой собутыльника.

- Туб... Туб... – пытался выдавить из себя тот, но снова заходился.

- Заходи, Сём. Садись.

Семён подкатил к столу чурку, поставил на попу и сел:

- Здравствуй, Кирилл. Ой, Сом, прости, Кирилл.

- Ой, Сом, пиздец. – сипло протянул откашлявшийся, наконец, мужик. – Чуть нахуй лёгкие не выплюнул. – Он чиркнул огнивом и затянулся Астрой. Пустую пачку швырнул под стол. – Мотей. – он протянул Семёну крепко загорелую, похожую на вяленого линя ладонь.

Семён пожал и тут же понял, что рука Матей сухая.

- Выбил руку. – заметив замешательство Семёна, выдохнул вместе с дымом Матей. – С лошади упал. С тех пор сохнет. Вообще не чувствую. – и словно в доказательство потрянул плечом. Рука, словно бы приклеенная мокрая тряпка безжизненно качнулась и плюхнулась на стол.

- Я вот принёс. – стараясь не глядеть на увечье, Семён вынул из-за пазухи бутыл с сивухой.

- О! Синька. Добро! – оживился и без того взвинченный Сом.

- Сом, а почему тебя Сомом зовут? – Семён немного захмелел.
- А потому что меня в детстве сом съел. – говорил он вроде и игриво, с вызовом, и в тоже время совершенно серьёзно.
- Да, брат. – Матей положил здоровую руку Семёну на плечо. – Сома сом съел.
- Да не путай ты парня! – Сом зачем-то постукал пальцем по датчику давления. – Сом – рыба. Ну, понимаешь?
- Чего ты с...
- С города он! Догнал?! С города! Не встречай, Матей, не встречай. Меня ещё мальчишкой, ну, малой совсем, только ходить почал, взяли на рыбалку. Дед с батей на сома ходили. С месяц его с пруда тащили, наконец, вытащили. Здоровенный гадюка, с полтонны, не меньше. Я хоть малой был, а помню. Глазюки – во, с кулак будут, усы такие. – он изобразил в воздухе что-то невнятное. – На двух лодках еле вытащили. И короче, лежит он на берегу, а родственники мои разговеться, значит, решили. Пузырь, значит, достали и давай хуярить. А я к сому пополз, давай его за усы тягать, а он хап меня! И сожрал. Я значит, давай биться, орать, а он глотает меня. Короче дальше помню только то, как батя сома ножом прорезал, да меня за ноги и вытащил. Во как.
- Мда-а-а. История. – многозначительно протянул Матей.
- Действительно. – Семён незаметно покосился на часы. – Удивительная история. А-а, ребят, я, наверно, пойду, э-э-э...
- А приходил-то чего? – недоуменно уставился на него Матей.
- Так он к Оладке ходит. – рассмеялся Сом. – Был бы цыган – подумал бы, что увести хочет. Но Семён не уведёт. Чё ты в ей нашёл? Кобыла как кобыла. Даже, вроде, ломаная.
- Й-я п-пойду. – Семён налился краской и, испугавшись и застыдившись одновременно, что Сом раскусил его. – П-пойду, п-поздно уже.

И Семён скоро вышел из каптёрки, в смятении не попрощавшись.

- Скажи Оладка, я дрянь? Дрянь? – голос Семёна сорвался – он, не скрываясь, заплакал.

Разговор длился уже третий час. Третий час по чугунным рельсам многотонной кукушкой. Семён стоял перед Оладкой на коленях, в луже грязи, в руках его был зажат огарок бревна. Мир молчал, подчинившись силе глубокой северной ночи. Давно спали и Матей с Сомом.

- Я не должен просить у тебя прощения. Ни в коем случае. Я ни в чём не виноват. Дикостьдикостьдикостьдикость! – он перешёл на визг. – Нам было хорошо вместе, как в яблоневом саду в мае, как в-в сентябре в-в Ялте, как... как там, где всё ещё только будет или там, где всё уже позади, где есть чего ждать или есть о чём вспоминать. Оладка моя, мы были там, и я счастлив от этой мысли, счастлив этой мыслью. Питаюсь ею. И мы будем *там*, и я уже заранее радуюсь этой мысли. Пойми, моя Оладка. Ты чудесная, ты загадочная, умная. Я прихожу к тебе как в интереснейший музей.

Подул ветер. Где-то неподалёку хлопнули ворота.

- Буря. – произнёс Семён. – Не иначе буря. Ты знаешь, Оладка, я заметил удивительную природную мудрость – она убирает за нами. Хотим мы этого или не хотим. Буря уберёт следы преступления. Так уже было. Смывает кровь, раскидает тряпки, завалит деревьями жертвенный алтарь. Только, только не наше преступление она пришла смывать, не наше...

А ветер всё усиливался. Вот он уже разряжённым прессом прошёлся по лугу, пустил сырую волну, зашлёпал листьями сада, сбил сонное оцепенение с аллеи, со свистом пронёсся по крышам фермы и, словно бы в завершение своего пути, ударил в колодезное ведро. Словно в набат. Семён вздрогнул.

Луна скрылась за тучами. Упали первые капли.

- Тяжёлые, словно свинец. Я однажды наблюдал зарождение чудовищного дождя. То, что он будет чудовищным, было понятно сразу, с первого же вздоха небес. Я тогда стоял на небольшом железном мостике в одном рыболовном хозяйстве. И вот я вдруг увидел. Как речная гладь словно бы налилась, кристаллизовалась и превратилась в вату. И в эту вату одна за одной стали падать капли, капли небесного свинца, непомерно тяжёлые и быстрые. Они исчезали в ватной бездне, оставляя после себя едва заметное решето шрамов. Я не хочу сейчас говорить о любви... Сейчас это больно. Мой дом в огне, Оладка. Он объят пламенем, а мне в нём холодно. Холодно, как зимой в лесу. – Семён поёжился. – Мне жаль, мне безумно жаль своей жизни, я как та пронизанная свинцом вата – всё во мне, всё хранится во мне и даже не собирается перегнивать, не собирается распадаться, чтобы покинуть меня. Я с этим живу! Как с горбом!

Мне тяжело, Оладка, мне больно... Агония в сентябре, кровь первоклассника, венки из кукурузных стеблей, частокол, редколесье... Я не видел твоей крови. – он уронил огарок в лужу.

Непогода уже вошла в силу. Семён не видел Оладку, но чувствовал исходившее от неё тепло, чувствовал, как она беспокойно перебирает копытами. Тут прозвучал раскат, высокий-высокий! и через мгновение ферму ослепила вспышка. Всё произошло так быстро, что Оладка даже не успела испугаться – так и осталась стоять, как вкопанная.

- Ты не вправе осуждать меня. – слёзы смешались с дождём и теперь текли у Семёна по рубахе в лужу. – Ты вправе принять меня или оттолкнуть. Сделать выбор. Первое, второе, третье, четвертое или пятое – это всё выбор и каждый твой выбор будет правильным. Не кори меня за то, что мы не стали близки – сожалею, радуйся, негодуй, всё что угодно, только не кори. Как можно укорять дождь за то, что он

холодный? Как можно укорять дождь?.. Оладка, мне тяжело говорить с тобой. Уже ночь и я не вижу твоего лица, не помню твоего лица. Ты фантом, привидение из прошлого, шрам на моём теле. Я не хочу извиняться – я хочу объясниться. Пойми, Оладка, жизнь в которую мы вовлечены – это забег, спринт – кто успел тот и сел. В частности и на тебя, Оладка – кто успел. Я не хочу участвовать в этой чехарде. Я не хочу сесть на тебя, Оладка, только потому, что я сильный или не сесть, потому что я слабый. Я не хочу быть не слабым не сильным. Я хочу раствориться и перестать быть... Не думай обо мне плохо, Оладка.

Новый раскат грома проглотил его слова.

– Я просто больной уставший человек и мне пора уходить.
Послушай, я сочинил это стихотворение о себе для тебя:

*Как вскормила меня мама, воспитала и убила
Как полено в чёрной топке догорело и пропало
Как собаку от дороги сухой веткой оттянули
Так срубили и забыли, в одиноком поле дождь...*

*Как с колодца носят воду, что Луна в ней отражалась
Как завесят окна в полдень, чтобы солнце не мешало
Как икону поцелуют, чтобы в доме был достаток
Как таблетки принимают от сидящей в теле боли...
Как рассматривают порох с возбуждением идиота
Как бельё снимают с ляжек две вспотевшие ладони
Как косой проходит дождик, растревоживши деревья
Так проходит всё на свете, удивившись на мгновение...
Как с могилы носят слёзы рукавами и платками
Как от хлеба режут пальцы с почерневшими ногтями
Как махали и стучали в танце диком сапогами
Как с попойки шли до койки
Кто-то вспомнит, только смутно...*

*В липких кружках хмель играет! покрасневший полдень морит!
Как жуужжали звонко мухи над твоею головою!
Как о камни бились жизни! Как отскакивали звонко!
Так срубили и забыли, в одиноком поле дождь...*